

НА

Реформирование
войск: реальность
и перспективы

БОЕВОМ ПОСТУ

Десять лет
с войной...

«Пацаны,
будьте людьми»

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

4 '98

ДЕНЬ ВОЙСК — ДАНЬ ПАМЯТИ

27 марта
1998 года

Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

На сегодняшний день в списке безвозвратных потерь внутренних войск МВД России за период чеченской войны значится 1168 фамилий.

НАВЕРНОЕ, невозможно почувствовать всю глубину чужой боли. Не дано, пока не столкнешься с нею сам. 18 апреля 1996 года был убит на войне военный корреспондент старший лейтенант Анатолий Ягодин. Наш Толик, наш коллега, боевой товарищ, наш друг и брат.

Чеченская война унесла сотни жизней военнослужащих внутренних войск. Надо сказать, что мы никогда не скрывали своих потерь. С самого начала боевых действий газета "Ситуация" велла рубрику "Они погибли в Чечне". На протяжении этих двух кровавых лет мы из номера в номер называли имена тех, кто погиб, выполняя приказ. Наши погибшие товарищи были названы поименно в хронике событий на страницах журнала "На боевом посту". Редакция передала мартиролог в газеты "Труд" и "Щит и меч" для опубликования. Этим же списком завершается и книга "Внутренние войска: кавказский крест". В последних числах декабря 1996 года вышел специальный номер газеты "Ситуация" (№ 46-47) со списками погибших военнослужащих внутренних войск. Этим номером нам хотелось подвести черту под двумя годами кошмара. Но, к сожалению, сделать этого так и не удалось.

В последнем номере журнала "На боевом посту" за прошлый год мы опубликовали продолжение списка военнослужащих, погибших в Чеченской республике, умерших от ран и болезней.

К великому нашему сожалению, и это далеко не полный список. Война закончена, но до

сих пор в плену у боевиков остаются наши солдаты. На сегодняшний день неизвестно местонахождение около 450 военнослужащих внутренних войск. Выяснить их судьбу — и наш долг. Мы делаем для этого все возможное: взаимодействуем со структурами, занимающимися поиском без вести пропавших, со 124-й ростовской лабораторией.

В ходе работы над Книгой памяти, которую готовят к печати военные журналисты внутренних войск, в опубликованном раньше списке выявлены некоторые неточности в фамилиях, именах, отчествах. Шаг за шагом устраняем мы эти досадные недоразумения, вызванные той горячей обстановкой, в которой зачастую собирались данные. Кроме того, за прошедший год найдены многие из тех, кто считался пропавшими без вести. Скорбный список выверяется и сегодня. Трижды, к нашей великой радости, из него вычеркивали солдатские фамилии — оказывалось, что парни живы. По какому-то недоразумению, по

чьей-то оплошности в боевой горячке посчитали солдат погибшими, а они выжили, и даже после излечения продолжали службу в войсках.

Видимо, мы еще долго не сможем поставить точку в списке безвозвратных потерь. Продолжается работа по поиску без вести пропавших, находящихся в плену. Буквально на днях стало известно о том, что в 124-й ростовской лаборатории опознаны военнослужащие внутренних войск рядовой КУНШИН Алексей Владимирович и младший сержант СУХОВ Александр Викторович. 1169-й и 1170-й... И этому скорбному списку не видно конца...

В прошлом году на административной границе с Чечней погибли еще одиннадцать военнослужащих внутренних войск. Кто еще не вернется из боя?

Говорят, что война не окончена до тех пор, пока не будет похоронен последний солдат. Истина, не требующая доказательств. Для нас, военных журналистов, война не будет окончена, пока не напишем о каждом погибшем хотя бы одной строкой.

**Майор
Сергей КОЛЕСНИКОВ,
составитель Книги памяти**

Продолжается работа по созданию Книги памяти военнослужащих внутренних войск, погибших в Чечне. Мы просим откликнуться всех, кто мог бы рассказать о своих боевых товарищах. Пришлите нам воспоминания о них, фотографии.

При фонде помощи военнослужащим внутренних войск "Чужого горя не бывает" открыт счет на издание Книги памяти. Всем, кто мог бы помочь в этом деле, сообщаем реквизиты:

ИНН 7722012343, Москва, АКБ "ТРАНСКРЕДИТ", расч.счет 40703-810-6-0000-0000701, корр.счет 30101-810-4-0000-0000575, БИК 044585575, фонд "Чужого горя не бывает" — на издание Книги памяти.

Письма скорби

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Я постоянно читаю ваш журнал и проверяю списки "бессмертных". И вот наконец я нашел фамилию своего друга. Именно за это я вам благодарен! И хочу рассказать о нем.

Перегудов Михаил Владимирович. Он из Самары. Мы с ним вместе призывались. Познакомились — и решили службу нести вместе, как бы тяжело ни было. Вместе добровольно пошли служить в разведроту — прошли тест, и нас приняли. А потом была Чечня...

В августе 96-го стояли в Грозном, в Старопромысловском районе. Пришлось повоевать. И вот 23 августа по телевидению объявили о прекращении боевых действий и выводе войск. В то утро было тепло и на улице, и на душе у всех. Миша тем временем направился на пост. Спустя некоторое время по радию с поста услышали: "У нас "трахсотый", тяжелый!" Сразу же с подкреплением и доктором выдвинулись к месту происшествия. Мишу ранило в грудь, пуля вышла со спины... Но он был жив. Под прикрытием его срочно перевезли в госпиталь в аэропорт Северный. Ребята потом рассказали: Мишка пришел радостный и со словами "Все, войне конец! Скоро домой!" встал на входе напротив бойницы. Именно тогда прогремел выстрел, и Мишка упал. Не помог и "броник". И война в тот день не кончилась... 26 августа из Ростова пришло сообщение, что Миша не выжил.

Я доверяю вам и надеюсь, что это письмо не будет выброшено в урну. Поместите рассказ о Мише и его фотографию в Книгу памяти.

С уважением —

рядовой А. БУРЦЕВ

г. Златоуст

... Когда у меня родился мальчик, я долго не могла придумать ему имя. И тут по радио услышала песню о памятнике русскому воину Алеше на болгарской земле: "Стоит над горой Алеша, в Болгарии русский солдат..." Так и назвала сына — Алеша.

А потом услышала другую песню о том, что мать не дождалась с войны сына, а потом в деревенском клубе перед фильмом в журнале-хронике она и односельчане увидели живого Алешу. "Алексей, Алешенька, сынок..."

И вот через двадцать лет история повторилась. Я не дождалась сына с войны...

Я верю, что после смерти человек не исчезает полностью, его душа переходит в мир, невидимый для нас. Наши мальчишки, надев солдатские шинели, в свои неполные двадцать лет состоялись как мужчины — выполнили долг, победили страх. Они достойны в том ином мире лучшей жизни, чем довелось им прожить на земле. Спасибо нам, что помните о наших сыновьях...

РОГОВСКАЯ

Галина Александровна

*г. Фурманов
Ивановской области*

Дорогая редакция!

Пишет вам мать солдата, погибшего в Чечне. Мы благодарны вашему коллективу за то, что взялись за это нелегкое дело — выпустить Книгу памяти. Написать книгу об этой войне, войне, в которой погибло столько невинных ребят, непросто. Но сколько солдатских матерей с нетерпением

будут ждать эту книгу, в которой хоть одной строкой будет сказано и об их сыновьях.

Постарайтесь, чтобы в каждую семью, кого коснулось горе, эта книга обязательно попала.

С уважением —

семья САЛТЫМАКОВЫХ

Тамская область

Здравствуйте, уважаемые журналисты "Ситуации"!

Находясь в Москве, на встрече сослуживцев нашего сына Володи, я узнала адрес вашей газеты и то, что вы создаете Книгу памяти внутренних войск.

Просим внести в эту книгу и имя нашего сыночка. Володе было всего 18 лет, когда в августе 1996 года оборвалась его жизнь при выполнении специального задания по разблокированию 13-го КПП в Грозном. Он был водителем командирского БТР в разведывательно-штурмовой роты 101-й бригады внутренних войск.

Володя строил планы на будущее, надеясь вернуться с войны. А мы видели в нем опору и надежду. И в миг все рухнуло...

Но еще тяжелее оттого, что мы одни из немногих (а может быть и многих) родителей, кто еще не похоронил своего сына. Идут бесконечные экспертизы...

Поэтому мы и хотим, чтобы вы внесли в Книгу памяти имя нашего сыночка — Котова Владимира Евгеньевича, чтобы память о нем была на этой земле вечной.

С глубоким уважением —

семья КОТОВЫХ

*г. Вязьма
Челябинской области*

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

и боли

Несмотря на то, что у нас не прошла, да и никогда уже не пройдет боль утраты, мы рады помочь вам в создании Книги памяти погибших в Чечне воинов-слушавших. Спасибо вам, что взялись за создание этой книги, ведь благодаря ей наши дети не будут преданы забвению. Хотя в наших сердцах они и так останутся навечно. Мне тяжело писать о сыне, погибшем неизвестно за что. Мы до сих пор не можем понять, кому нужна была эта война и чего мы добились в ней. Знаю одно, погибли тысячи наших детей, которые в жизни еще ничего и не видели. Спасибо, что не забыли вы их.

Л.К.ЯКШИЦ

г.Рыбный

Адрес вашей редакции мы прочитали в газете "Труд". Узнали, что создаете Книгу памяти павших в Чечне. И я решила написать вам о моем единственном сыне, моем Олежке, который погиб там, в Чечне. Родился наш сыночек 5 сентября 1970 года в Таганроге. После школы закончил Уфимское высшее авиационное училище. Олежек наш очень любил небо, все говорил мне: "Мама, ты не представляешь, что такое небо!" Мы с мужем радовались успехам сына, но очень переживали из-за частых его командировок на Северный Кавказ, а он нас успокаивал, говоря, что "там все нормально". 17 ноября 94-го года мы были в гостях у сына, и я еще не знала, что вижу моего сыночка живым в по-

следний раз. Олежек встретил нас радостно. Ему накануне присвоили очередное воинское звание — "старший лейтенант", и он должен был улететь в очередную командировку в Моздок. Сын просил не огорчаться и обещал к новому, 1995 году быть дома.

Затем началась война в Чечне. Олежек несколько раз звонил домой, успокаивал, что он в Моздоке, в санитарном экипаже, а, значит, волноваться не надо. Но по голосу его я поняла, что сын мой изменился, сразу как-то повзрослел, вида ужасы войны, смерть, боль.

И вот пришел в нашу семью этот черный для нас день — 20 декабря 1994 года. По телевизору в "Новостях" мы услышали сообщение, что в Чечне сбит санитарный вертолет МВД. Предчувствие беды нас не обмануло...

В 12 часов ночи к нам домой из Ростова приехали командир части, где служил наш сын, и его боевые товарищи со страшным известием о гибели нашего единственного сыночка — Олежки, нашей надежды и опоры...

Похоронили мы Олежку в Таганроге на городском кладбище у высокого тополя. Открыли нам гроб с телом сына только на кладбище, чтобы мы могли с ним проститься в последний раз.

До конца своей жизни я буду казнить себя за то, что я, медик, ничем не смогла помочь моему сыночку, а его не спасла, я его не смогла защитить. Ведь он еще жил после взрыва шесть часов... За что мне такая судьба выпала — хоронить своего единственного сына? Я плачу каждый день от бессилия и боли. Мой сыночек так любил жизнь, какие планы строил, какие мечты были — все перечеркнула война. Он собирался жениться весной, детей очень любил, а я так ждала внуков. А теперь не осталось нам с мужем ничего, только светлая память о нашем сыночке и могилка на кладбище.

Благодарю всех, кто помог нам в

страшной беде, кто был с нами рядом в нашей горе — наших друзей, родных, знакомых, одноклассников сына и его боевых друзей, которые и сейчас нас не забывают. Большое спасибо и вам, что хотите сохранить память о наших сыновьях. Вечная им память.

СМИРНОВА

Татьяна Владимировна

г.Таганрог

Здравствуйте, уважаемые сотрудники журнала "На боевом посту"! Пишет вам вдова старшего лейтенанта Шундаева Алексея Петровича, погибшего в Чечне при выполнении служебно-боевых задач. Большое человеческое спасибо, что взялись за такое доброе дело — увековечить память наших мужей, сыновей — ни в чем не повинных людей, погибших в преступной войне. Это благородно. Люди вам будут благодарны, если эта книга станет делом чести и служебного долга военных журналистов.

.. Боль и тоска по любимому человеку не покидают меня, и нет ответа на вопрос: "За что все это?"

Вдова погибшего офицера

Светлана ШУНДАЕВА

Спасибо вам за ваш труд, за ваше внимание к нашей семье. Очень болезненны все воспоминания, которые касаются нашего Вовочки. Но очень приятно, что он не забыт, что есть люди, которые хотят увековечить память о нем, о всех ребятах, погибших на этой войне. Большое спасибо и низкий поклон вам. Дай Бог, чтобы вы и ваши родные никогда не пережили того, что пережила сейчас мы.

С благодарностью —

семья ТРИФОНОВЫХ

г.Нальчик

Содержание

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

С. КОЛЕСНИКОВ

Назовем поименно 1

В. ЖУРАВЕЛЬ

Сынам России — воинам внутренних войск 6

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

И. СОФРОНОВ

Что на чашах весов? 8

Оперативная часть Приволжского округа внутренних войск, занявшая позиции в чеченской столице после покушения на генерала Романова, оказалась в эпицентре многих страшных событий, щедро окропив грозненские улицы кровью своих солдат и офицеров. Одним из них был капитан Дмитрий Ларин.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Б. КАРПОВ

Белый шарф с черной отметиной 13

“Родные мои, вы не переживайте за меня. Я уже совсем скоро приду и постараюсь стать совсем другим человеком, не таким, как на гражданке...”

СЛУЖБА

В. ТОРИН

Десять лет с войной 16

За последнее десятилетие в войсках появилась целая плеяда офицеров и генералов, прошедших одну за другой все горячие точки. Их память — незаживающая рана Отечества. Немало шрамов оставили эти годы и в памяти генерал-майора Григория Петровича Фоменко.

Заочный «круглый стол». Реформирование войск: реальность и перспективы 20

Н. КАМШЕКИН

101-я бригада: ставропольская одиссея 24

Год назад, покидая с развернутыми знаменами Грозный, бойцы 101-й были уверены, что государство позаботится о них. Надежды не оправдались. Боевая, насквозь прострелянная бригада была вновь обречена на тяжелые испытания.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА
БОЕВОМ ПОСТУ

№ 4 ♦ 1998

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —

МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —

Главное командование
внутренних войск

111250,

Москва, Е-250,

Красноказарменная улица, 9а

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

А. ПЕТРОВ

Здесь — чудеса 27

Главный военный клинический госпиталь внутренних войск отметил свой юбилей.

Л. ИЛЬИН

Жизнь моя, бездна... (окончание) 31

ЛИЦОМ К ПРОБЛЕМЕ

Н. КАРПОВ

Искоренить преступность в армии 41

Если уровень преступности в военной среде и отражает криминогенную обстановку в обществе, то изменить ее в лучшую сторону в армейских условиях все-таки легче.

А. ЛАРСКИЙ

«Пацаны, будьте людьми», или Беседы по душам в казенном доме 43

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Н. КАЗАКОВ

Три недели до отпуска (повесть) 47

“Прошло уже более часа, а он никак не мог решиться. Все было продумано до мелочей, выверено до минут, фраз, слов, мимики и жестов. Не раз наедине с собой он обыгрывал ситуацию. Срыва не должно было произойти. Не должно. И все-таки его что-то останавливало”.

Н. СТАРШИНОВ

Отпылали те костры... (стихи) 66

Н. БЕРЕЗОВСКИЙ

Короткие рассказы 68

КАЛЕЙДОСКОП

В. ЗОЛУТУХИН

«Вперед, и с песней!» 71

Такова формула успеха по Золотухину

Р. ИБРАГИМОВ

Сила — в движении 75

Спортивному обществу «Динамо» — 75 лет.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А.
ЕРМИЛОВ А.М.
(зам. главного редактора)
КАРЕВ А.Н.
(ответственный секретарь)
КАРПОВ Б.В.
КИСЛЫЙ Ю.П.
КУДРЯШОВ В.И.
МУЧАК И.Н.
СИМОНОВ А.В.
ШЕРЕМЕТА В.А.

Художественное оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка

ГЕРАЩЕНКО В.П.
БАРАНОВА В.А.
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.
БУКАТКО В.С.

На 1-й странице обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал
"На боевом посту", 1998

Сдано в набор 26.02.1998 г.
Подписано к печати 2.04.1998 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. №. 435
Индекс
для индивидуальных подписчиков — 70610
для предприятий и организаций — 73175

Ордена "Знак почета"
типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

Память

Сынам России — воинам внутренних войск

На вопросы нашего корреспондента отвечает заместитель начальника управления по работе с личным составом — начальник отдела ГКВВ МВД России полковник Валерий ЖУРАВЕЛЬ.

— В прошлом году Главным командованием внутренних войск МВД России было принято решение об увековечении памяти наших военнослужащих, погибших при исполнении воинского долга. На сколько продвинулась работа по созданию памятника «Сынам России — воинам внутренних войск»?

— Проект памятника, который уже одобрен экспертной комиссией художественного совета по произведениям монументального искусства города Москвы, выполнен известным скульптором Анатолием Андреевичем Бичуковым и архитектором Александром Викторовичем Кузьминым. Монумент будет установлен в сквере на Красноказарменной улице, напротив здания Центрального музея внутренних войск МВД России. Соответствующее разрешение мэра столицы Юрия Михайловича Лужкова получено.

Памятник представляет собой гранитную стелу высотой 9 метров и бронзовую скульптуру скорбящей матери, окруженную гранитными глыбами, доставленными из всех 89 субъектов Российской Федерации. На бронзовой ленте начертано:

«Сынам России — воинам внутренних войск». Это очень красивое и величественное архитектурное сооружение весом более 150 тонн.

Гранитные плиты вишневого цвета для стелы прошли тщательную экспертизу, доставлены в Москву и сейчас обрабатываются. Добыты они на уникальном Токовском месторождении Днепропетровской области, на котором, кстати, был взят камень для памятника Георгию Жукову, установленного на Манежной площади у Исторического музея в Москве. Большую помощь нам оказал генеральный директор объединения «Днепрорудпром» Иван Иванович Домашенко.

Пересылкой гранитных глыб из субъектов Российской Федерации занимаются местные части внутренних войск. Первую доставили из Кузбасса Кемеровской области. Всего в столицу пришло около сорока камней. Проблем с доставкой остальных, думаю, тоже не возникнет.

— Как отнеслись к инициативе создания памятника в войсках?

— Главной задачей было не столько собрать максимально возможную сумму, сколько сплотить людей, сделать причастными военнослужащих, ветеранов к этому, безусловно, благому делу.

К сожалению, некоторые округа внутренних войск заняли пас-

сивную позицию: в них собрано чуть больше 61 тысячи рублей, то есть всего 5-6 процентов от общей суммы. Деньги на строительство памятника перечислила лишь каждая пятая воинская часть. Лучшее по сбору денежных средств идет в Восточном округе внутренних войск и некоторых уральских соединениях. Хуже — в Северо-Кавказском округе.

Первым посильную лепту в строительство памятника внес медицинский персонал санатория внутренних войск «Россия». А вот из соединений, где служат полковники А.Зернов и В.Зайцев, вообще не поступило ни копейки.

Всего в прошлом году на счет строительства памятника перечислено 1,1 миллиарда неденоминированных рублей. Между тем расходы согласно смете составляют около 3,5 миллиарда.

Некоторые командиры частей и соединений собранные средства использовали для сооружения мемориальных досок, обелисков на территории своих военных городков. Создание памятников на местах — дело, безусловно, нужное. Но давайте сначала общими усилиями воздвигнем главный памятник, к которому со всей страны могли бы приехать родственники, боевые товарищи, чтобы склониться перед светлой памятью погибших, возложить цветы. Еще восемь лет назад, когда 14 января 1990 года в селе Азад Хан-

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

ларского района Азербайджана без вести пропала группа капитана Сергея Осетрова, генерал Анатолий Сергеевич Куликов высказал такую идею.

— **Валерий Петрович, даже максимально объединив усилия, военнослужащие войск столь дорогостоящий проект не вытянут. Насколько серьезно ведется работа по привлечению спонсоров?**

— Управление по работе с личным составом Главного командования внутренних войск прикладывает для этого максимум усилий, ведет переговоры с меценатами, чтобы собрать необходимые денежные средства. Мероприятия по созданию памятника — на личном контроле главнокомандующего внутренними войсками генерал-полковника Леонтия Павловича Шевцова и его заместителя генерал-лейтенанта Станислава Федоровича Кавуна.

Поначалу генеральным спонсором строительства памятника выступила Ассоциация по борьбе с наркоманией и наркобизнесом. Ею перечислено свыше 300 тысяч рублей.

Всем главам субъектов Российской Федерации мы направили письма. К сожалению, на просьбу оказать содействие в увековечении памяти солдат правопорядка откликнулись только 15 руководителей регионов. Существенную финансовую помощь оказали Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Коми, Карачаево-Черкессия, Тульская, Московская, Магаданская, Калужская, Псковская и другие области.

Большое спасибо сотрудникам милиции, особенно МВД Ингушетии, Кабардино-Балкарии, УВД Тверской области, которые приняли самое активное участие в сборе денег.

Всего на памятник воинам внутренних войск поступило около 160 перечислений, в том числе от частных лиц: Ивановой, Визнюк, Савченко, Скрипченко, Кузнецовой, Козловой, Куклиной,

Сидоренкова и многих других. Пожертвования невелики, но они, не сомневаюсь, от чистого сердца. А это главное.

— **Валерий Петрович, как вы полагаете, можно ли сегодня с уверенностью говорить о сроках завершения строительства памятника “Сынам России — воинам внутренних войск”?**

— Сложности, которые несколько тормозят окончание работ, связаны прежде всего с финансированием. Памятник создается исключительно за счет внебюджетных средств. К счастью, сохранилась еще категория людей, которые не зачерствели душой, для которых понятия “долг, память, совесть” — не пустые слова. Не так давно 400 тысяч рублей для увековечения памяти погибших выделил префект Юго-Восточного административного округа г. Москвы В.Зотов, 20 тысяч рублей перечислила Транснациональная корпорация.

В прошлом месяце под патронажем правительства Ставрополя прошло заседание местной организации Союза журналистов России, на котором обсуждался вопрос активизации благотворительной деятельности юридических и физических лиц края, направленной на строительство памятника. Люди понимают, как важно для солдат правопорядка сохранить память

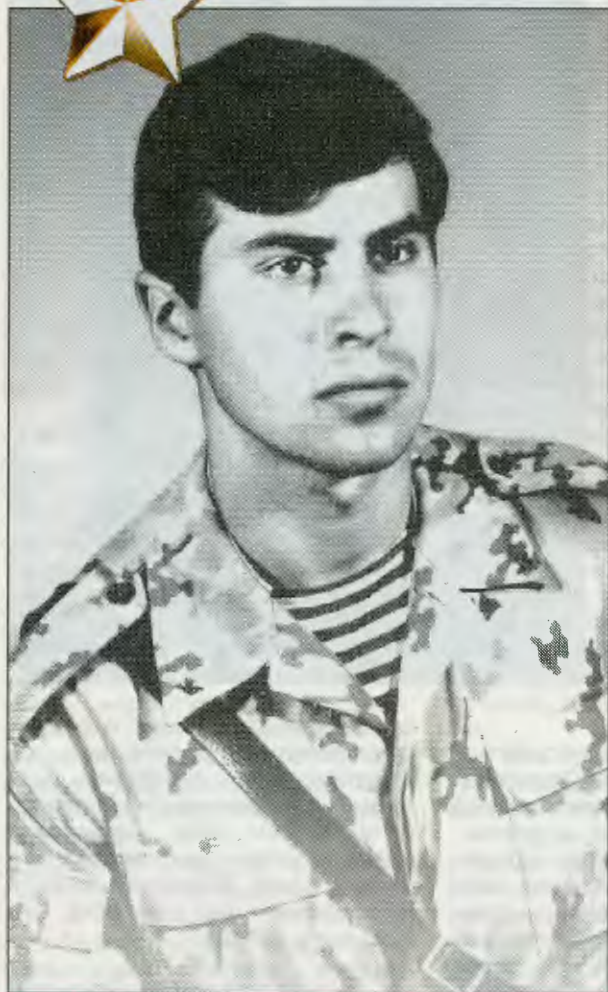

о погибших товарищах, и оказывают помощь и содействие.

Окончательно завершить возведение памятника планируется в нынешнем году. Затягивать строительство мы просто не имеем права. Сохранить память о погибших — это долг всех, кто остался в живых.

**Старший лейтенант
Альберт ИСТОМИН**

ЧТО НА ЧАШАХ ВЕСОВ?

Капитан Дмитрий ЛАРИН

*Шел бой за улицу,
огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади
вперед.*

*А он гвоздит —
не выглянуть из башен,
И черт его поймет,
откуда бьет?!*

Л.Кассиль.
“Рассказ танкиста”

В истории последней чеченской войны одни из самых драматических страниц связаны с Грозным. Даже в названии этого города слышится что-то зловещее, предостерегающее. Вспомним: новгородный ночной штурм, расстрел майкопской бригады, мартовские бои, августовский ад 96-го...

Оперативная часть Приволжского округа внутренних войск, занявшая позиции в чеченской столице после покушения на генерала Романова, оказалась в эпицентре многих страшных событий, щедро окропив грозненские улицы кровью своих солдат и офицеров. Одним из них был капитан Дмитрий Ларин.

Сразу после вывода части из Грозного наверх ушли наградные документы на представление офицера к званию Героя Российской Федерации. Больше года командование и сослуживцы Дмитрия терпеливо ждали, когда в высоких инстанциях наградные документы рассмотрят и утвердят. И вот свершилось! В соответствии с указом Президента от 26 января 1998 года во внутренних войсках появился еще один Герой.

Получилось так, что первые поздравления он принял от журналиста еще до того, как в часть пришла официальная телеграмма из столицы. А потому долго смотрел на меня с недоверием. Лишь после того, как я несколько раз повторил ему номер и дату президентского указа, сослался на надежность источника информации, недоверие это сменилось радостью и волнением. И на просьбу вспомнить о событиях того грозного августа Герой, достав сигарету и глубоко затаившись, выдохнул:

— Ну раз такое дело, слушай...

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

* * *

— Августовская карусель для нас началась пятого числа, когда, возвращаясь со спецзадания, подорвался на фугасе ЗИЛ с бойцами. Тогда погиб майор Славгородский, еще несколько человек получили серьезные ранения. И в тот же день мы меняли личный состав на КПП и взводных опорных пунктах (ВОПах).

Парни из моего батальона (а я в ту командировку “рулил” за комбата) держали Минутку. К вечеру пошли доклады: обстреливают. Сначала это воспринималось как само собой разумеющееся. Минутка — она и есть Минутка. Там не одна “броня” сгорела, не один боец свою кровь пролил. Редкий день обошелся без стрельбы.

Поэтому по связи передал: не паниковать, службу организовать по усиленному варианту, силы напрячь и держаться. Утром видно будет, что и как.

На следующий день интенсивность обстрелов возросла, кое-где предпринимались попытки штурма. Из гранатометов долбили сильно. Бетонные блоки, которыми обложены КПП, лишь создавали иллюзию стопроцентной надежности. Но лежали-то они просто друг на друге, без цемента. Четыре попадания подряд из “граника” по одному и тому же блоку рассыпают его в пыль. Это — в лучшем случае. В худшем — сбрасывают на землю.

Так вот, вечером шестого августа после очередного обстрела такой плитой придавило рядового Дмитрия Андреева. Ноги переломало, кости таза раздробило. Других солдат осколками посеколо. К тому же пора было пополнять боеприпасы на ВОПах и КПП, медикаменты и продукты подвозить. Уже стало ясно, что бои предстоят серьезнее, чем в марте.

Седьмого с утра на четырех

БТРах выехали из пункта временной дислокации на Минутку. Я — на командирском месте во второй “коробочке”, которая под завязку была забита боеприпасами. Только подо мной около двадцати “Мух” лежало.

Выскочили из городка. Скорость хорошая, не меньше восьмидесяти. Но дорогу видно только первому. Для всех ос-

Мой бэтр — “двести сорок четвертый”; как сейчас помню, оказался самым везучим в колонне. “Ловим” первую гранату — она срывает защитный щиток с брони, отрывает правый выпускной коллектор. Тут же, через секунду, со стороны водителя “принимаем” вторую. Ох, спасибо капитану Юрию Самокишу, зампотеху второго батальона.

Март 1996 года. Грозный. КПП-11, который “держал” капитан Д.Ларин со своими солдатами. В августе эти же бойцы оказались на Минутке.

тальных перед глазами сплошная пыльная завеса. Я сижу высоко, голова из люка торчит. И вот представь картину: с обеих сторон к БТРу будто шаровые молнии летят. Рыжие огненные мячики в раскаленном, наполненном пылью и чадом воздухе. Красиво и страшно...

В каждый из наших четырех БТРов попало до пяти выстрелов. Попало! А сколько всего по нам тогда зарядов выпустили, можно лишь догадываться.

Это он технику готовил. Наварил на каждой “коробочке” сетку из железных прутьев.

Граната попадает в нее, кумулятивная струя рассеивается, не прожигая брони. Этот залп сносит по левому борту все — ящики с песком, бордюрный камень — будто корова языком слизнула. БТР (тринадцать тонн!) подбрасывает, как пушинку, на метр — вверх, два — вперед. Но мы живы!

Правда, сильно бьюсь лбом о

край люка. А водила мой на руль заваливается. Контузило бойца, да и мне по ушам долбануло прилично. (Рядовой Павел Бушев за те августовские бои будет позже награжден медалью "За отвагу". — **И.С.**)

Вперед глянул: горящая БМП на перекрестке прямо перед нами, вот-вот врежемся. Начинаю руль выворачивать. Водитель в себя пришел, помогает, хотя глаза еще мутные, но уже соображает. Или на автопилоте работает. И только "бээмпэшку" объезжать начали, к нам в корму прилетает третья "дура". Справа, с моей стороны. Ящик с песком делает свое дело, гасит огненную струю. Но правый борт тоже остается голым. Машину опять бросает вперед и вверх.

Но самое интересное, чему я до сих пор удивляюсь: тот склад с боеприпасами, который мы везли, не сдетонировал ни при первом, ни при втором, ни при третьем попадании! Повезло...

Дмитрий на секунду замолкает, как будто ежась от холода, быстро поводит сильными плечами и спокойно заканчивает мысль:

— Тогда бы не то что тело — в дым, и душа — в клочья. До Бога ничего бы не долетело.

В его словах ни малейшей бравады. Просто трезвый и взвешенный расчет военного-профессионала, не раз глядевшего в глаза опасности, да и самой смерти. Между тем главное в его рассказе только начинается.

— С боем, с кровью, потеряв один БТР, колонна прорвалась к своим на Минутку. Чуть позже подошло еще три машины с ребятами из нашей группы специального назначения. Пока шла разгрузка, я к солдатам своим пригляделся. Смотрю — парни мои бодрые. Хотя и устали очень, но блеск и злость в глазах не потухли и суеты нет

нисколечко. Что ж, думаю, полный порядок. Сейчас заберем раненых — и в обратный путь.

На одном посту боезапас пополнили, ко второму подъехали. Андреева Димку уже внутрь БТРа уложили. И тут вспоминаю, что связисты просили еще прибор спецсвязи забрать. Он хоть и разбит, но даже и в таком виде для "духов" слишком дорогой подарок.

Забегал внутрь поста, схватил этот железный ящик, возвращаюсь к БТРу. Ящик перед собой держу... Это меня и спасло. Подхожу к машине — на нижней крышке люка вертится "эргэш-ка" и на моих глазах скатывается на землю. Сначала подумал, что мои воины при выгрузке потеряли. Потом доходит: запал в гранату ввинчен... и кольца с чекой нет... и рванет сейчас эта зараза... Успел только присесть и руки с тем железным ящиком перед собой вытянуть.

Как она грохнула — мама дорогая!!! Первые минуты после взрыва ничего не слышал и не соображал. Это была уже вторая контузия за день. Но опять не задел ни один осколок.

Через некоторое время попытались вывезти раненых. Их у нас было уже пять человек. Но только сунулись — наши БТРы были обстреляны из гранатометов. Пришлось вернуться. Загнали машины под "романовский" мост, заняли круговую оборону. Держимся. Огрызаемся на огонь "духов".

Почти четверо суток длилась наша подмостная эпопея. День на день не приходится. То за один час выстрелов двадцать из "граников" положат и свинцовым дождем зальют, а то за сутки две-три очереди шамальнут для профилактики, и все остальное время тихо.

Боеприпасов у нас хватало. Тяжелее было с продуктами. И совсем худо с медикаментами.

Раненые ребята в одном БТРе лежали. Когда промедол закончился, мы им как обезболивающее коньяк из НЗ давали. Затихнет боль на час-полтора, забудутся они в полудреме. Потом опять стоны и скрежет зубов. Раны гноиться начали. Внутри брони запах стоит...

Одиннадцатого числа кто-то из них ко мне обратился: "Командир, давайте попробуем вырваться. Здесь-то все равно загнемся. Может, проскочим... А нет, так хоть в бою... Все веселее". Надо было видеть глаза того парня!

А-а, думаю, была не была! Стали готовиться. Главное было — с площади целыми выскочить. Потом, когда уж скорость наберем, меньше вероятности, что подожгут. Чтобы создать для боевиков эффект неожиданности, решили использовать дымовые отстрелы на БТРе. Пару раз из-под моста выкатились, посмотрели, куда заряды ложатся, куда ветер дым сносит. Прикинул, куда надо выстрелить, чтобы площадь задымить. Потом вспомнил, что у нас еще есть ручные дымовые гранаты. Тоже, думаю, пригодятся. С их помощью постараемся изобразить подбитый БТР, еще несколько секунд выиграем.

Ребята нас в дорогу собирают, делятся, кто чем может. Я по карманам: хлоп-хлоп, боевых гранат нет. Мужики, говорю, подарите одну. Для меня лично. Если не прорвемся, то уж больно мне не хочется к "духам" живым попасть. "Типун тебе на язык", — говорят. Но гранату дали.

Собрались. Заняли места в БТРе. Водитель и я контужены, в десантном отделении пять раненых. Один лишь наводчик более-менее нормально себя чувствует. Вот такой подобрался "экипаж машины боевой".

Сдаем задним ходом до пер-

вого поста, чтоб скорость набрать. Водителю говорю: "Сначала — первая, потом плавно — вторая. Поднимаемся в горку — третья, на кольцо на Минутке выходим — четвертая. И на предельной идем в сторону Ханкалы. В свой городок не пойдем, там на Гудермесской у пятиэтажек точно сожгут. Будем счастья искать другой дорогой".

Разогнались под мостом, идем в гору. Чувствую, "коробочка" наша еле вытягивает. У нее, родимой, еще когда сюда прорывались, редуктор гранатометом разбило. Вот-вот заглохнем. Водителя за руку хватаю: пока не переключайся, подожди.

Не слышно ни черта! Двигатель орет, голова звенит. Друг друга по шевелению губ понимали. Выскочили на площадь. Наводчика бью по колену: давай, родной. Хлопки раздались — пошли дымы. Смотрю: одна граната на крышу дома упала, вторая вообще не понятно куда улетела. Третья вроде легла как надо. Должна прикрыть, успела бы только разгореться.

Стучу опять наводчика по колену. Он дымовую гранату поджигает и на броню кладет. А дальше получается так. Выскакиваем из дыма. По нам бьют из гранатомета. У меня голова в люке торчит, вижу: летит огненный шар. По траектории прикидываю: в корму ударит. Водителю кричу: "Прибавь!".

Граната проходит впритирку над двигателем, ударяет в каменный забор. Взрыв, грохот, огонь, стена дыма и пламени. Когда она осела, разгорелась дымовая граната на броне. Эффект подбитого БТРа полный! Как они купились на это!

Слышу крики: "Аллах акбар, аллах акбар". Выбегают человек пятнадцать. В зеленых повязках, с оружием. И неторопливой трусцой направляются к нам. Конечно, куда спешить. Подби-

тый БТР для них такая добыча! Вот сейчас он встанет, люки откроются... Ага, дождетесь! Водителю говорю: "Прибавляй, но не быстро". И наводчику: "Твои!" Он башню развернул и из ПКТ... Кажется, из этих "бегунов" ни один не поднялся.

А БТР уже пылит по Ханкальской. Перед облвоенкоматом нас еще раз обстреляли, мы отвели. Видел, как два "душка" упали. Ну а там уже поворот к Ханкале, блокпосты армейцев рядом. Чем встретят — неизвестно. Мы же никого не предупредили, что будем "рвать" именно в сторону КП.

Поэтому приказал стволы пулеметов вверх задрать, сам по пояс из командирского люка высунулся, автомат над головой на вытянутых руках держу. Приближаемся к КПП-1. А там танки вкопанные стоят. Башни разворачивают, пушки на нас наводят. Все, думаю, приехали! 152 миллиметра — это не граната, тут даже собирать нечего будет.

Набрал воздуха в легкие, кричу: "Мать-перемать, свои мы!". Подпустили нас метров на пятнадцать. Из-за танков выглядывают, на мушке держат. Выходит начальник КПП, лейтенант: "Кто такие, откуда?"

Я ему: "Брат, потом все расскажу, если хочешь — даже написать могу. А сейчас садись на броню и самой короткой дорогой проведи нас к госпиталю. Раненые у меня, четвертые сутки без помощи". Заглянул он внутрь через десантный люк, назад отпрянул, рукой за горло схватился. Больше ни о чем спрашивать не стал.

Когда подъехали к госпиталю, там уже ждали три бригады медиков. Ребят моих, тех, кто был тяжелый, сразу на операционные столы, остальных — тоже на обработку. Я с ними попрощался, данные переписал, чтоб не потерялись. И опять к БТРу. На

командирское место забрался, закурил. Ну, думаю, дело свое сделал. Может, на том свете зачтется...

Теми ранеными бойцами, вывезенными Дмитрием Лариным в Ханкалу, были: сержант Александр Чекан, младший сержант Игорь Богданов, рядовые Вадим Корнилов, Дмитрий Андреев и Александр Солдатов. Пять жизней отвоевал офицер у смерти. Она этого не забыла, не простила. И начала за ним охоту...

* * *

"Можно тебя на минутку?" — эта когда-то ежедневно произносимая без всякой задней мысли фраза для многих во внутренних войсках носит печально-ироничный смысл... Минутка — площадь в центре Грозного, место, проклятое Богом. Сколько солдат и офицеров погибло или было ранено на ней, скольких настигли пуля или осколок на подступах к Минутке!

Дмитрий Ларин дважды невредимым уходил на Минутку и возвращался с нее. Тринадцатого августа ему предстояло сделать это в третий раз... третий раз... Тринадцатого...

— После того как доставил ребят в госпиталь, — вспоминает он, — в тот же день вернулся в родной пятнадцатый городок. Доложил, отдохнул малость.

Тринадцатого командир поставил задачу пешей группой пробиться к нашим на Минутку, доставить боеприпасы и продовольствие. Отобрал двадцать пять человек, рассовали весь наш груз по вещмешкам. Пошли.

Поначалу все шло гладко. Без стрельбы и шума добрались до железнодорожного моста, сосредоточились под ним. Связались с нашими на Минутке, сказали, где мы и что. Нам в ответ: сидите и дальше не дергайтесь, высылаем за вами группу, чтоб

безопасно провести до места. Ладно, наблюдателей выставили, ждем.

Стрельба началась. И с каждой минутой усиливалась. Похоже, те, кто вышел нам навстречу, нарвались на засаду. Делать нечего, придется двигаться самим. Но уже другой дорогой. Решили отойти чуть назад, взяте левее и, перебравшись через "железку" ближе к РОВД, опять продвинуться к Минутке...

Рука Дмитрия совершает движения в воздухе, будто вычерчивает маршрут на невидимой карте. Как знаком этот жест! Переплетение грозных улиц, проспектов, проулков и площадей так прочно сидит в памяти, что кажется, многие из нас и через десятки лет смогут пройти по ним не заблудившись.

— Начали выполнять задуманное. Перебежками, от укрытия к укрытию, прикрывая друг друга. Но тут нас стали зажимать. Обстреливают, окружают, ближе подходят. Чувствую — гиблое дело, надо возвращаться под мост. Дал команду на отход.

Сам пока солдат своих прикрываю и краем глаза смотрю, как парни мои экзамен на выживание сдают. Момент один в мозгу запечатлелся. Не помню, кто из ребят бежал, но бежал быстро. А за ним фонтанчики песчаные встают от вгрызающихся в землю пуль.

У меня сердце замерло: догонят — не догонят? убежит — не убежит? А парень несется, не сбавляя хода. С автоматом, вещмешком с патронами за спиной, в "бронике". Упал, перекатился, перепрыгнул через бетонный блок. Я его про себя хвалю: молодец, сынок, хочешь жить, будет из тебя толк. И тут он из-за укрытия высовывается, посылает в "духов" две короткие очереди и вновь исчезает. Я ему мысленно аплодирую: да ты, пацан, не только жить хочешь, ты у

меня воевать уже научился! Ай, умница!

Через какое-то время группа вновь закрепилась под мостом. Остались мы вдвоем — я и рядовой Погонин Володя, пулеметчик наш. Хороший солдат, спокойный всегда, рассудительный. Его бойцы за это Дедом прозвали.

Подполз он ко мне. "Ну что, Дед, наш черед? Давай так: на счет "три" бежим сразу вместе. Ребята прикроют. Понял? Раз, два, три".

Вскакиваем, даем по одной очереди. Я — из "калаша", Дед — из пулемета. Собираем глаза в кучу и несемся к мосту. На ходу не стреляем, чтоб времени не терять, не тормозиться...

Метра три я до первой опоры не добежал, а то и меньше. Удар в живот... Такое ощущение, будто кто-то со всего маху лом в кишки вогнал, а потом выдернул и в эту дырку кипятком наливает. Боль адская.

Лежу на спине. Перевернулся на бок. Попробовал ползти, как мог. Бронежилет скинул. Тут и вокруг меня фонтанчики забурлили. "Духи" увидели, что я уползаю, решили добить. Сумел еще автомат одной рукой поднять, пару очередей дал в ответ. И отключаться начал, сознание уходить стало.

Как сквозь туман, слышу, бойцы мои кричат: "Комбата убило!" Этого мне еще не хватало!.. Голову приподнял, что-то прохрипел. Видел, как четверо солдат ко мне кинулись. Схватили за руки, за ноги, потащили. Из той дороги я мало что помню. Знаю только, что боевики преследовали группу почти все время, обстреливали непрерывно. И потом, уже на шестнадцатом "контроле", куда мы вышли, выяснилось, что из четверых несших меня бойцов двое были ранены, но молчали. Вот так...

Это действительно так. Рядовой Владимир Погонин получил

сквозное пулевое ранение правого плеча, рядовой Рамиль Насыров — касательное ранение левого плеча. Но ни тот ни другой не разжали рук, не выпустили из них ни своего оружия, ни окровавленный камуфляж офицера. Это ли не мужество, не подвиг!

* * *

Маленький горячий осколок, ударивший под самый срез бронежилета, едва не навсегда вырвал Дмитрия Ларина из рядов боевых друзей. Но он в очередной раз переборол костлявую, пройдя через несколько госпиталей и выдержав не одну серьезную операцию. Ныне офицер снова в строю, продолжает службу в одном из подразделений спецназа Приволжского округа внутренних войск.

Закончив свой рассказ о грозном лете девяносто шестого, Дмитрий достал из кармана тот смертоносный кусок железа, что когда-то извлекли из его тела ростовские хирурги. Положил на ладонь. Под тяжестью этой метки войны дрогнула рука капитана, опустилась вниз, словно чаша весов. Когда на вторую ладонь офицера ляжет частица более благородного металла, как знать, может быть, эти "весы" выровняются, восстановив равновесие между прошлым и настоящим, между Смертью и Жизнью.

**Майор
Игорь СОФРОНОВ**

*Приволжский округ
внутренних войск*

134

По страницам Книги памяти

БЕЛЫЙ ШАРФ С ЧЕРНОЙ ОТМЕТИНОЙ

лый парадный шарф. Аккуратно свернул его, даже подул, чтоб распушить бахрому на концах. Земляк Андрияха Ковальский глянул на часы — перевалило за полночь, девятое число наступило. Он уже третий день, можно сказать, гражданский человек — еще шестого января уволен в запас. Как ни хотелось поскорее домой, но решил друга дождаться, чтобы вместе двинуть в их распрекрасный пальмовый Сочи. Теперь вот и у Руслана бегунок в кармане, со всеми автографами. Осталось чуток поспать перед дорогой домой, утром выписать проездные и...

В полпятого роту подняли. Им такой "подрыв" в ружье не впервой — хоть и в Кизляре служат, в Дагестане, а все равно на чеченской войне. Но в этот раз замкомандира соседней роты как-то не по-уставному нервно прокричал: "Мужики, нападают!" Никогда так стремительно не поднимались — в полминуты все были

одеты и вооружены. Заняли оборону в здании, в городке. По батальону стреляли конкретно. Наши парни, в большинстве калачи тертые, отвечали наверняка. Когда к части подскочила бежевая "шестерка", ее тут же взяли на прицел. Из машины высунулись два помповых ружья, автомат, четвертый пассажир-бандюга уже вытянул в окошко руку и замахнулся, чтобы баскетбольным крюком забросить за забор гранату. Семь солдатских "калашей" ударили по бандитской машине. Двое "духов" в ней и остались, двое раненых уползли в ближайший двор.

Кизлярские события января 96-го разворачивались круто, продолжились в Первомайском — то был еще один страшный виток чеченской трагедии, унесший много человеческих жизней.

Мы сидим чудесным майским днем в сочинском парке "Ривьера" с младшим сержантом запаса Андреем Ковальским. Он

Поздним вечером 8 января 1996 года рядовой Руслан Филяев занимался последними приготовлениями к завтрашнему увольнению в запас — начистил ботинки, отгладил форму-омоновку и бе-

вспоминает тот страшный день. И кажется, диктофонная лента сквозь умиротворяющее щебетание южных птишек воспроизводит автоматные и пулеметные очереди, хриплые крики команд и отчаянную ругань воюющих солдат.

— Начали подтягиваться офицеры батальона. Около одиннадцати стали формировать две штурмовые группы. Задача: прочесать по маршруту дома, дворы и выбить “духов” из школы и профилактория. Нам, одиннадцать нас было, досталась школа. Филю ни в одну из групп не назначили — сам напросился. Я ему: “Останься в батальоне, на фига тебе дергаться, после обеда все равно опять пойдём...” Но какое там — его разве уговоришь... До школы метров сто. Но это ведь не стометровка на стадионе — мочили так, что головы иной раз не поднять. “Духи” сидели в подвале жилого дома, били чуть не в упор, так что к школе никак не подойти.

Мы впятером, лейтенант Орлов с нами, все-таки несколько метров проскочили. Но нас зажали капитально — ни вперед, ни назад. Рудяга кричит: “Филя упал!” И тут же сам за руку схватился. Смотрю — Рудяге пуля в подствольник попала, в гранату прямо. А Филю в плечо ранило. Летеха — тот вообще тяжелый лежит — плечо разворотило. Мне ногу прострелили, хорошо хоть кость целая осталась. В общем, четверо из пятерых ранены. Может быть, мы на рывок и решились бы, но лейтенанта быстро не протащишь. Он за нас переживал: “Пацаны, не высовывайтесь, нам сейчас помогут”.

Три с половиной часа торчали мы под забором. БТР наш не мог подойти, с другого места лупил по школе. Зато подогнали

ЗИЛ. Контрактник из автороты и еще один подхватили летеху. За ними Филя с парнями. Уже в калитку заскакивают. Филя упал, “сфера” с него слетела... Я и Карась были последними. Пролетаю последние пять метров, падаю рядом с Филей, подползаю.

— Все, Андрюха, достали...

— Ладно тебе, сейчас...

Задираю на нем китель, расстегиваю ремень... Сунул руку, хоть как-то рану прикрыть, кровь остановить. Пацаны какие-то тряпки нашли. А он:

— Андрюха, пристрели меня...

— Ты че, дурак?!

Взяли одеяла (там что-то вроде летней кухни было во дворе), положили на них лейтенанта и Филю, потащили к БТРу.

В батальоне я в умывальник похромал воды глотнуть — внутри все пересохло. Выхожу, а пацан из автороты мне:

— Андрюха, Филя умер.

Так мне хреново стало... Ближе брата он мне был...

* * *

“Фил! Братка! В армии ближе, чем ты, у меня никого не было. Когда тебя ранили, я говорил, что все будет нормально, но когда тебя убили, у меня как будто отрезали полсердца. Пускай эта половина навсегда останется с тобой и греет тебя там, в темноте и холоде. Ты был для меня всем, с тобой я потерял все.

Прощай, мой братишка.

*Твой брат и зема — Андрюха.
ДМБ-95(II). Сочи. Лоо”.*

Андрей добирался из части на перевал, стиснув зубы — смертельно усталый, на остатке нервов, волоча раненую ногу и две сумки — свою и Рус-

лана. Он не успел к Руслану в бою и должен был теперь успеть на похороны друга... Когда поезд в районе Лоо прошел в какой-то сотне метров от родного дома, двадцатилетний раненый фронтовик едва сдержал слезы. А переступил порог, заплакали мать и отец. Только своих успокоил, пошел к Филяевым...

Уже были готовы венки с траурными лентами — красными и черными, с серебром и бронзой традиционных прощальных надписей. А он развернул белую-белую ленту парадного шарфа и вывел авторучкой: “Фил! Братка!..”

Он привез эту белую траурную ленту из своей части, с войны. Сослуживцы-окопники Витек, Чайка, Косяк, Грек, Лис, Карась, Пых, Рома, Железяка, Боксер, Зеленый, Жека (так они называли друг друга по солдатским кликухам-“погремухам”) писали другу Руслану (Русику, Фильке, Филу) слова прощания, обещали помнить. А еще докладывали, что уже изрядно отомстили “духам” и отомстят еще. Права справедливого отмщения у фронтовиков, потерявших друзей, не отнимешь никакой командой...

Сильнее смерти что? Только любовь.

“Руслан! В этот жуткий час я решила раскрыть свои чувства... Всегда буду любить”.

“Русик! Ты самый лучший, самый человечный! Почему именно ты?..”

Я приду к тебе на могилу, принесу много цветов, конечно, буду плакать, много плакать. Ох, если бы эти слезы смогли тебя вернуть — выплакала бы все, только живи...”

“Русик, дорогой, как я переживала за вас... Не могу поверить, что тебя уже больше не увижу.

125

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Навряд ли забуду теперь тебя, как вместе сидели, веселились. Люблю и помню тебя".

* * *

Девчонкам он нравился — симпатичный, порядочный, честный, открытый, без лукавства. И он не скрывал, что "очень приятно получить от девчонки письмо, особенно от той, которая очень нравится".

В этом он признался родителям. Сегодня эти тетрадные листочки — яркое свидетельство становления личности, воспитания мужского характера.

"Родные мои, вы не переживайте за меня, у меня все хорошо. Я уже совсем скоро приду и постараюсь стать совсем другим человеком, не таким, как на гражданке..."

"Стараюсь стать человеком, все же армия — отличная школа..."

"Как дела у бати, у Юльки (сестра. — Б.К.)? Как у нее с учебой? Пусть повнимательнее будет. Я сейчас с удовольствием в школе поучился бы, но время ушло, теперь большая взрослая жизнь на пути!"

"Кто может дождаться солдата домой?
Кто может обнять его с чистой душой?
Кто может два года любить и страдать?
Недолго тут думать — конечно же, мать."

Мамулечка, поздравляю тебя еще раз с днем рождения и желаю тебе крепкого здоровья, всех благ, всего, всего хорошего. Подарок тебе уже купил, приеду — отдам..."

"Отцу передай, что нечего ему делать в Чечне на стройке. Поверь мне, я это точно знаю, я много чего повидал, поверь мне, лучше туда не ехать. Я на этой войне узнал ВСЕ: и голод, и холод, и кровь. Недавно из Грозного вывозили убитых рабочих, которые поехали строить. Не надо, лучше не ехать. Пусть лучше в Сочи работает, потому что на войне воюют, а не работают. А зимой война снова начнется (письмо от 01.11.95 г. — Б.К.). Не пускай его туда работать, хорошо?"

"У нас много убежало пацанов домой, когда узнали, что служат два года, и те, кто участвовал в боевых действиях. Я, честно говоря, презираю таких пацанов. Я этот срок пройду до конца, ибо домой хочу приехать не только мужиком, но и человеком, я так считаю..."

"Я, наверное, если и буду поступать в военное училище, так только в училище внутренних войск. Знаешь, мам, это совсем не плохие войска, как ты, может быть, думаешь о них..."

"Мам, я хочу тебя просить, чтобы ты написала в Санкт-Петербург Михаилу, чтобы он узнал об учебных заведениях МВД, или в Сочи узнай о них и напиши подробнее. Я собрался поступать, документы я собрал все, осталось только найти учебное заведение, а учиться желание есть..."

"После 15 декабря письма мне не пишите, возможно, приеду числа 27-28 декабря".

* * *

— Честно говоря, — признается Андрей Ковальский, — я отго-

варивал его поступать в военное училище. У Руслана были сомнения в выборе дальнейшего пути, но я чувствовал, что ему очень нравилась профессия, которую получил до службы — столлярное дело. Помню, сказал о том, что от добра добра не ищут, надо, мол, совершенствоваться в своем ремесле, становиться настоящим мастером. Если умеешь делать вещи своими руками — не пропадешь. Но если бы он поступил в военное училище, наверняка стал бы отличным офицером. Он все схватывал на лету, и качества военного человека развивались в нем буквально на глазах: освоил специальность наводчика зенитной установки, ходил на очень серьезные дела, например, на сопровождение той самой знаменитой колонны с заложниками, что шла через Чечню из Буденновска...

Андрей стал посматривать на часы — ему надо было спешить на работу. Он и после службы не изменил своему призванию, работает поваром.

Напоследок я спросил, как живет ему после войны.

— Да ничего, как будто. Нога восстановилась, работа нравится, особо не шикую, но на жизнь хватает. Скоро женюсь. Вероника моя — соседка Филяевых...

* * *

Рядовой Руслан Викторович Филяев награжден орденом Мужества (посмертно).

**Полковник
Борис КАРПОВ**

Судьбы

Десять лет назад, в феврале 1988 года, в Советском Союзе впервые прозвучали слова “международный конфликт”, на карте благополучного государства вспыхнула первая горячая точка — Сумгаит. Пролилась кровь, положившая начало страшному периоду в жизни страны — с тех пор братоубийственные войны потянулись бесконечным черным шлейфом, и внутренние войска МВД стали называть воюющими.

Фергана, Карабах, Абхазия, Молдова, Тбилиси, Баку, Ереван, Душанбе, Ош, Цхинвал, Северная Осетия и Ингушетия, наконец, Чечня... Рвались казавшиеся прочными узы дружбы народов, трещали державные скрепы. Страна пошла вразнос. И каждый раз военные в кропавых погонах мчались по сигналу тревоги тушить очередной пожар “братской” вражды, на ходу заучивая тогда еще труднопроизносимые названия населенных пунктов, за присоединение которых к России в прошлом и позапрошлом веке погибали их предки. В войсках появилась целая плеяда боевых офицеров и генералов, прошедших за это лихое десятилетие одну за другой все горячие точки. Их память словно незаживающая рана Отечества, укор тем, кто заставил служивых людей нести тяжкий крест за чужие ошибки и преступления...

ДЕСЯТЬ ЛЕТ С ВОЙНОЙ...

Н емало шрамов оставили десять трагических лет и в памяти генерал-майора Григория Петровича Фоменко, ныне занимающего должность командующего временной оперативной группировкой сил на территории Северо-Кавказского региона.

18 февраля 1988 года он, тогда еще подполковник, приступил к исполнению обязанностей заместителя начальника Пермского высшего военного командного училища внутренних войск, а спустя шесть дней в газетах появились первые заметки с непривычным для советских читателей словом “экстремисты”. 24 февраля Григорий Фоменко с двумя батальонами курсантов уже летел в Сумгаит. В Баку нахо-

дился начальник внутренних войск генерал-полковник Юрий Васильевич Шаталин. В архиве Григория Петровича бережно хранится фотография той поры — он стоит рядом с Шаталиным, и оба совершенно уверены, что порядок удастся навести, все будет хорошо. Никто и не предполагал, какое кровавое десятилетие наступило. Курсантов бросали в Баку, Ленинанкан, Октемберян, Дилижан, Иджеван — сумгаитская зараза расплзлась по региону, как эпидемия холеры в средние века.

Тревожные дни и ночи. Напряженная служба по охране общественного порядка, складов и важных объектов. Григорий Петрович и его курсанты работали на износ, не жалея себя, охваченные единым

стремлением — защитить людей, отвести беду, не допустить повторного кровопролития. Жили надеждой: подобного больше никогда не случится, власть предержавшая, простые граждане извлекут уроки из сумгаитского ЧП, сумеют уничтожить зерна межнациональной вражды...

Увы. Пока верхи вели пустые разговоры о перестройке, невидимый режиссер трагедии обозначил на карте новый очаг конфликта.

Второй раз рвануло в Фергане, в июне 1989 года. Тут же началась резня в Коканде и Кувасае — в дыму пожаров, вакханалии кровавого беспредела закружилась маховик войны узбеков против турок-месхетинцев. Фоменко прибыл в зону бедствия вместе с курсантами, испытанными Сумгаитом. Но теперь их ждало испытание пострашнее. Парни расширенными от ужаса глазами смотрели на разбросанные по улицам обезображенные трупы, на сожженные дома. Не укладывалось в сознании, что все происходящее здесь — страшная явь, а не видения кошмарного сна.

Выполняя поставленные задачи, Григорий Петрович не раз рисковал собой, а однажды оказался в ситуации, когда жизнь его висела на волоске.

...На центральной площади Коканда собралась огромная толпа, требующая выпустить из камеры временно задержанных зачинщиков беспорядков. Находившиеся на трибуне

лидеры экстремистов заводили митингующих провокационными призывами, мешая недавно усвоенные демократические лозунги с уголовной феней. Надеясь остудить бушующие страсти, Фоменко решительно поднялся на трибуну и, взяв мегафон, попросил собраться разойтись. В ответ полетели камни, палки. Под-

ждения должно быть подкреплено силой. А для этого важно, четко уяснив задачи, правильно оценивать обстановку, прогнозировать последствия принимаемых решений. Проводя спецоперации по ликвидации массовых беспорядков, готовя к службе войсковые наряды, воодушевляя подчиненных личным примером мужества и

Декабрь 1996 года. Генерал-майор Г. Фоменко (слева) во время вывода 101-й бригады из Грозного

полковника стащили с трибуны и только чудом ему удалось вырваться из цепких, угрожающих смертью объятий. В это время кто-то разогнал автомобиль ЗИЛ и направил его прямо на цепь курсантов. Заслон разомкнулся, а грузовик, не успев затормозить, врезался в большую трубу... Для наведения порядка пришлось прибегнуть к жестким мерам.

В те драматические минуты офицер Фоменко завязал прочный узелок на память: когда спит разум одурманенных сограждан, веское слово убе-

хладнокровия, всеми средствами поддерживать боевой настрой личного состава, поощрять смелые и решительные действия в чрезвычайных ситуациях. Руководствуясь этими принципами при подготовке курсантов к несению службы, Григорий Петрович обеспечил надежный заслон проидам экстремистов на участках ответственности, нарезанных пермскому училищу.

В сложной обстановке будущие офицеры работали, как учил их подполковник Фоменко. Проявляли стойкость и от-

вагу, сталкиваясь с бандитами и погромщиками. Так, при падении на КПП смело вступил в схватку с преступниками курсант Назаров. Получив огнестрельное ранение, продолжал вести бой и метким огнем обезвредил экстремистов. По ходатайству Фоменко храбрый курсант был награжден орденом Красной Звезды.

Радость за питомца смешалась в душе Григория Петровича с новыми тревогами и немирными заботами. Только погасили ферганский костер — начались вооруженные разборки в Абхазии. Опять Фоменко с курсантами — в роли пожарных. Опять горячие дни и ночи. Натянутые до предела нервы в боевой напряженке...

Осенью 91-го полковник Фоменко, приняв должность заместителя начальника штаба управления внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью, отправляется в стреляющий Карабах, не подозревая, что здесь его ждет смертельно опасное испытание. 7 декабря был обстрелян вертолет, в котором Григорий Петрович летел с корреспондентами журнала "Штерн" в село Баназур Гадрутского района, где необходимо было срочно принимать меры по стабилизации обстановки. Одна пуля задела командира экипажа, другая попала в двигатель. Сестра удалось чудом. Пережившие шок журналисты защелкали фотоаппаратами, а полковник, позаботившись об оказании медицинской помощи раненому, поспешил к пограничникам — решать вопросы взаимодействия на случай обострения ситуации: экстремисты предья-

вили "зеленым фуражкам" ультиматум, угрожая вырезать заставу, если не будут сняты посты.

Через три дня события в Карабахе со скоростью горной лавины понеслись к драматической развязке. 10 декабря прошел референдум, на котором было принято решение переименовать автономную область в республику и считать ее самостоятельным государством. А 22 декабря, когда личный состав полка внутренних войск, размещавшегося в центре Степанакерта, убыл на обед, военный городок, в котором остался только суточный наряд, был захвачен вооруженными экстремистами. Нападение санкционировали президент и министр обороны НКР. Фоменко вместе с комендантом Нагорного Карабаха полковником Валентином Михайловичем Жуковым срочно выехал на место происшествия. Машину окружила группа фидаинов. Целый день шли переговоры, в ходе которых стало известно, что Горбачев якобы подписал указ о передаче специальных моторизованных воинских частей, дислоцированных на территории республик, в подчинение местным властям. Офицерам удалось прорваться в здание комендатуры, откуда полковник Жуков связался с Москвой, попросил военной помощи. Но никто не мог поддержать солдат правопорядка, подставленных политиками. Даже прекрасно понимавший серьезность ситуации командующий внутренними войсками генерал-лейтенант Василий Нестерович Саввин. "Ну ничего, понимаешь, ничего не можем сделать!" — звучало на том конце провода...

Несколько дней спустя первый и последний президент СССР выступил перед страной по телевидению и, расписавшись в собственном бессилии, по сути, объявил о развале Советского Союза. Войскам было сказано, что с территории получившего независимость Азербайджана их непременно выведут. Пошли долгие тяжбы — армяне хотели, чтобы военные остались, азербайджанцы требовали немедленно покинуть республику. 26 декабря поступило распоряжение оставить Карабах. Григорий Петрович никогда не забудет тот день, когда он сжигал секретную штабную документацию, борясь в душе с горьким чувством поражения. Поражения, в котором войска не виноваты!

Пришла беда, отворяй ворота. Следующий, 92-й год готовил военным новые сюрпризы. Накалялась обстановка в мятежной Чечне: генерал Дудаев, ставший после разгона Верховного Совета республики полновластным диктатором, спешно формировал вооруженные отряды. Грозил вылиться в кровавый конфликт территориальный спор между осетинами и ингушами.

В эти тревожные месяцы полковник Фоменко возглавляет во Владикавказе войсковую оперативную группу. Затем участвует в формировании соединения, занимая должность заместителя комдива.

30 октября 1992 года рвануло в Пригородном районе Северной Осетии. Запылали Дачное, Чермен, Куртат, оцетинились стволами Назрань и Владикавказ. Как всегда, Григорий Петрович — в гуще траги-

ческих событий. Ликвидация последствий осетино-ингушской сшибки, наведение конституционного порядка в Карачаево-Черкесии, Адыгее. А в сердце — острым осколком вопрос: что дальше? Полковнику, по ноздри хлебнувшему лиха в стреляющих регионах, было ясно: войны на территории СССР и России — не случайность, а хорошо продуманная и четко спланированная акция с целью развала великой державы. Суровый вызов смутного времени. Неотвратимый виток судьбы внутренних войск. Его, Григория Фоменко, судьбы...

11 декабря 94-го началась чеченская кампания. С первых чисел января Григорий Петрович выполняет обязанности заместителя начальника штаба группировки внутренних войск — сначала в Моздоке, потом в Грозном. Спустя некоторое время его как генерала, имеющего бесценный опыт управления войсками в горячих точках, назначают на должность командира владикавказской дивизии, которая начала формироваться параллельно с выполнением боевых задач на территории Чечни.

Грозный и Самашки, Ассиновская и Бамут, Аргун и Гудермес, Урус-Мартан, Гехи и Серноводск — незабываемые вехи боевого пути генерала Фоменко и его дивизии. Там, на чеченской войне, десятки раз смерть наступала на пятки.

Однажды БТР, в котором ехал комдив, был подорван заставшими в засаде дудаевцами. Приняв бой, Фоменко и группа солдат не только защитили себя, но и уничтожили две машины с бандитами. И здесь генерал остался верен

железному правилу — воодушевлял рядовых бойцов личным примером отваги и бесстрашия.

Вспоминается еще один характерный эпизод из жизни ветерана горячих точек.

В дивизию прибыл старший начальник. “Собирайтесь, — сказал комдиву. — Полетим на передовую”. Фоменко переоделся по-походному и доложил о готовности. Генерал-лейтенант окинул его удивленным взглядом: выцветший под дождями и солнцем камуфляж, поношенный берет. “Однако и вид у вас. Не отличишь от простого старшины”. — “Так ведь не на парад отправляемся. В окопы — работать”.

В этом весь Григорий Петрович.

Всю войну прошли и два сына генерала Фоменко, один — командиром артиллерийской батареи, другой — заместителем командира роты специального моторизованного батальона. Отец не прятал их от пуль. Честь превыше всего. Так воспитывали самого Григория Фоменко. Так воспитал он своих сынов.

Закончилась трижды проклятая чеченская война. А боевых забот у генерал-майора Фоменко не убавилось. В октябре 97-го он назначен заместителем командующего войсками Северо-Кавказского округа внутренних войск. Должность, которую десять лет назад просто невозможно было представить.

Новый год начался для него с ...надцатой по счету горячей командировки: Моздок, временная оперативная группировка сил... Опять боевики, теракты, налеты, грабежи, захваты людей, угоны машин и ско-

та... КПП, патрульно-маневренные группы... И напряженное ожидание: что день грядущий готовит ВВ — воюющим войскам и ему, воюющему генералу?

Записывая воспоминания Григория Петровича Фоменко, невольно подумал: где-нибудь в Америке он давным-давно стал бы национальным героем, как генерал Шварцкопф после “Бури в пустыне”. Интервью с ним печатали бы все газеты и журналы. Однако у нас за командующим охотятся совсем не репортеры. Разведкой установлено, что на захват или физическое устранение Фоменко и членов его семьи нацелены три группы боевиков. На него заводятся уголовные дела прокуратурой Ингушетии — по фактам несуществующих преступлений. О нем распространяются слухи-небылицы: мол, ненавидит ингушей, жестоко расправлялся с мусульманами в Афганистане...

Но подлость и ложью не зачеркнуть заслуг человека, честно служившего Родине, войскам, людям. Подлость и ложь — оружие негодяев. Наше оружие — долг. И память.

Память — не забывать трагедию прошедшего десятилетия, оставившего шрамы в душах генерала, всех ветеранов горячих точек. Помнить историю, которую мы не заслужили. Долг — сделать все, чтобы она не повторилась. Ради этого и продолжает службу в войсках правопорядка Григорий Фоменко...

**Капитан
Владимир ТОРИН**

Фото Олега СМЕРНОВА

О военной реформе говорят уже долго и много. Не обходят вниманием эту глобальную задачу и военнослужащие внутренних войск. Те офицеры, которые непосредственно занимаются вопросами реформирования или исследуют проблему с научной точки зрения, представляют ее в общегосударственном масштабе. Их больше занимает структура, численность, задачи и принципы комплектования войск. Другие, более приземленные, которые днем и ночью вместе со своими солдатами выполняют служебно-боевые задачи, от реформирования войск ждут одного: когда же наконец можно будет нормально организовать учебный процесс, одеть и обуть солдата, досыта накормить, создать нормальные социально-бытовые условия для офицеров и прапорщиков.

Сегодня мы представляем мнение участников нашего "круглого стола" по этим и другим вопросам.

Виктор РЯХОВ,

полковник, начальник отдела оперативного управления главного командования.

Закончил Казанское высшее танковое командное училище, Военную академию бронетанковых войск им. Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, Академию Генерального штаба. В Вооруженных силах прослужил от командира взвода до заместителя начальника штаба армии. В мае 1995 года был переведен во внутренние войска.

Любые реформы в конечном итоге сводятся к тому, чтобы привести какую-то государственную структуру в соответствие с теми задачами, которые на нее возложены.

Сегодня государство пока не в состоянии выде-

Заочный "круглый стол"

Реформирование войск: реальность и перспективы

лить столько денег, сколько необходимо для нормального функционирования войскового организма. Колоссальные затраты требует только социальная сфера: нужны большие капиталовложения в строительство жилья, необходимо значительно повышать оклады денежного содержания.

К концу прошлого года мы завершили передачу функций охраны исправительно-трудовых учреждений органам исполнения наказания. Это позволило расформировать ряд соединений и частей. Было сокращено 345 военных городков, вследствие чего уменьшены расходы по этой статье. Сейчас войска охраняют более пятидесяти особо важных объектов, на которых созданы коммерческие структуры. Это противоречит законодательству. Мы вышли с предложением исключить их из перечня государственных объектов и снять с них войсковую охрану.

Приняв такие меры, мы сможем более рационально распределять те денежные средства, которые нам выделяются государством.

В ходе вооруженного конфликта мне неодно-

кратно приходилось бывать в Чечне. Там я ближе познакомился с солдатами и офицерами внутренних войск и проникся к ним уважением. Но когда посмотрел на боевое обеспечение наших воюющих частей, у меня волосы дыбом встали. Ведь они не мирную демонстрацию обеспечивают или парад на Красной площади, а воюют с хорошо обученными и вооруженными отрядами сепаратистов. Если, к тому же, слабо налажено взаимодействие с армейскими частями, то наши солдаты просто не в состоянии выполнить задачи.

Поэтому мы должны определиться, нужна нам тяжёлая техника или нет. Если есть такие очаги напряженности, как Чечня, и внутренние войска привлекаются для наведения конституционного порядка, то, по-видимому, нужна. Значит, необходимо повышать и профессионализм военнослужащих, учить эксплуатировать эту технику. А как учить офицеров, если в училище всего одна-две БМП?

Необходимо предоставлять обществу больше информации о внутренних войсках и их реформировании. Когда я служил в Российской армии, для меня ВВ были конвойными войсками. Такими для многих обывателей они остаются и сейчас. Наша задача — переменить мнение людей. Дать им понять, что все те задачи, которые выполняют внутренние войска, — в интересах безопасности общества, каждого гражданина. Будь то обеспечение порядка со щитами и резиновыми палками во время демонстрации или усмирение мятежников в Чечне с оружием в руках.

При реформировании войск необходимо учитывать то, что в перспективе мы должны перейти на комплектование личным составом по контракту. Уже сейчас нужно продумать все вопросы, связанные с обеспечением, системой обучения и воспитания.

По поводу престижа военной службы мне нравятся рассуждения одного из героев романа В. Пикуля "Эскадра". Он говорил, что в обществе такое уважение к нам, военным, такое материальное обеспечение и содержание не просто так. Это для того, чтобы в нужный момент мы не задумываясь могли отдать жизнь на благо общества.

Следовательно, если от человека требуется такая готовность к самопожертвованию, значит, ему должны быть созданы идеальные условия жизни.

Если мы сумеем это сделать, тогда не будет отбоя от желающих послужить Отечеству с оружием в руках и можно выбирать достойных и по состоянию здоровья, и по моральным качествам.

Александр КРЮКОВ,
полковник,
командир полка.
Закончил Саратовское
высшее военное
командное училище,
Военную академию
им. М. В. Фрунзе. Служил на различных командных должностях.

Командиром полка я стал недавно. Для меня вопросы реформирования — это разрешение тех проблем, которые мешают нормально работать всему коллективу. В первую очередь, это обеспечение личного состава всеми необходимыми видами довольствия.

В этом году у пятнадцати военнослужащих полка истекает срок контракта. Я заинтересован, чтобы они его продлили и поэтому побеседовал с каждым. Ответ у всех был один: я готов служить, если буду уверен, что пусть через два года, но все-таки получу квартиру. Как в былые времена, надена нормальную, повседневную форму одежды, а не полевую, в которой я вынужден находиться на всех построениях, на занятиях, на полигоне. Они не требуют чего-то сверхъестественного.

Я посмотрел, как живут офицеры, не имеющие квартир. В нашем полковом общежитии для холостяков условия вполне нормальные. Но когда увидел лачуги в общежитиях гражданских организаций, предоставляющих по договору места для семейных офицеров, мне стало не по себе. Неудобно стоять перед офицерскими женами и выдерживать их укоризненные взгляды, смотреть на детишек, которые растут в антисанитарных условиях. Естественно, такой офицер не пойдет на службу с желанием.

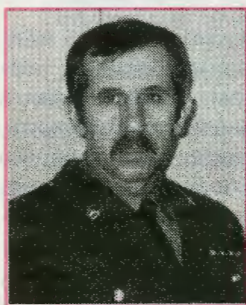
А многие и вовсе не выходят, оправдываясь тем, что им не выплачивают денежное содержание и не на что кормить семью. Они нашли другой источник доходов и готовы уволиться по любой статье. Даже по дискредитации воинского звания.

Но большинство все-таки мужественно переносят все тяготы. Однако и они поставлены в такие условия, что должны больше не о работе думать, а о том, как разрешить свои проблемы. Отсюда и нежелание служить, неуконплектованность подразделений.

Еще один вопрос, который попытаюсь решить, — улучшить условия жизни для военнослужащих по призыву. Хочется создать им пусть не домашний,

но уютный быт. Полк имеет все свое: столовую, казарму на каждое подразделение. Планирую сделать помещение одной из рот образцово-показательным. Оборудовать, обустроить своими силами и подсчитать, в какую копейчку все это выльется. Потом представить казарму командованию дивизии вместе с расчетами и постепенно подводить и остальные подразделения под этот уровень.

Если говорить об организации служебно-боевой деятельности, то необходимо стремиться к созданию такой системы, которая функционировала бы без сбоев. Независимо от того, на рабочем месте командир, в отпуске или выходной. Все должно идти по плану, каждый выполняет возложенные на него обязанности.

Владимир Цыганков, полковник, главный эксперт-консультант Главного штаба МВД России. Окончил Московский авиационный институт, Высшие курсы ВВ МВД СССР по программе подготовки заместителей командиров частей.

С 1989 года работал в отделе разработки проблем внутренних войск, затем в военном научном отделе. Принимал участие в подготовке концепции развития внутренних войск.

У такого государственного института, как внутренние войска, есть совершенно четкая специфика. Она заключается в том, что хотя войска правопорядка и комплектуются по тому же принципу, что и армия, и во многом схожи по структуре, они не являются армией в широком смысле этого слова. Потому что в идеологии их подготовки и в направленности их действий нет образа врага, которого необходимо победить или уничтожить. Войска всегда противостоят гражданам страны, нарушившим закон, преступникам.

Если эту специфику четко представлять, то легко можно понять и одно из тех генеральных направлений, которое задал министр внутренних дел в работе по реформированию: расширение полномочий военнослужащих внутренних войск при обеспечении общественного порядка и общественной безопасности.

Стратегия применения войск внутри страны пока не определена. Проблему обеспечения общест-

венной безопасности все страны решают по-разному. Американцы, к примеру, не имеют внутренних войск, а свою профессиональную армию готовят к действиям как против внешнего врага, так и для выполнения полицейских функций. При этом они руководствуются двумя уставами: боевым и уставом по противодействию гражданским беспорядкам. Второй устав требует, чтобы против своих граждан солдат не превышал допустимых законодательством пределов применения силы. Это, по сути, миротворческая миссия внутри страны. И вот здесь прослеживается та особенность, которая еще раз подчеркивает необходимость такого института, как внутренние войска. Солдат после выполнения миротворческих функций теряет боевые качества, теряет образ врага. Он постоянно сдерживает себя. У них в уставе есть даже такое понятие: "вернуть боевые свойства", то есть обозлитель. Наверное, поэтому на первых порах в чеченском конфликте военнослужащим внутренних войск было психологически сложно применять оружие. По идеологии они миротворцы, должны буфером стоять между противоборствующими сторонами.

Самый существенный недостаток нынешней структуры внутренних войск — невысокая роль в правоохранительной деятельности и наших частей оперативного назначения. В других странах аналогичные структуры расследуют преступления, обеспечивают безопасность на дорогах и т. д.

У американцев, например, нет необходимости содержать мощный резерв для внутреннего применения. Уровень напряженности у них не сравним с напряженностью в нашем обществе. А вот те государства, в которых существуют внутренние конфликты (Турция, Индия, Китай), имеют сильные войска правопорядка.

Такой резерв нужен и нам. Части оперативного назначения в критической ситуации должны будут встать между враждующими силами, чтобы проходящие в обществе социальные и политические процессы заключить в цивилизованные рамки. Основная их функция буферная: сдерживание, предотвращение кровопролития. Во всем мире это называется цивилизованным применением силы.

Почему это не может выполнить армия, почему не способна сделать милиция?

Армия не может, поскольку мы ее готовим к войне против внешнего противника, и она вооружена так, что ведет боевые действия на уничтожение. В XX веке на своей территории боевые действия против иррегулярных формирований нельзя вести теми средствами и методами, тем же вооруже-

нием, которое мы применяем в крупномасштабной войне.

Местная милиция в конфликте не беспристрастна, это показали многие горячие точки. Она подвержена влиянию местных условий и становится недееспособной в таких ситуациях. Для того чтобы в конфликте выполнить миротворческую функцию, нужны федеральные экстерриториальные силы, которые прибывают в район конфликта, пресекают проявления экстремизма или становятся между враждующими сторонами.

**Олег
СЛОВБУН,**
майор, слушатель
2-го курса Военной академии им. М. В. Фрунзе.
Закончил Владикавказское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России.

Службу проходил в Северо-Западном округе внутренних войск.

Нашей стране нужна боеспособная армия, хорошо обученные войска правопорядка. Я прослужил во внутренних войсках восемь лет, видел, как они меняются. Уже давно назрела необходимость приступить к совершенствованию их структуры и боевой подготовки. Я много думал о проблеме реформирования, пытался представить, можно ли что-нибудь изменить в условиях нынешнего уровня финансирования.

Но все, оказывается, в конечном счете зависит от выделяемых средств.

Сейчас у командира батальона, командира полка больше всего болит голова о том, как накормить людей. А потом, как накормить семью.

Будучи лейтенантом, я еще застал такие времена, когда вообще не нужно было думать о деньгах. Каждый офицер знал, что придет пятнадцатое число, ему выплатят денежное содержание и денег хватит, чтобы прожить месяц и еще купить кое-что из вещей. Офицер мог всего себя отдавать учебе, службе, работе с солдатами, а у командиров были веские основания потребовать делать это добросовестно.

Что необходимо мне, командиру полка, чтобы в полной мере выполнить возложенные задачи? Все должности укомплектовать высококлассными специалистами. Командиром взвода должен быть выпускник военного училища. Он проучился пять

лет и прекрасно знает, какой отдачи от него ждут. Такими же должны быть и заместитель командира роты, зампотех. А это осуществимо только в том случае, если будет нормальным финансирование и профессионалы не станут убегать из армии.

Когда меня перевели в учебный полк, у нас в роте должности всех четырех командиров взводов были заняты образованными офицерами, выпускниками военных училищ. Раньше туда направляли лучших из лучших, существовала конкурсная система отбора.

Спустя несколько лет, накануне моего поступления в академию, ситуация изменилась кардинально. В роте из трех наличествующих взводных, двое — бывшие студенты, выпускники гражданских вузов. Они хорошие люди, воспитанные, образованные. Но что представляют из себя как профессионалы? Пять лет проучились в университете, где была военная кафедра, которую они иногда посещали, им надели погоны и направили в учебный полк. Эти лейтенанты не умеют разобрать и собрать автомат, а им доверили обучать будущих младших командиров. Какую подготовку получают те, нетрудно догадаться. А ведь известно, что хорошо подготовленный сержант порой может заменить и офицера.

Но такое положение сложилось не потому, что непродуманно проводится кадровая политика. Просто нет других офицеров с высшим образованием, которые хоть немного знакомы с педагогикой и психологией.

**Подготовил к печати
подполковник
Иван МУЧАК**

Принять участие в разговоре за “круглым столом” может любой желающий, независимо от воинского звания, занимаемой должности, сроков и места службы. Надеемся, что откликнутся и ветераны внутренних войск. Вам достаточно написать письмо в редакцию, рассказать об опыте разрешения вопросов по какой-то проблеме или высказать критические замечания и, самое главное, не забудьте выслать свое фото.

Болевая точка

101-я бригада: Ставропольская одиссея

**Выживайте
как хотите...**

Помню, как больно кольнула сердце услышанная в день приезда фраза: «Сто первая... Богом забытая!». Столько отчаяния в ней было, что невольно остановился, посмотрел по сторонам. Угрюмый прапорщик с черной щетиной на щеках, докурив сигарету, еще раз смачно выругался и зашагал к зданию.

— Держись, штабные! Сейчас Петрович начнет бузить, — сказал кто-то из шедших сзади. И, действительно, переступив порог, я услышал громкий, срывающийся на крик голос. Непечатные выражения сыпались одно за другим. Наконец, устав ругаться, Петрович замолчал. Странно, но на него никто не обращал внимания.

— Не удивляйтесь! — Сопровождавший меня капитан из отделения по работе с личным составом тоже оставался до не-

приличия спокойным. — К ругани здесь привыкли.

Понял это и Петрович. «Ну хоть отпускные за прошлый год... Выгонит хозяин, если сегодня не отдам деньги». — Его голос из злобно-агрессивного превратился в устало-просящий.

— Где я их тебе возьму? — развела руками кассирша.

— Теперь, наверное, пойдет и напьетса, — невесело улыбнулся капитан. Вмешиваться в происходящее и помогать прапорщику, жалостью к которому я невольно проникся, он явно не собирался. — Сам в такой ситуации. Нужно платить за жилье, а нечем. К финансистам обращался — дали от ворот поворот, — обреченно махнул рукой мой собеседник. — И таких, как мы с Петровичем, обиженных, в бригаде большинство. Выкручиваемся кто как может. В основном за счет подработки на стороне. Кто грузчиком или охранником подражается, кто частным извозом занимается...

Да уж, тут поневоле станешь пессимистом. Чтобы решить жилищную проблему, нужны день-

ги. Собственное строительство бригада не ведет: нет ни средств, ни возможностей. Администрация города тоже не в состоянии помочь всем нуждающимся. Приобретенные для бригады 65 квартир и 11 комнат в общежитиях для многих военнослужащих стали яблоком раздора.

Причина проста — грубейшие нарушения в постановке на квартирный учет и распределении жилья. Требования приказов и распоряжений, определяющие порядок обеспечения жильем во внутренних войсках, как заметил представитель КЭС округа подполковник Александр Вислобоков, не выполняются.

— Наш специальный моторизованный полк в составе бригады воевал в Грозном, — рассказывает подполковник Владимир Бочкарев. — Здесь несем патрульно-постовую службу по охране общественного порядка. Но обеспечение нас жильем почему-то возложено на городские власти в лице УВД. Там таких подразделений — море. И получается, что офицерам и прапорщикам придется ждать обе-

Окончание. Начало в № 2

1110

щанных государством квартир еще очень долго. В прошлом году нам выделили всего семь. А в бригаде квартиры получили люди, которые не воевали в Чечне, а прибыли в Ставрополь из других частей. И выходит — участник боевых действий снимает угол в частном доме, а недавний выпускник академии справляет новоселье... Разве это справедливо?

Помочь разгадать эту тайну мог командовавший бригадой полковник Кравцов. Побеседовать с ним удалось накоротке, буквально пару минут. Выяснили немного. По словам полковника, за минувший год большинство из тех, кто прошел дорогами Чечни, уволились в запас или перевелись в другие части. Поэтому квартиры распределяли согласно очередности среди оставшихся.

— А всех недовольных направляйте ко мне. Разберусь с каждым персонально! — пообещал полковник Кравцов.

Историй о том, как командование “разбирается персонально”, реагируя на просьбы и нужды своих подчиненных, выслушал в эти дни предостаточно.

— К министру, наверное, на прием легче попасть, — жаловался один из военнослужащих. — Полдня проболтаешься в штабе и уходишь несолоно хлебавши. Конечно, нас много, и каждому не поможешь. Особенно сейчас, когда вместо денег — дырка в кармане и проблем — выше крыши. Но выслушать то человека можно?

Беседа с воинами одной из рот, спросил, когда они последний раз общались с полковником Кравцовым. “А кто это?” — услышал в ответ. От штаба до этого подразделения пешком всего несколько минут хода. Если уж сюда не ступала нога комбрига, то что тогда говорить об остальных.

Все-таки попытался отыскать следы посещения подразделения начальством. Но тщетно.

— Ротные совсем обленились. Ни одной записи... Хотя, точно помню, беседы проводил... —

полистав вместе со мной журналы учета, заверил один из бригадных полковников.

Накануне визита министра офицеры управления бригады в спешном порядке приняли на верстывать упущенное. Пахали на износ. Но нынешнего аврала в решении скопившихся проблем можно было бы избежать, занимаясь ими постоянно. Изодня в день, из месяца в месяц. Было бы желание.

Его нет. И уже давно. Все вытеснила апатия, усугубленная пьянством.

“Татарский синдром”

Своего пика оно достигло во время дислокации бригады в поле под Татаркой. При тамошней жизни, полной лишений и бытовых невзгод, поводов пропустить по рюмашке было предостаточно. Особенно по вечерам, когда зеленая тоска и скверное настроение рвали на части души служивых людей. Ну как тут не послать гонца за бутылочкой крепкого первача, который в избытке гнали хуторские бабки. Горючим запасались основательно. Поэтому пили много. И не только офицеры со своими ближайшими помощниками, прапорщиками. Самогонки в хуторе хватало и на “солдатушек, храбрых ребяташек” из числа дембелей. “Уроки жизни”, которые проводили изрядно захмелевшие отцы-командиры и “старики”, многие военнослужащие и сейчас вспоминают с содроганием. Дикцией и культурой речи “воспитатели” владели слабо, зато кулаками махали отменно. Жестокие нравы царили в Татарке, жестокие...

Это убедительно подтверждает и справка, которую подготовили в бригаде по распоряжению окружного начальства. Читаешь ее — и плакать хочется. Лейтенант Евгений Устинов “доработался” до того, что угодил по причине частых возлияний в психиатрическую больницу. Боксер-любитель старший лейтенант Дмитрий Соболев вместо

груши силу своих ударов стал отрабатывать на лицах подчиненных. За избиение сержанта скоро предстанет перед военным судом. Хулиганским поведением во взаимоотношениях с солдатами отличаются старшие лейтенанты Игорь Тягур, Олег Марзуков, лейтенант Сергей Самойлов, многие другие офицеры.

Дурной пример заразителен. Пинки и оплеухи щедро раздавали бойцам не только офицеры, но и старшие сослуживцы. “Обласканные” ими воины молча жались по углам, скрывая от любопытных глаз синяки и ссадины. Попытки найти защиту и справедливость у командиров пресекались. “Разоблаченных стукачей” дембеля били нещадно. Так, что залечивать нанесенные увечья приходилось в городских больницах. В одной из них рядовой Виталий Желтиков с тяжелой травмой головы пролежал несколько недель. Рядового Сергея Ломоновского от верной смерти спасли только своевременная операция и умелые руки хирурга. Уголовные дела возбуждались командиром бригады только тогда, когда пострадавшие солдаты и их возмущенные родственники обращались в суд или в военную прокуратуру. Если же претензий к обидчикам военнослужащий не предъявлял, то и шума не поднимали. Зачем? В итоге безнаказанность привела к разгулу казарменного беспредела.

Знало ли об этом командование бригады? Вопрос риторический. Тревожные сигналы поступали не только от обеспокоенных за судьбу своих сыновей родителей. О вопиющих фактах неуставщины не раз информировали военные юристы, следователи городской прокуратуры, сотрудники других компетентных органов. Да и на заседании военного совета округа, куда приглашали комбрига для нелицеприятного разговора, Алексею Александровичу настоятельно советовали вплотную заняться наведением уставного порядка в бригаде. Но, видать,

крепкими нервами обладал полковник, раз в такой тревожной обстановке сохранял олимпийское спокойствие.

Пассивность бригадных верхов привела к тому, что только за сентябрь — ноябрь прошлого года количество самовольно оставивших часть перевалило за две сотни. Трое военнослужащих пытались покончить жизнь самоубийством. Казарменное хулиганство, рэкет, повальное воровство захлестнули взводы и роты. Факты эти не вымышлены, не плод фантазии журналистов, интерес которых к судьбе 101-й бригады в последнее время заметен возрос, а взяты из докладной записки, подготовленной офицерами штаба округа для старшего начальника.

Организаторы большого «срама» — телевизионщики с канала НТВ за день своего пребывания в 101-й увидели то, что в течение целого года не смогли заметить десятки раз работавшие в бригаде комиссии. Трехминутный телевизионный сюжет о бедственном состоянии дел в бригаде, показанный в конце октября в программе «Сегодня», свел на нет попытки службистов скрыть истинное положение в липовых отчетах и справках. Первыми забили тревогу члены местного комитета солдатских матерей. Его председатель Татьяна Мундренко потребовала привлечь к уголовной ответственности командира бригады, а положение в ней объявить чрезвычайным. Требования женщин поддержали депутаты краевой Думы. В своем запросе на имя министра внутренних дел они оценили состояние воинской дисциплины в 101-й как критическое и настоятельно советовали заменить командование.

Просьбу народных избранников министр, как известно, не оставил без внимания. Свой ноябрьский визит в Ставрополь он начал с посещения мест дислокации БРОН. И хоть ко дню его приезда внешний марафет удалось навести во многих подразделениях, спрос с виновников за многомесячную бездеятель-

ность был строгим. Оргвыводы последовали незамедлительно. За халатность и беспринципность в работе министр отстранил полковника Алексея Кравцова от обязанностей командира бригады. Та же участь постигла его заместителей полковников Александра Батурина, Геннадия Кузнецова. По решению главкома началась переаттестация офицеров. Суровое наказание ждет всех, кто скомпрометировал себя.

К уголовной ответственности привлекаются военнослужащие, искалечившие рядовых Желтикова и Ломоноковского, воры, рэкетеры и сторонники кулачных разборок. Их так много, что военным дознавателям приходится трудиться с утра и до глубокой ночи.

Экстренные спасательные меры, срочные денежные вливания позволили частично разрешить проблему с невыплатами, обеспечением солдат и сержантов теплым бельем и зимним обмундированием, положительно сказались на наведении внутреннего порядка в подразделениях. Жить бойцам 101-й под крышами стало лучше. Что же касается морального настроя, отношения людей к делу, то здесь видимых изменений мало.

Вера в то, что терпение и труд все перетрут, как и надежды на перемены к лучшему, подобно уголькам догорающего костра, еще теплятся в их сердцах. Но сомнения и тревоги не покидают, терзают уставшие души. Ну как в такие минуты настроить себя на нормальный рабочий лад?

Можно сколько угодно обвинять воинов бригады, упрекать за то, что опустили руки, поддались унынию. И формально эти упреки будут справедливыми. Но пусть любители бросать увесистые камни в армейский огород, хозяева шестисотых «мерседесов» и завсегдатаи модных политических тусовок станут на место трижды обманутых служивых, помытарятся годок-другой в драных палатках, испытают на себе все прелести бивачной

жизни с минимумом удобств и постоянной тоской по теплу и уюту родного дома. Может быть, тогда поймут, почему душа военного скитальца полна горечи.

Год назад, покидая с развернутыми флагами Грозный, бойцы 101-й были уверены, что государство позаботится о них. За пролитую кровь, страдания и долготерпение. В память о тех, кто заснул вечным сном, защищая в Чечне российские интересы. На многое не надеялись. Но в то, что не будут брошены на произвол судьбы, верили свято.

Надежды на лучшую долю не оправдались, власти предержащие, не раз предававшие и подставлявшие защитников Отечества, вновь обрекли военных на тяжелые испытания, преодолеть которые боевая, насквозь прострелянная бригада была уже просто не в силах...

* * *

Когда мы с майором Сидоровым покидали Татарку, в разрезе серых туч показалось солнце. Его яркие лучи, осветив на секунду окрестности, снова скрылись за темными сводами хмурого осеннего неба.

— Помните наш городок в Грозном? — спросил Владимир. — Несладко жилось там, но выстояли потому, что чувствовали себя частичкой великой державы. Здесь же, на русском мирном поле, перед равнодушием той же державы и бытовыми невзгодами оказались слабыми и беззащитными. Выстоим ли на этот раз?

Да, оптимизм, наверное, еще не скоро поселится в душе Владимира и его сослуживцев. Дай Бог, чтобы мои слова оказались ошибочными.

**Подполковник
Николай КАМШЕКИН**

Фото Олега СМЕРНОВА

Ставрополь—Москва

Здесь — чудеса

В 1948 году приказом МГБ СССР на базе отдельного медико-санитарного батальона внутренних войск НКВД был сформирован военный госпиталь. Первоначальное место дислокации — Москва, Покровский бульвар... Теперь он находится в подмосковном Реутово и называется "Главный военный клинический госпиталь внутренних войск МВД Российской Федерации".

Бороться за жизнь до последнего

Лейтенанта Вадима Сулова, офицера одной из частей ОДОНа, доставили в Главный военный клинический госпиталь (ГВКГ) в тяжелейшем состоянии.

— Сказать честно, — вспоминает заместитель начальника госпиталя по работе с личным составом полковник Юрий Аркадьевич Савицкий, — думали, парень не вытянет. Состояние — критическое. Но боролись за жизнь пациента до конца и надеялись на лучшее.

Врачи сделали все возможное и невозможное, чтобы стабилизировать состояние больного. При первой же возможности пострадавшего переправили в одну из московских клиник. Там молодому офицеру сделали

уникальную операцию. Послеоперационный период лейтенанта Сулова проходит в родном госпитале.

— Не хочу опережать события, — говорит Юрий Аркадьевич. — Но, кажется, офицер поправляется. Сегодня он даже попросил спортивный костюм. Залежаться на госпитальной койке, говорит, не собираюсь.

Теперь из области мистики. В день, когда лейтенанту Сулову делали операцию, у него родился ребенок.

Придет время, и ему расскажут о том, как родились они с отцом в один и тот же весенний день. Малыш — в первый, а папка — во второй раз. Наверное, после таких знаменательных совпадений и начинают люди верить в судьбу — попробуй тут не поверь.

Мерим все по-прежнему Чечней

Скоро два года, как закончилась чеченская война, а по-прежнему мирную жизнь мерим Чечней. Вот и когда собирался в госпиталь за материалом, коллеги напутствовали: обязательно узнай, сколько ребят, пострадавших во время чеченской кампании, лежат еще в госпитальных палатах? Что ждет их впереди?

— Из тех, кого доставили к нам за время вооруженного конфликта, в госпитале сейчас остались единицы, — заверил меня полковник Савицкий. — Большинство из них находятся на втором излечении. Всех раненых и больных подлечили и кого домой, кого назад, в часть, для дальнейшего прохождения

службы отправили. Всех своих пациентов держим на контроле.

За время войны на излечении в ГВКГ находилось свыше 1500 больных и раненых. В Чечне выполняли свой профессиональный долг более 80 сотрудников госпиталя. 32 медработника награждены орденами и медалями.

Во время войны всем службам госпиталя пришлось работать с полным напряжением сил. Но, наверное, больше всего испытаний выпало на долю двух отделений — 6-го (хирургической инфекции и ожоговой травмы) и 3-го (травматологического).

Их знают не только в России

В госпитале мне доводилось бывать не раз. Но с начальником отделения хирургической инфекции и ожоговой травмы полковником медицинской службы Николаем Михайловичем Мульменко ранее встречаться как-то не доводилось. Говорят, что впечатление от первой встречи с человеком зачастую бывает обманчиво. Но в данном конкретном случае готов утверждать, что оно полностью соответствует действительности. Мульменко — человек обходительный, не способный на резкость в общении с подчиненными. Для него они прежде всего — коллеги, соратники в деле.

Чеченская тема для полковника м/с Мульменко — больная. Мне кажется, что он еще не до конца пришел в себя от пережитого.

— Через наше отделение прошло более 200 раненых, — вспоминает Николай Михайлович. — В тот момент, когда отделение было развернуто на 30 коек, мы лечили 100 человек. Работали в сокращенном составе — из трех врачей один, как правило, находился на передовой. Тяжелая была работа, но она нас многому научила. Мы сполна познали, что такое военная травма. Уви-

Н. Мульменко

дели, как ведут себя в экстремальной обстановке наши люди, кто чего стоит.

В этот период на нашу долю выпал большой объем оперативных вмешательств. Иными словами, каждый поступивший в отделение больной был нами прооперирован. Это нелегкий труд, грандиозный опыт!

Врачи и медсестры выстояли в те трудные дни. Они сражались за каждого человека, не считаясь со временем, не обращая внимания на хроническую усталость, отодвинув на задний

план свои личные проблемы. И, как в бою, несли потери. В 96-м на рабочем месте скорострительно скончался начальник отделения полковник медицинской службы Евгений Петрович Гордеев — тогда и сменил его на капитанском мостике бывший в то время старшим ординатором Мульменко.

В той сложной обстановке военные медики не забывали о научно-исследовательской работе. Одним из ее направлений были ожоги. Как только отделение получило полуофициальный статус отделения хирургической инфекции и ожоговой травмы, ими занялись вплотную. Ставку при лечении ожоговых больных сделали на новую методику, которая была апробирована в детской областной ожоговой клинике замечательным специалистом Александром Васильевичем Мензулом.

— Раньше при лечении ожогов мы использовали традиционные методы, — рассказывает Николай Михайлович, — обожженные участки тела обрабатывались специальными растворами, мазями, на них накладывались марлевые повязки. При перевязках больные жутко страдали, постоянно приходилось

Идет операция

142

вводить обезболивающее. Лечение растягивалось на долгое время. На месте ожогов формировались рубцы, ограничивающие подвижность в локтевых, коленных суставах. Другое дело — новая методика.

В чем ее суть? На рану накладывается специальная пленка (производят ее в Израиле) — создается влажная среда, благоприятно влияющая на заживление. Перевязки протекают совершенно безболезненно, никакого наркоза не надо. Косметический эффект грандиозный — практически никаких рубцов. Сократились сроки лечения...

Опыт, который накопили в отделении, позволил выдвинуться полковнику м/с Мульменко и его коллегам на передовые рубежи не только в России, но и в мире. В прошлом году Николай Михайлович получил приглашение участвовать в работе 7-го европейского конгресса комбустиологов (специалистов по ожоговым травмам) в Бельгии. Ему предложили выступить с докладом о современных методах лечения глубоких ожогов. Но, к сожалению, воспользоваться приглашением Николай Михайлович не смог по одной только причине — у войск не нашлось денег, чтобы финансировать его поездку. Недавно полковнику м/с Мульменко пришло еще одно приглашение. На этот раз из Чехии. Скорее всего придется Николаю Михайловичу и это приглашение отклонить. По той же причине.

Вообще-то, работа с ожоговыми травмами не главная специализация отделения. И сейчас шестое в обиходе называют гнойным. 80 процентов пациентов в отделении — с раневой инфекцией.

В день медицинские сестры старший прапорщик Евгения Пестюхина, старшие сержанты Ольга Коволенко и Ольга Негодуйко, служащая Тамара Кривенко делают по 50 перевязок. Помимо своих пациентов обра-

В.Хареба

батывают и “чужих”, из других отделений.

... Рабочий день в отделении подходил к концу. Часы показывали начало пятого, а в кабинете начальника отделения — он же ординаторская, он же смотровая, он же медсестринское помещение — готовились к ... обеду. Старший ординатор майор м/с Александр Ковалев с ординатором м/с Борисом Дудаевым и лейтенантом м/с Мариной Федотовой закончили заносить в компьютер какие-то данные и теперь тактично ждали, пока их шеф освободится от дотошного журналиста.

Хирургу — именное оружие

Такого не помнят даже старожилы — два офицера госпиталя награждены именным оружием! На торжественном собрании, посвященном 50-летию ГВКГ, из

рук министра внутренних дел пистолеты Макарова получили заместитель начальника госпиталя по работе с личным составом полковник Юрий Аркадьевич Савицкий и начальник травматологического отделения полковник м/с Владимир Борисович Хареба.

Первая реакция услышавших эту новость — удивление: это ж надо, доктору — и именное оружие! Мы привыкли к тому, что подобной награды в войсках удостоиваются большие военачальники.

Интересно, что он за человек такой, полковник Хареба? Из мульменковского отделения спускаюсь на этаж ниже в травматологию.

В кабинете, если можно назвать кабинетом комнатную площадью в пять квадратных метров, Владимира Борисовича не оказалось. На священном на-

Сестричка — Оля Захарова

частьном месте спокойно, как у себя дома, сидел товарищ и что-то там набирал на компьютере.

— Харебы нет... Пошел к больным... Скоро будет... — сообщил он, не отрываясь от экрана.

Товарищ не обманул — появился Хареба минуты через две-три.

Признаюсь, в начале нашего разговора Владимир Борисович

произвел на меня впечатление неисправимого скептика. На все мои вопросы отвечал однозначно или говорил: "Зачем вам это? Это неинтересно". А с лица не сходила ехидная улыбочка.

И только когда разговор зашел о Чечне, Владимир Борисович посерьезнел.

— За два года через наши руки прошли около 300 раненых. Было время, дневали и ночевали в госпитале — операции, операции, операции...

В ответ на мою просьбу вспомнить самого тяжелого пациента чистосердечно признался:

— Не помню. Много их было, тяжелых. Вы бы заранее предупредили, я бы вам все данные подготовил. Снимки. Истории болезни. А впрочем... — Владимир Борисович, не вставая, достал с полки папку, из которой извлек рентгеновский снимок. — Взгляните.

На черной пленке вроде бы была видна нога, четко просматривались два сустава — коленный и голеностопный:

— А где же кость?

— Сгнила. Пуля попала солдату в голень и разнесла кость на мелкие осколки. Теперь посмотрите на этот снимок.

Смотрю — теперь точно голень, со всеми косточками и суставами.

— Это та самая нога. — Владимир Борисович закуривает. — Только мы косточку нарастили... На 23 сантиметра.

Потом доктор показывал мне еще снимки. Объяснял тактику лечения больных с использованием аппарата курганского гения Илизарова. Принимая пленки из моих рук назад, повторял: уехал домой на своих двоих.

...Есть у полковника м/с Харебы мечта — дожить до дня, когда строители закончат отделочные работы в коробке нового хирургического корпуса, того, что горделиво возвышается за окном его кабинета. Срок сдачи — ко-

нец 99-го. Владимир Борисович готов ждать до 2001 года:

— Мне как раз 50 лет исполнится. Перережу ленточку и ...

Прошу прощения у Владимира Борисовича, что перебил его тогда на полуслове. Побоялся услышать "и на пенсию". Хочется верить, что останется доктор в строю и дальше. С такой командой (подчиненные Харебы старший ординатор-нейрохирург полковник м/с Владимир Джафаров, старший ординатор майор м/с Евгений Скланчук, ординатор старший лейтенант м/с Николай Катаргин, старшая медицинская сестра старший прапорщик Татьяна Буянова и другие травматологи в госпитале на самом хорошем счету) — и не служить?

Честь марки

Главный военный клинический госпиталь — мощное многопрофильное лечебно-профилактическое учреждение, обеспечивающее квалифицированную, специализированную помощь больным военнослужащим и членам их семей. На момент сдачи материала в печать в госпитальных палатах на излечении находились 426 больных. Контрактников — 149. Срочников — 204. Членов семей военнослужащих — 73. Четверо военнослужащих из районов боевого применения. Думаю, что не разглашу военную тайну, если скажу: свободных коек в госпитале на тот день почти не было.

Увы, попасть в ГВКГ не просто. Тем, кому можно повременить с госпитализацией, приходится ждать. Безусловно, с вводом в строй нового корпуса ситуация изменится к лучшему, говоря языком медиков, будут развернуты новые койки. Но не только проблема с наличием свободных койко-мест породила очередь. Главная причина в другом — в госпитале, как сказал мне один знакомый, к больным отношение человеческое. Здесь од-

на из лучших в столице школа выхаживания. Именитые профессора известных московских клиник, смилив гордыню, обращаются в наш госпиталь с просьбой разместить их пациентов. Это о чем-то говорит? И медработники госпиталя, несмотря на сложность и обстоятельства стараются держать марку.

* * *

В отделение хирургической инфекции и ожоговой травмы недавно поступил на излечение Айрат Усманов из Башкирии — рядовой запаса. В Чечне он получил тяжелые огнестрельные ранения. Перенес 17 операций. Домой вернулся на своих ногах.

Лечащий врач Айрата Александр Ковалев

Дома Айрат не уберется, получил травму. В госпиталь приехал в тяжелом состоянии — речь шла об ампутации ноги на уровне голени. Но доктор Мульменко со своими коллегами пока ногу спасли. Солдату предстоит еще 4-5 операций. Врачи надежды на благополучный исход не теряют.

Рядом с Айратом находится его мама, Алсу Хуснуловна, она надеется на Бога и на врачей.

**Подполковник
Алексей ПЕТРОВ**

Фото автора

Леонид ИЛЬИН

Жизнь моя,

бездна...

Записки капитана 1 ранга

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

После учений на Днепрогэсе сомнений в возможностях боевых пловцов больше не возникло. А какими же возможностями должны были обладать те, кто им противостоит? Конечно, теми же самыми, только... лучше. Знать и взрывное дело, и водолазное. Освоить тактику действий боевых пловцов вероятного противника. Отлично стрелять и на суше, и под водой. Знать рукопашный бой, уметь вести схватку под водой. Схватки боевых пловцов имеют свои особенности. Они редко бывают долгими. Все решается

в первые секунды боя. Одно касание специального подводного ножа — и заряд углекислоты, впрыснутый под кожу, убивает противника. Выстрел из специального автомата на земле не очень впечатляет. Небольшая стрела летит, беспорядочно вращаясь, но попадая даже плашмя, легко впечатывается в доску. Под водой же это действительно грозное оружие, стрела летит в пузыре углекислоты на сорок метров и, встречаясь с преградой, буквально пронзает ее.

Первый отбор в службу водолазов в 1979 году был строже, чем в космонавты. Капитан 2 ранга Иван Карачун, капитаны 3 ранга Сергей Водянов, Влади-

мир Клец, капитан-лейтенанты Владимир Новожилов, Николай Ушаков, Владимир Курьянов — все они были водолазными специалистами, мастерами спорта по офицерскому многоборью или борьбе. Тогда же пришел наш врач-специфизолог Александр Иванов. Пришли они с разных флотов, из инженерных войск, и можно сказать точно: нам удалось собрать лучших специалистов. Это настоящие фанаты водолазного дела, да и прежние свои места службы поменяли не на райские уголки в столице. Вскоре все они разъехались по точкам на Амуре, Зее, Буре. Провели первый набор на должности водолазов — забрали чуть ли не половину вы-

Окончание. Начало в № 3

пуска водолазной школы инженерных войск в городе Волжский. И с этого года до создания своей школы на Байкале в 1985 году бессовестно забирали у них 10-15 процентов выпуска. На заставах создавались водолазные станции: мичман, семеро матросов, катер. В полках, дивизиях, управлении внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири — водолазные службы. Конечно, непросто было раздобыть необходимую технику, вооружение. Правда, что касается техники, выручали старые, еще со службы в инженерных войсках и Военно-морском флоте связи. С вооружением неожиданно помогли в НИИ МВД, создали свои образцы буквально на зависть морякам. Наибольшие проблемы были с главсредствами. Чтобы успешно бороться с профессиональными боевыми пловцами, надо было иметь легкий катер с сильным двигателем, способным мгновенно выйти на максимальную мощность. (На нем должны быть вооружение, гидроакустические средства связи и обнаружения.) Наконец, возможность вести подводный поиск мин.

НАШ ФЛАГМАН

Конечно, своими силами такой "крейсер-антидиверсант" не создашь. Здесь работы судостроительным НИИ и заводам было не на один год. Да и разработка и строительство такого корабля никак бы в бюджет внутренних войск и даже МВД не влезли. Помогла случайность. Хотя все связанное с подводными противодиверсионными силами и средствами было очень секретным, занималось этим настолько мало людей, что все специалисты знали друг друга. И однажды один из них в беседе обмолвился о суперкатере, создаваемом на Николаевской судовой верфи для борьбы именно с боевыми пловцами. Проговорившись, товарищ тут же опом-

нился, прикусил язык и перевел разговор на другое, время от времени поглядывая на меня и гадая, успел я ухватить выскользнувшую информацию или нет. Виду я не подал, но уже на следующий день сидел у командующего всеми противодиверсионными силами ВМФ вице-адмирала Евгения Волобуева.

— Есть такой, — только вздохнул адмирал, не раз помогавший нам по разным вопросам. — Откуда узнал?

Я лишь пожал плечами.

— Ну понял, в бане услышал. Хотел рассказчика схватить, а тот весь в мыле, так и ускользнул.

— Точно.

— Есть такой. Проект 1415, — снова повторил он, уже улыбаясь. — Даже не катер. Корабль четвертого ранга. Но тебе-то что? Смотри, один корабль, экспериментальный, опытный. Ильин, посоветуй, куда его отдать? На Балтику? Там Швеция, Дания. На Черное море? Там ведь Турция под боком. У Северного флота Норвегия рядышком. На Тихом океане тоже "друзей" хватает. И все ведь первым делом в

час "Икс" удар по базам боевыми пловцами нанесут. Я вот тут голову ломаю, на какой флот новый корабль бросить. Так ты пришел мне подсказать, а, Ильин?

— Чего же делить, раз все равно на всех не хватает? Товарищ адмирал, отдайте его нам!

— Да, Ильин, — просьба явно развеселила адмирала. — Тебя, как в зеленую форму переодели да папаху дали, не узнать. Да ты знаешь, сколько нам крови стоило этот корабль спроектировать да на верфи заложить. Деньги на него выбить. И вот, когда все готово, является... — адмирал пожевал губами, словно подбирая слова помягче, — такой непосредственный, из МВД, в папахе и говорит: нам отдайте. Иди, Ильин...

В главке внутренних войск вопрос не решил бы никто. Даже начальник войск тогда еще генерал-полковник Иван Кириллович Яковлев. Написать ходатайство в ЦК или Министерство обороны? Пока бумаги будут ходить по кругу, корабль поднимет флаг и уйдет на какой-нибудь флот, и выцарапать его оттуда будет уже

Перед залпом

невозможно. Моряки скорее утонят, чем отдадут кому-нибудь такой катер. Попробовал я обратиться и в министерство. Мои звонки и визиты на Огарева, 6 были явно некстати. МВД уже встало на "предолимпийскую вахту". Все соглашались, что такое плавсредство иметь для нас крайне важно, но дружно просили погодить до конца олимпиады. Меня разбирала обида, словно министерство готовилось на этой олимпиаде само прыгать, бегать и делать прочие спортивные дела. С расстройством записался на прием к министру генералу армии Николаю Щелокову. Принять меня пообещали через... месяц. Уже уходя из министерства, вспомнил о своем вызове к Юрию Чурбанову сразу после назначения. Ту фразу об обращении напрямую всегда, когда нужно, я тогда считал дежурной. Сколько их доводилось уже выслушать за годы службы! Но терять было нечего, и я направился в приемную замминистра. Здесь сидел все тот же капитан, только на этот раз было человек десять ожидающих своей очереди посетителей. Помня о разрешении обращаться напрямую, я доложил адъютанту и присел на свободный стул.

Вызвали меня неожиданно быстро, после того как адъютант с какими-то бумагами зашел в кабинет. На этот раз Юрий Чурбанов выглядел уставшим, общая запарка в министерстве сказалась и на нем. Быстро доложил заместителю министра суть дела, особенно нажимая на необходимость срочного решения вопроса. Пару раз звонил телефон, Чурбанов говорил по нему о каких-то других делах, а меня все не отпускал из кабинета. Наконец он подвинул ближе блокнот, на котором помечал что-то, пока я докладывал.

— Как там у вас на флоте говорят? Морским судам быть?

Я снова начал доклад и о необходимости для войск именно того корабля, и о единственном

шансе, но меня быстро остановили.

— Надо подумать. — Заместитель министра встал и с видимым удовольствием, разминаясь прошелся по кабинету. — Позвони через пару недель, думаю, к этому времени что-нибудь решим.

Звонок раздался раньше. Через неделю меня разыскал вице-адмирал Волобуев и на правах старого знакомого высказал все, что обо мне думает. Его соленые флотские слова помню очень хорошо, но приводить их здесь не буду. Скажу лишь, что моих дальнейших отношений с этим замечательным человеком и опытным флотоводцем, долгие годы командовавшим нашей эскадрой в Средиземном море, этот случай нисколько не испортил. Да и понять его было можно. В главный штаб флота пришло категорическое распоряжение главнокомандующим ВМФ передать построенный катер внутренним войскам МВД СССР.

Этот корабль стал нашим флагманом, а вскоре во внутренних войсках была уже целая флотилия катеров, в том числе и проекта "Гепард" на воздушной подушке.

Не менее трудным было определить, под каким флагом ходить нашим кораблям и катерам. Этот вопрос решался аж на Политбюро, куда было представлено несколько вариантов. Утвердили флаг по образцу военноморского с краповым кантом. И с этого дня наша флотилия приобрела полный юридический статус. На катера установили средства связи и обнаружения. Вооружили гранатометами МРГ-1 (морской реактивный гранатомет). Это оружие залпом из семи стволов покрывает территорию в 500 квадратных метров. После одного залпа вопрос о диверсантах можно было считать закрытым. Вооружать катера помогли и специалисты из НИИ МВД. Коллектив лаборатории полковника Юрия Молянова создал подводный миноискатель,

аналогов которому в стране не было.

Когда свои морские силы во внутренних войсках были созданы, настало время проверить их на прочность — провести учения в реальных условиях.

АМУР-82

Учения прошли в местечке Толокунь у Комсомольска-на-Амуре. Здесь был большой, под три километра мост, который обороняли внутренние войска. Его должны были "взорвать" боевые пловцы Тихоокеанского флота. Тихоокеанцы отрядили на дело два корабля, вставшие на якорь в пяти километрах от моста. Срок боевых пловцов с полным вооружением, глссерами готовились к штурму. Мало того, по своим каналам нашими противниками были негласно подняты все демобилизованные из спецподразделений матросы и старшины, жившие в ближайших к месту учения городах и поселках. Один звонок по телефону — и бывшие разведчики, боевые пловцы были готовы применить полученные на службе навыки. Прежде всего они стали глазами и ушами нашего условного противника.

Готовились и мы: стянули катера и усилили их команды, проинструктировали береговую охрану. На опоры моста поставили специальные отводные устройства, чтобы к ним не прижало "случайную" корягу с замаскированной миной. Командовал всей обороной командир дивизии генерал-майор Виктор Серебрянников.

Руководителем учений был назначен замечательный человек — начальник штаба управления внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири генерал-майор Томас Агамян. Посредниками стали представители управления разведки ВМФ ну и ваш покорный слуга, хотя большую часть учений пришлось провести не на мостике

корабля, а на глубине в ластах и маске.

Сигналом к началу учений послужило обнаружение нашей разведкой в прибрежных зарослях двух парашютов. Сразу же сигнал о возможной высадке "диверсантов" был передан на катера и корабли, береговым нарядам, караулам на мосту и подступах к нему.

"Противник" не заставил себя ждать. В тот же день машинист тепловоза, ведущего состав из нефтеналивных цистерн, заметил, как на подъеме, когда поезд сбросил скорость, на него прыгнули два человека. Поезд остановили задолго до моста, и войсковой наряд снял "диверсантов", пристроивших между цистернами фугас большой мощности. Тут же пошла команда о проверке всех проходящих через мост поездов. И как оказалось, не зря. Еще одна группа "противника" была снята с пассажирского поезда. Расчет у них был тот же. На мосту сбросить мощный фугас и взорвать его. На следующий день были задержаны двое "диверсантов", под видом охотников пробиравшихся вдоль берега к мосту.

Шел третий день учений, когда по Амуру обильно поплыли трава, ветки деревьев. Казалось, где-то выше по течению вода подмыла или затопила берег. Фокус был старый. Амур начали галсами утюжить катера мичманов Алексея Михайлова и Владимира Раскевича. Коки катеров, забросив камбузы, встали по боевому расчету у реактивных гранатометов. Ближе к вечеру на воде показались коряги, притопленный ствол дерева, а когда стемнело, гидроакустические средства обнаружения катеров показали наличие под одной из коряг боевого пловца. Залп гранатометов — и "диверсант" уничтожен. Но ночь не была спокойной. Группа из трех боевых пловцов где сушей, где водой пробралась к мосту и поднялась по его вертикальной опоре. Дальше был сделан подкоп под караульное помещение и в секунды вырезан караул. Единственное, что успел сделать часовой, так это нажать тревожную кнопку. По тревоге был поднят ВОРЕЗ (войсковой оперативный резерв), "диверсантов" обложили с помощью собак и уничтожили.

Отпущенная на учения неделя

завершалась, и "противник" занервничал, стал действовать более грубо. Сначала попытался прорваться на мост на автомашинах. Два грузовика с разных сторон атаковали мост. Одному из них даже удалось снести ограждения, но попав под плотный огонь караула, грузовик был вынужден остановиться. Тогда была предпринята последняя попытка. Два глиссера на полной скорости, оставляя за собой белый пенный след, атаковали мост с воды. Казанки остановили пулеметами. "Диверсанты" были одеты под рыбаков, в лодках имелись снасти. Пришлось спустить под воду наших лучших водолазов старших инструкторов мичманов Александра Иванова, Виктора Фанталлина, Николая Саяпина. Они и обнаружили сброшенные "диверсантами" перед задержанием взрывные устройства.

Всего за шесть дней учений было уничтожено восемь групп боевых пловцов. И хотя фугасы "диверсантов" были условными, а наши патроны холостыми, мы чувствовали себя настоящими победителями. Никто ни на минуту не сомневался, что и в реальной боевой обстановке результат будет таким же.

Присутствовавший на учениях начальник управления внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири генерал-лейтенант Александр Бублик довольно уехал в столицу, чтобы доложить начальнику войск генералу армии Ивану Яковлеву о прошедших учениях. А к нам прибыл находившийся тогда на Дальнем Востоке заместитель министра генерал-лейтенант Юрий Чурбанов. Осмотрел наш флот. У нас уже было что показать. Двенадцать кораблей и катеров и семьдесят человек отлично подготовленного личного состава. Судя по всему, наш куратор в министерстве остался доволен.

ОТ ВОДОЛАЗНЫХ СТАНЦИЙ К ДИВИЗИОНАМ

Впрочем, останавливаться на достигнутом мы не собирались. Каждый год с марта по апрель наши офицеры и мичманы проходили стажировку у боевых пловцов разных флотов. Вместе с ними ходили под воду, стреляли на полигонах, получали навыки ведения подводного боя и разминирования. Потом офицеры и мичманы возвращались в свои подразделения, чтобы передать усвоенное личному составу. Весной и осенью наш врач-специфизолог Александр Иванов отправлялся в поход по военкоматам, отбирая среди призывников самых здоровых, годных к водолазной службе. И все же каждый год, объезжая раз за разом водолазные станции на заставах, приходилось убеждаться, что созданная нами система далека от совершенства.

Ничего удивительного в этом не было. Заставы жили обособленно, своими маленькими воинскими коллективами. А какой же начальник потерпит, что часть его подчиненных живет по какому-то особым морским законам? У всех Устав внутренних войск, а у этих — корабельный. У заставы подъем, а у них побудка. Когда же все честно идут в столовую, семеро матросов и мичман шествуют на камбуз. А их водолазы вообще ведут себя вызывающе. То и дело спускаются на дно реки, и чем там занимаются, одному Нептуну известно. Говорят, что боевой учебой, а какая же это учеба, если ее лично проконтролировать нельзя?

В результате сплошь и рядом матросы водолазных станций вместо учебных тренировок заготавливали сено, строили курятники, в лучшем случае несли караульную службу наравне со всеми. Пытавшихся

Врач-специфизолог Александр Иванов

этому противостоять мичманов начальники застав просто подминали. Дальше мириться с этим было нельзя. По возвращении в Москву из очередной командировки, посоветовавшись в штабе с генерал-лейтенантом Федором Бубенчиковым, доложили обстановку генералу армии Яковлеву. Слово Ивана Кирилловича в войсках было законом, и вскоре штатная структура наших морских частей была изменена. С образованием морского отряда в Хабаровске ликвидировались водолазные станции на заставах. Отряд состоял из двух дивизионов: катеров и водолазов. Всю зиму на базе казарм, классов и полигона отряда шла учеба, а с наступлением навигации катера и водолазы рассредоточивались по охраняемым объектам. К этому времени стало легче и с кадрами. Матросы, отслужив срочную, оставались на сверхсрочную мичманами. Желающих было столько, что можно было отобрать среди них самых лучших. Многие учились и дальше, не порывая связи с внутренними войсками, становились офицерами.

ЗЕЯ-84

В 1984 году прошли новые учения на Дальнем Востоке. Их инициаторами были мы и Тихоокеанский флот, боевые пловцы которого жаждали реванша. На этот раз наши силы действовали совместно с КГБ, армией и пограничниками. Наверное, не стоит повторять все те же уловки подводных "диверсантов". Скажу лишь, что охраняемый объект мы и на этот раз отстояли. Хотя и не обошлось без ЧП. Под винтом браконьерского катера погиб боевой пловец Тихоокеанского флота.

Экзамен на зрелость был сдан. Авремя ставило перед нами все новые задачи.

НА ЗАЩИТЕ АТОМА

Еще после учений на Днепротэсе было принято решение обследовать подступы ко всем атомным станциям. Дело в том, что ядерный реактор требует для охлаждения при работе большого количества воды. Если же ее доступ в систему водообмена прекратить, то через некоторое время реактор придется заглушить, иначе... Впрочем, не

стоит пересказывать результат чернобыльской катастрофы. Осмотрены были все АЭС, места хранения атомных отходов — отработанных и поднятых из реактора урановых стержней. Ленинградская АЭС находится на берегу Финского залива. Залив, как и вся Балтика, и в первую, и во вторую мировую войну был наспигован морскими минами. До сих пор кое-где на глубине они покачиваются под толщей воды на проржавевших минрепах. Едва ли не после каждого шторма их срывает с якорей и выбрасывает на поверхность. По тревожному сигналу выходят из Кронштадта тральщики. Разоружать такие подарки из прошлого слишком опасно, и их попросту расстреливают из пулеметов. А теперь представьте, что такая мина падает в водозабор атомной станции. У водозабора тут же установили пассивные средства защиты. Не меньшую опасность представляло место хранения извлеченных тепловыделяющих сборок на базе Атомфлота в Мурманске. Радиоактивные отходы от реакторов атомных ледоколов хранились едва ли не под открытым небом, в двух кабельтовых от фарватера, по которому день и ночь шли иностранные суда. Спустить любому из них боевых пловцов для диверсии не составило бы труда.

Вскоре была разработана система охраны, определены требуемые на это средства. Деньги на морскую охрану нашлись только после аварии на Чернобыльской АЭС. В 1988 году наш морской отряд в Мурманске взял под охрану базу Атомфлота. В состав отряда вошли три дивизиона: водолазов, катеров и сухопутный. Возглавил отряд капитан 1 ранга Николай Ушаков. Через несколько лет удалось прикрыть с моря и Ленинградскую АЭС.

Сегодня морские части внутренних войск представляют со-

бой внушительную силу. Это корабли и катера на Дальнем Востоке, Севере и Балтике, подготовленные водолазы. Есть теперь у нас и своя водолазная школа — учебный дивизион, где готовим для войск водолазов и мотористов. Байкал с его прозрачной, как стеклышко, водой, где видимость свыше сорока метров, — идеальное место для такой школы.

Нужен ли флот внутренних войск стране? Время само ответило на этот вопрос. Конечно, создавая наш морской отряд, мы не думали о столь реальной угрозе террористических актов, как сегодняшняя. Ну что ж, зато мы к ним готовы, силы противодействия есть и свою задачу выполнят. Но все катера, корабли, водолазное снаряжение без людей — лишь груды железа. Давно

уже называл многие фамилии офицеров и мичманов, с удовольствием добавлю к ним Владимира Бышкова, дослужившегося в войсках до капитана 1 ранга, начальника морского отделения ГУКВВ начала девяностых. Валентина Галина, Александра Врубеля, Александра Гайдадина, Виктора Згурского — нынешнего начальника морского отделения Главкомата. На их глазах создавался и рос флот внутренних войск. Они служат на нем и сегодня.

Так получилось, что мне многое пришлось повидать в жизни, но не удалось сегодня рассказать о разминировании наших южных морей в начале пятидесятых, о работе в государственной комиссии после трагической гибели лайнера «Адмирал Нахимов» в конце восьмидесятых. Еще не пришло время рассказать о многих зарубежных командировках.

По прошествии всех этих лет жизнь все больше напоминает мне погружение на бесконечно большую глубину. Ты медленно опускаешься в манящую бездну. И наступает момент, когда со всех сторон одинаковая густая темная синь. В такой ситуации даже опытные водолазы, бывает, отцепляют и бросают часть груза, чтобы определить, где дно, где поверхность. Жизнь была ко мне щедрой и подарила множество встреч с интереснейшими людьми. Сегодня невольно все чаще задумываешься, что же остается после тебя. С годами многие ценности меняются, что-то исчезает вовсе. Сама страна стала во многом другой. Что-то, наоборот, становится главным. Что же? Конечно, семья, дочка и внучка. И все же среди главного будет еще и корабли, и катера, поднявшие впервые в России флаг внутренних войск.

Фото из архива автора и Юрия КИСЛОГО

прошло время, когда нам пришлось в главном штабе ВМФ перебирать тысячи личных дел, подбирая кадры для войск. Я

НА ГОЛОМ ЭНТУЗИАЗМЕ ДАЛЕКО НЕ УЕДЕШЬ...

Обсуждаем статью генерал-майора П.Лысикова

“Другого не дано, или Как изжить неуставщину”*

Скажем как на духу: читали статью “Другого не дано...” с радостным чувством. Ежели о проблеме, которая волнует всех молодых солдат и их родителей, предельно откровенно, не сглаживая острых углов, пишет авторитетный генерал из управления Главкомата, значит, он выражает на страницах журнала принципиальную позицию руководства войск, решившего мобилизовать все средства для искоренения неуставщины. Очень правильное решение. Бедствие приняло такие масштабы, что давно пора звонить в колокола тревоги. Иначе теневой “устав” окончательно подомнет под себя закон, мораль и в казарме воцарятся нравы зоны, с ними уже не просто борьбу — войну придется вести. И во что тогда превратятся войска правопорядка, когда начнем воевать на два фронта — с преступниками и собственными беспредельщиками? Поэтому надо, не теряя времени, каленым железом выжигать скверну. Хотелся верить, что статья генерал-майора П.Лысикова, выступления офицеров, сержантов, солдат, военных ученых, принявших участие в ее обсуждении, помогут Главному командованию, всем нам прополоть сорняки неуставщины. Но успех в этой борьбе зависит не только от командиров и начальников. Любый мало-мальски грамотный боец вам скажет, что казарменное хулиганство — беда не одной только армии. Это проблема государственного масштаба.

Конечно, большая ответственность за поддержание уставного порядка в подразделениях лежит на офицерах. Они обязаны заботиться о том, чтобы коллектив жил дружной семьей, чтобы не было в нем затурканных “салабонов” и жирующих “дедов”, которые как хотят издева-

ются над молодыми, превращают в рабов тех, кто боится дать им отпор. И многие нарушения в казармах связаны именно с бездеятельностью, непрофессионализмом, а то и откровенным “пофигизмом” отдельных командиров и замов по работе с личным составом. Так что автор статьи совершенно прав, требуя на деле повысить роль офицеров всех должностных уровней в поддержании здорового морального климата внутри военных городков, казарм, караульных помещений. Но вряд ли этого можно добиться, рассчитывая только на собственные силы. Мы знаем, что войска едва сводят концы с концами. Не хватает денег на самое необходимое — питание, помывку в бане, оплату коммунальных услуг. Многие офицеры и прапорщики не имеют собственного жилья, зарплату получают с задержками. Да и зарплата — одно название, если учитывать тяжесть офицерского труда, постоянный риск получить бандитскую пулю в кавказской командировке. А тут еще ходили слухи, что военных лишат всех льгот. Ну не обидно ли? Пашут зачастую без выходных, крутятся как белка в колесе, вкалывают за себя и за того парня по причине нехватки кадров, а в перспективе — новые тяготы и лишения. Как после этого бороться с “отрицаловкой”, решать массу других проблем? На голом энтузиазме сегодня далеко не уедешь...

Итак, Главкомат свое слово сказал: “Нет дедовщине!” Теперь очередь за государством. Оно в первую очередь должно быть заинтересовано в том, чтобы армия и внутренние войска жили по уставу и молодые ребята шли служить с охотой. Экономить на защитниках — себе дороже получится.

С другой стороны, все призывы

повысить престиж добросовестной службы останутся пустым звуком до тех пор, пока солдат не проникнется уверенностью: его права и личное достоинство надежно защищены законом. Ведь ни для кого не секрет: по жизни наш рядовой боец — самое бесправное в стране существо, хоть законов, регулирующих военную службу, полным-полно. Складывается впечатление, что за солдата заступаются лишь гражданские журналисты. И то не из сочувствия к пострадавшим от казарменного произвола, а чтобы в очередной раз опорочить армию. Бывают случаи — избил офицер подчиненного, а тот, горемычный, вынужден сочинять байки: дескать, поскользнулся, упал, очнулся — перелом челюсти. Потому как знает: скажет правду — еще хуже будет. Командира “отмажут”, а пацана вконец заклюют как “стукача”. А должно быть так: поднял руку на солдата — получи по всей строгости закона. Но и применительно к рядовым должен строго соблюдаться принцип неотвратимости наказания.

В заключение — просьба к редакции. Мы обсудили статью генерала П.Лысикова в своем солдатском кругу и выражаем общее мнение: одна из причин живучести дурных традиций заключается еще и в том, что подавляющее большинство ребят не знают, как с ними бороться. Вот и плывут по течению, слепо подчиняясь правилам, установленным “стариками”. Если можно, напечатайте советы, как действовать, когда на тебя наезжают “деды”.

**Рядовые Алексей ГУЗЕЕВ,
Никита ПОПОВ**

*Сибирский округ
внутренних войск*

*На боевом посту, 1997, № 10

Советы молодому солдату

НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЕРТ...

- ◆ Кто они, казарменные хулиганы?
- ◆ Дедовщина — прибежище негодяев
- ◆ Тебя пытаются сломать? Не поддавайся!

Чтобы читатели меня правильно поняли, сразу оговорюсь. В глобальном масштабе неуставщина — крайне опасное и страшное по своим последствиям явление. Она похожа на мифическую гидру: отрубишь одну голову — на ее месте тут же вырастает другая. Борьба с чудовищем предстоит долгая и напряженная. Но в частных, индивидуальных проявлениях казарменное хулиганство — не такой уж страшный черт, каким он представляется молодым солдатам. И одолеть его можно, было бы желание. Об этом речь пойдет чуть ниже. А для начала — краткая типология дедовщины: в каких формах она проявляется, какие методы использует для эксплуатации и подавления молодежи.

Во-первых, принуждение к выполнению хозяйственных работ, дополнительных служебных обязанностей — от заправки постели старослужащему до заступления за него “на тумбочку” в ночную смену суточного наряда. Зарвавшийся “дед” может заставить тебя подшить ему подворотничок, постирать обмундирование, почистить оружие, а при совместной уборке террито-

рии встанет в сторонке покурить, пока ты и другие молодые солдаты орудуете метлами и лопатами.

Опасность здесь заключается не только в моральном унижении. Протिवозаконное принуждение постепенно приучает к неизбежности повиновения казарменному хаму, поощряет его своеволие. Ведь подобные случаи происходят на глазах у многих и могут быть истолкованы как признак полного паралича системы военного порядка, порождая у новичков чувство безысходности, угнетенности.

Во-вторых, грабеж среди бела дня: насильственное присвоение личных вещей, денег, предметов военного обмундирования молодых солдат. Чаще всего это происходит при получении посылок, почтовых переводов, посещении магазинов и чайных, возвращении из увольнений, выдаче обновок на вещевом складе. Ракетир в погонах не гнушается даже обыском сослуживца. По сути, это преступление — кража, разбой, если исходить из формального признака события. Совершающий его военнослужащий явно напрашивается в камеру, за решетку.

Выполняя просьбу рядовых А.Гузеева, Н. Попова и других читателей, публикуем заметки военного социолога на тему “Что такое неуставщина и как с ней бороться”

В-третьих, принуждение к совершению различного рода правонарушений путем выдвижения требования: “Найди!”. Это может касаться денег, спиртного, еды, сигарет, одежды. Запуганный солдат, боясь расправы, действительно идет искать и “находит”. Попрошайничая или совершая кражу. Так слабость, момент, когда ты поддался давлению, может привести к преступлению.

В-четвертых, привлечение молодых солдат для прикрытия нарушений правопорядка. Бывает так, что старослужащие где-нибудь в укромном месте распивают спиртные напитки или “воспитывают” сослуживцев, а салага стоит на шухере. В данном случае жертва неуставных отношений становится соучастником хулиганов.

В-пятых, физические оскорбления — наиболее опасный вид неуставщины. Последствия: от синяков и ссадин до тяжких телесных повреждений.

В-шестых, насаждение унизительных ритуалов, создающих вокруг крутых ребят ореол исключительности. Не будем перечислять эти ритуалы, свидетельствующие об интеллектуальном и моральном убожестве “хозяев жизни” в казарме. Отметим лишь, что рано или поздно культивирующиеся псевдотрадиции приводят к трагическому финалу — калечат судьбы и жертв, и виновников беспредела: одни получают моральные и физические травмы, а порой и кончают

ЛИЦОМ К ПРОБЛЕМЕ

жизнь самоубийством, не в силах выдержать унижений и издевательств, другие садятся на скамью подсудимых.

Негодяи, склонные к неуставщине, действуют практически так же, как и уличное хулиганье. Подавляют силой и наглостью, а нарвавшись на крепких и решительных парней, наваливаются стаей, берут числом.

Кто они, казарменные хулиганы? Как правило, это так называемые "деды", "старики", "дембеля". Многие понявший, закаленный тяготами и лишениями службы солдат более приспособлен к существующему порядку (точнее, беспорядку) и чувствует себя в этой обстановке как рыба в воде. Кроме того, он не одинок, так как уже давно в подразделении, всех хорошо знает, имеет друзей среди сверстников. Естественно, у него больше, чем у новобранца, возможностей получить поддержку.

Нельзя сбрасывать со счетов и служебный опыт бывалых воинов. Чувствуя свое профессиональное превосходство над новичками, многие из них начинают претендовать на определенные льготы и послабления. Разумеется, за счет младших сослуживцев. И вместо того, чтобы помочь молодежи, научить всем тонкостям боевой специальности, "качают дембельские права", "прессуют салаг".

Чаще всего рьяными блюстителями, идеологами гнусных традиций казарменной беспредельщины становятся те, кто до армии проникся духом полукриминальной жизни дворов и подворотен, уличных "команд", находился под влиянием отсидевших в зоне преступников, занимался незаконным бизнесом, рэкетом. Горе воинскому коллективу, когда такие подонки берут верх, подавляют здоровое ядро подразделения, насаждая

порядки, царящие в мире уголовников.

Есть еще "каратисты", "качки", "амбалы", добивающиеся привилегий благодаря своей физической силе. Они быстро находят общий язык со всеми нарушителями, группируются и создают свою собственную этику поведения.

Но самое страшное то, что такие наглецы, циники, забывшие о стыде и совести, как магнитом, притягивают к себе нестойких сослуживцев, которые никогда бы не проявили своих отрицательных качеств без этого своеобразного катализатора, объединяющего негодяев.

Как ни странно, подчинение "матерым волкам" дает определенные преимущества — ты как бы в стае, тебя тоже начинают бояться. Но! Жить в волчьей стае — значит подчиняться ее законам. Быть всегда готовым к тому, что тебя, как холуя, "вожаки" в любой момент могут использовать для очередного негодяйства, а потом подставят, когда запахнет жареным, или сожрут с потрохами, если не угодишь крутым.

Недаром говорят: "С волками жить — по-волчьи выть". А в результате и к тебе твои вчерашние товарищи вольно или невольно будут относиться как к волку. И будь уверен: попав под влияние казарменной "отрицаловки", рано или поздно "залетишь", а стало быть, согласишься на незавидную участь "братков", выведенных на чистую воду (ведь тайное всегда становится явным).

Упаси тебя Бог, молодой боец, оказаться в роли добровольного слуги "вожаков" казарменной шпаны. Вся жизнь свою можешь испортить.

Представь себя на уголовном процессе держащим ответ за издевательства, за унижения, а то и за смерть доведенного до отчаяния сослуживца. Представь

заплаканные, полные горечи и стыда глаза родителей, приехавших на свиданку к сыну-зеку в дисциплинарный батальон или в исправительно-трудовую колонию. Не буду рассказывать о порядках, царящих в местах лишения свободы. Ты, очевидно, слышан об этом. Но поверь, действительность еще хуже.

Внимательно приглядишься к окружающим. Среди них наверняка есть отморозки, которые не могут жить нормальной человеческой жизнью, руководствуются извращенными понятиями и ценностями. Испытывают кайф, унижая слабых. Нельзя назвать это явной болезнью, но определенные психические отклонения, патологическую недоразвитость, наконец, садистские наклонности, хищные животные инстинкты можно констатировать наверняка. Таких людей очень трудно перевоспитать. На них можно воздействовать только одной терапией — контролем, а при необходимости самими жесткими мерами наказания. Так что держись от негодяев подальше.

И последнее. По утверждению психологов, ни один старослужащий, допустивший глумления, издеательства и понесший за это наказание, не производит впечатление сильного духом человека. Как правило, это мерзкие типы, слизняки — правда, с ядовитым жалом. До армии многие из них занимали в группах сверстников, в семье, в учебном и трудовом коллективе положение постоянно приниженных, недооцененных, "не-совсем-личностей", которых опекали, контролировали, высмеивали. Сами они, компенсируя свою ущербность, по возможности также стремились унижить кого-нибудь, чтобы самоутвердиться: по-другому-то не получалось. У этих мерзавцев убогие духовные запросы, направленные лишь на потребление и разрушение, а

ЛИЦОМ К ПРОБЛЕМЕ

главное — нет прочного стержня, помогающего человеку по жизни достойно реализовать себя, нет внутреннего предохранителя, нравственной прививки против подлости. Словом, это трусы, ставшие “крутыми водителями” в результате ослабления порядка. Есть немало способов призвать их к ответу.

Как же вести себя, чтобы не стать жертвой произвола в казарме? **Первое** и главное. Не теряй себя, не роняй своего достоинства, не делай ничего такого, за что потом будет стыдно. Попросту говоря — НЕ СТАНОВИСЬ НА КОЛЕНИ!

Способность устоять в критическую минуту, не скиснуть, преодолеть трудности — вот достойное уважения качество настоящего бойца, воина.

Второе. Оказавшись в ситуации, когда тебя пытаются унижить, подмять, а убедившись, что ты не из тех, кого можно взять на испуг, угрожают физической расправой, не подавай вида, что тебе страшно. **СОХРАНИЙ МУЖЕСТВО!** Мысленно скажи себе: “Передо мной — трусы. Мне не справиться с ними потому, что их много, а я один. Наши силы неравны. Но если мои обидчики набросятся на меня с кулаками, они совершат преступление. А с преступниками должен разобраться закон. Закон на моей стороне. В моей власти взять в союзники Уголовный кодекс, поставить в известность командиров — они меня спасут. Справедливость обязательно восторжествует”. Таким образом, ты овладеешь ситуацией. И даже получив синяки и шишки, одержишь психологическую и нравственную победу.

Укрепив свой дух, постарайся найти способ защиты. На рожон не лезь, попробуй вразумить негодяев словами — ясно дай им понять, что побоями сломить те-

бя не удастся. Не поможет это, начнется драка — будь мужиком до конца. Но, сопротивляясь, не превышай мер необходимой обороны.

Третье. Всегда ПОМОГАЙ СОСЛУЖИВЦАМ, НА КОТОРЫХ НАЕЗЖАЕТ КАЗАРМЕННАЯ ШПАНА. БОРОТЬСЯ В ОДИНОЧКУ — ХУЖЕ ВСЕГО. Сегодня ты встал на защиту униженного и оскорбленного, завтра он поддержит тебя. А где двое стоят плечом к плечу за правое дело — там и третий к ним спешит, четвертый, пятый. Глядишь, сколотилась группа, коллектив — голыми руками не возьмешь. Ответит хором — мало не покажется. Теперь вы можете создать глубоко эшелонированную оборону против негодяев — взаимовыручкой, взаимным советом: один за всех, все за одного. Как Д’Артаньян с побратимами-мушкетерами. Как великолепная семерка. Как красноармеец Сухов с верным Саидом и начальником таможни Верещагиным.

Четвертое. В ТРУДНУЮ МИНУТУ ОБРАТИСЬ К СЕРЖАНТУ, ОФИЦЕРУ. Ко всем, кто способен оказать помощь. Запомни — это не “стукачество”, не признак слабости, это — признак силы. Своим обращением к командиру, старшему товарищу ты как бы говоришь: “Я могу сам расправиться с обидчиком, показать ему, где раки зимуют. Но не стану чинить самосуд. Пусть восторжествует закон и подонок понесет заслуженное наказание. Другим неповадно будет”.

Если же нет доверия к тем, кто по долгу службы призван заботиться об уставном порядке, **ИСПОЛЬЗУЙ СВОЕ ПРАВО ИСКАТЬ ЗАЩИТУ В ОРГАНАХ ПО РАБОТЕ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ ПОЛКА (БРИГАДЫ), ДИВИЗИИ, ОКРУГА, В РЕДАКЦИЯХ ОКРУЖНОЙ ГАЗЕТЫ ИЛИ ЖУРНАЛА “НА БОЕ-**

ВОМ ПОСТУ”, В ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЕ.

Пятое. **ИСКЛЮЧИ ДАЖЕ МЫСЛЬ О САМОВОЛЬНОМ ОСТАВЛЕНИИ ЧАСТИ, ПРИМЕНЕНИИ ОРУЖИЯ,** не говоря уже о самоубийстве в знак протеста.

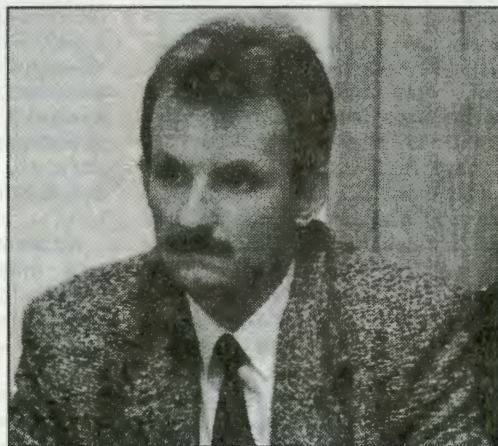
Да, не всегда возмездие наступает так быстро, как хотелось бы. Но торопить события, обрекая себя на лишение свободы, а родных и близких на переживания и муки, — в высшей степени несправедливо.

Шестое. **НИКОГДА НЕ УПОДОБЛЯЙСЯ СВОИМ ОБИДЧИКАМ. ОСТАВАЙСЯ ПОРЯДОЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ ПРИ ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. ПЕРЕИДЯ В РАЗРЯД СТАРОСЛУЖАЩИХ, НЕ РАСТЕРЯЙ ХОРОШИХ КАЧЕСТВ.** Вновь прочувствуй свою ярость, обиду, боль, когда увидишь, что “деды” унижают новобранцев. Вспомни, каково было тебе под прессом неуставщины. Заступайся за младших товарищей, на личном примере учи их следовать традициям войскового братства. За великодушие тебе воздастся сторицей. Добрая и долгая память, которая сохранится о тебе в коллективе после твоего увольнения в запас, — не лучшая ли награда!

А ведь некоторые считают: нужно, мол, перетерпеть унижения, а потом отыграться на молодых. Согласись, по большому счету — это позиция приспособленцев и трусов. Не становись в ряды этого хлипкого племени, не заставляй краснеть за себя родных и близких! Будь настоящим мужчиной!

**Подполковник
Михаил КИБАКИН,
кандидат
социологических наук**

**Заместитель руководителя
аппарата Комитета
Государственной Думы
по обороне
Николай КАРПОВ**

ИСКОРЕНИТЬ ПРЕСТУПНОСТЬ В АРМИИ

В последнее время много говорят и пишут о военной реформе в стране, о проблемах военного строительства. Но при этом как-то остается в стороне вопрос о преступности в Вооруженных силах и других войсках. Авторы и разработчики теории переустройства армии, наверное, полагают, что все правонарушения исчезнут сами по себе, как только начнутся подвижки в реформировании. Отчасти, может, и верно. Однако особенности субъективной стороны войсковых преступлений позволяют уже сегодня принимать кардинальные меры по улучшению ситуации.

За последнюю пятилетку ежегодно военными совершается в среднем более двадцати девяти тысяч правонарушений. При этом количество тяжких преступлений ежегодно увеличивается в полтора раза, и их удельный вес превышает треть всех правонарушений. Статистика о погибших и травмированных за период прохождения военной службы в мирное время заставляет российских матерей под любым предлогом ограждать своих детей от армии.

Если уровень преступности в военной среде и отражает криминальную обстановку в обществе, то изменить ее в лучшую сторону в армейских условиях все-таки легче.

Во-первых, потенциальный преступник поставлен в жесткие рамки устава и распорядка дня, что ограничивает его возможности при подготовке правонарушений. Сам выход за рамки устава в определенных случаях уже является воинским преступлением. Во-вторых, солдат находится в тесном кругу сослуживцев, когда противоправное деяние скрыть очень трудно, и поэтому шансы уклониться от ответственности у него очень низки. Но при этом должно быть соблюдено несколько обязательных условий: командиры делают все для того, чтобы жизнь в подразделениях действительно строилась по уставу и распорядку дня, в армейский строй должны становиться психически и физически здоровые молодые люди, материально-техническое и денежное обеспечение войск должно быть на таком уровне, который позволял бы успешно выполнять поставленные перед ними задачи.

Как же обстоят дела на самом деле?

Методы, которые применяют некоторые офицеры для поддержания дисциплины, можно встретить разве что в криминальных романах и в заграничных боевиках с элементами ужаса. В элитной дивизии внутренних войск в наказание за провинности военнослужащих, как в Средне-

вековье, сажали в яму четырехметровой глубины. В бригаде охраны Минобороны солдата с переломом челюсти, менее тяжкими телесными повреждениями в течение полутора суток прятали в оружейном сейфе.

А в Ленинградском военном округе произошел и вовсе дичайший случай. По приказу начальника солдаты пытались утопить офицера. Только чудом последнему удалось спастись.

Коль в совершении преступлений прямо или косвенно повинны офицеры, становится ясно, почему в ходе проверок Главной военной прокуратурой только в девяти воинских частях выявлено две с половиной сотни сокрытых правонарушений.

Совсем недавно средства массовой информации сообщили об очередном тяжелом происшествии. Проходивший военную службу по контракту сержант Ваганов во время несения службы расстрелял в карауле десятих сослуживцев. Судебно-психиатрической экспертизой он признан шизофреником.

Когда увеличивается приток в армейский строй контрактников, мы в большей степени должны быть готовы к тому, чтобы предупредить призыв непригодных к службе по состоянию физического и психического здоровья. Хотя в течение последних лет и отмечается устойчивая

ЛИЦОМ К ПРОБЛЕМЕ

тенденция к снижению качественного состава молодого пополнения по многим показателям, все же необходимо пересмотреть расписание болезней, утвержденное приказом министра обороны, ужесточить требования к состоянию здоровья. И при этом разработать комплекс мер, исключающих призыв на военную службу наркоманов, токсикоманов и молодых людей, страдающих алкогольной зависимостью. Крайне необходимо создать экспресс-методы диагностики и предоставить командованию возможность проводить внезапные проверки подчиненных.

Военная служба — сложный и напряженный вид деятельности. И не каждому он по силам. Вследствие некачественного медицинского освидетельствования в части и подразделений попадают призывники с различными патологиями. Управлением по работе с личным составом Главкомата внутренних войск МВД России проведена работа по изучению молодого пополнения, поступившего во внутренние войска осенью прошлого года. Выяснилось, что каждый пятый молодой солдат имеет те или иные проблемы со здоровьем. К концу января этого года по различным медицинским показателям уже госпитализировано четыре процента от общего количества прибывшего пополнения. По ним должно быть вынесено заключение военно-врачебной комиссии о возможности прохождения службы по состоянию здоровья. Девять человек по этому основанию уже уволены. Данные психологического тестирования позволяют сделать вывод, что около десяти процентов вновь прибывших молодых солдат по их индивидуально-психологическим особенностям нельзя допускать к несению боевой службы с оружием.

Почти половина призывников употребляли алкоголь регулярно или по праздникам, около пяти процентов — наркотические и другие сильнодействующие вещества. А ведь уже в этом году рядовые Российской армии Бобрецов и Наумов расстреляли в карауле восьмерых своих сослуживцев, находясь, по предварительной информации, в состоянии алкогольного опьянения.

В армейский строй прибывают лица, отбывавшие уголовное наказание в местах лишения свободы. Они и привносят в армию нравы криминального мира, принципы взаимоотношений на основе угодничества, присвоения незаконных льгот и привилегий, попрания человеческого достоинства, прав и свобод человека.

На этом фоне происходит дальнейшее снижение престижа военной службы среди призывной молодежи. Более половины из числа призывного контингента службу в армии считают неблагоприятной повинностью, которую вынуждены выполнять лишь в силу уголовного преследования. Каждый десятый заявил о том, что служить не желает и при удобном случае будет стремиться уклониться от выполнения воинской обязанности.

Действующие сегодня в войсках органы военной прокуратуры наделены лишь функциями надзора за исполнением законов. Функции органов дознания и органов профилактики правонарушений находятся в руках командира-единоначальника, который не всегда склонен выносить сор из избы. А квалифицированные и профессиональные работники ФСБ противостоят, в первую очередь, государственным преступлениям, хищениям оружия и боеприпасов. Наверное, поэтому своевременно не предотвращаются тяжкие преступления против личности, не ставится действительный заслон дедовщине, злоупотреблениям отцов-командиров.

В войсках должна действовать специальная служба, которая будет заниматься оперативно-розыскной работой, профилактикой правонарушений, стоять на страже закона и защищать человека в погонах.

Советом Государственной Думы одобрен и рекомендован к рассмотрению на заседании Государственной Думы федеральный закон о создании военной полиции.

Одной из функций создаваемых органов станет проведение юристами-профессионалами дознания по совершенным преступлениям в Вооруженных силах и войсках других силовых структур. Это связано с тем, что ныне действующие органы дознания комплектуются не профессионалами. На стадии

предварительного следствия ими допускаются ошибки при проведении отдельных следственных действий, не принимаются меры по сохранению следов преступления, неквалифицированно дается правовая оценка тем или иным действиям.

Военная полиция будет поддерживать общественный порядок в военных городках и населенных пунктах в местах дислокации воинских частей, обеспечивать порядок во время заседаний военных судов. На органы военной полиции планируется возложить охрану помещений военных судов и военных прокуратур, конвоирование подсудимых и подследственных в прокуратуру и на судебные заседания.

Инспекторам военной полиции будет предоставлено право оперативно реагировать на нарушения законодательства в сфере обеспечения безопасных условий военной службы, обеспечения военнослужащих положенными нормами довольствия. Военные прокуроры из-за их малочисленности и загруженности иными делами сегодня не в состоянии выполнить эту работу в полном объеме.

Исходя из задач и направлений деятельности нового органа он будет создан при Президенте Российской Федерации как федеральная правоохранительная структура, независимая от других органов исполнительной власти.

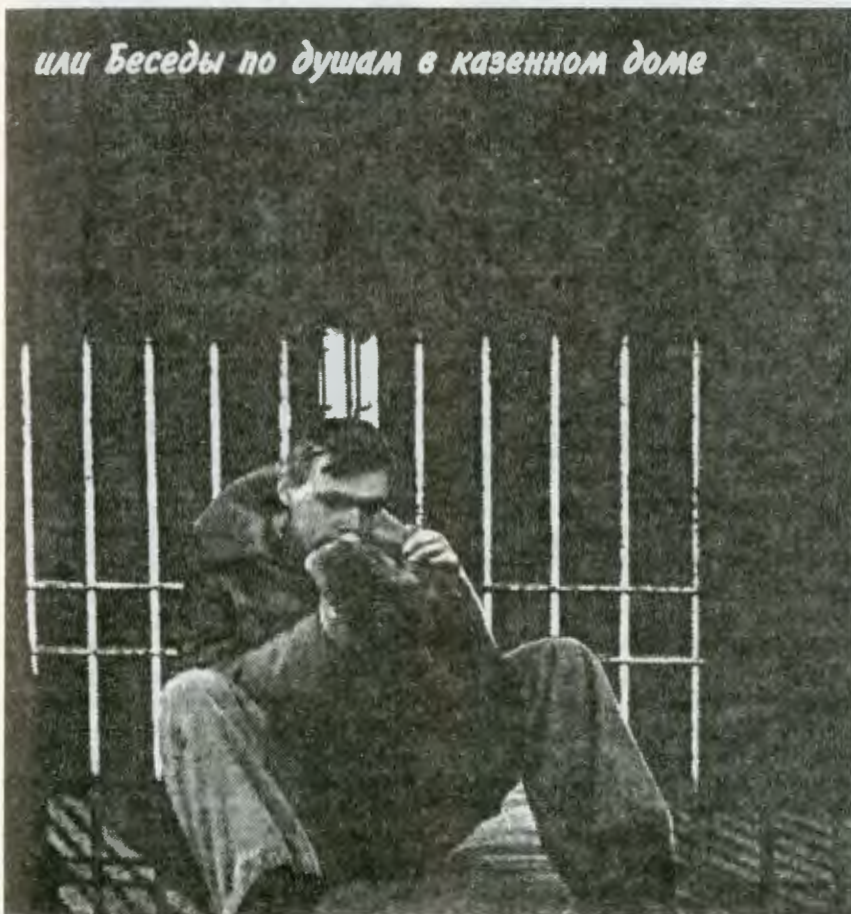
С целью обеспечения самостоятельности и независимости военной полиции проектом федерального закона предусмотрено финансирование ее из федерального бюджета по графе "правоохранительные органы", а не из статьи военных расходов. Указом Президента России будет утверждена форма одежды для сотрудинок, а право присвоения воинских званий будет предоставлено исключительно соответствующим прямым начальникам.

Однако совершенно очевидно, что проблему обеспечения законности и правопорядка в войсках лишь созданием военной полиции не решить. Нужны комплекс мер и усилия всего общества, чтобы Российская армия снова стала "несокрушимой и легендарной".

Преступление и наказание

“ПАЦАНЫ, БУДЬТЕ ЛЮДЬМИ”,

или Беседы по душам в казенном доме

“Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отомститель в наказание делающему злое.

И поэтому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести”.

Послание к римлянам,
гл.13, ст. 4,5

От Хабаровска до Уссурийска всего ночь пути. Утром выйдешь из поезда, вдохнешь чистейшего таежного воздуха, и кажется — мир прекрасен и люди здесь наисчастливейшие. Оно-то в принципе так. Только есть в этом городе помимо счастливых горожан и глубоко несчастные люди — воспитанники дисциплинарной части, по-простому, дисбата.

Если бы не колючая проволока, высоченный забор, сторожевые вышки и решетки на окнах, ни за что не отличить эту часть от других. Но, увы, все, кто здесь находятся, — это осужденные военным судом.

Впрочем, обитатели этой части давно уже смирились со все-

ми тяготами службы. Для того, чтоб осознать свою неправоту, здесь нужно совсем немного времени. То, что обычный солдат не может усвоить месяцами, дисциплинарный воспитанник усваивает в считанные часы. Может, поэтому и не теряет своей актуальности знаменитая армейская поговорка — “Не доходит через голову, дойдет через ноги!” Строевая подготовка, в отличие от многих обычных частей, в дисциплинарной проходит не абы как, а на высочайшем уровне. Движения строем и вне строя отрабатываются до автоматизма. Времени для этого предостаточно. То же — с изучением общевоинских уставов.

Ведь устав, как известно, — для воина закон, а законы надо знать и соблюдать. Представьте себе роту из двухсот человек, сидящих на табуретах в казарме, в проходе между кроватями. Сержант читает вслух устав, остальные хором повторяют. Месяца-двух хватает, чтобы вы зубрить наизусть положения уставов. А ведь проводят в этой казарме годы...

Расскажу о режиме содержания и лицах, которые могут быть осуждены к содержанию в дисциплинарной части. Здесь есть некоторые изменения в сравнении с прошлыми годами.

Во-первых, меньше стал срок лишения свободы. Но зато расширился круг лиц, которые могут быть подвергнуты этому виду наказания. Расширился этот круг за счет контрактников.

Во-вторых, сняты ограничения на применение этого вида наказания к лицам, ранее отбывавшим сроки лишения свободы. Словом, ростки демократии пробиваются и в дисбатах. Правда, как признался заместитель командира дисциплинарной части по воспитательной работе подполковник Евгений Евтушенко, пробиваются они с трудом.

Подобных частей в России не-

сколько. Подбор офицеров для прохождения здесь службы проводится тщательно, с учетом уникальной специфики. Одна из особенностей, например, заключается в том, что даже в местах лишения свободы, каковым считается и эта часть, некоторые бывшие солдаты не считают нужным успокоиться. Нарушения здесь не редкость, и поэтому в самой части имеется своя гауптвахта. Проще сказать, тюрьма в тюрьме.

Именно там встретили мы рядового Сергея Владимиров. За нарушение режима он почти месяц “отдыхал” на гауптвахте.

Нарушение его заключалось в том, что закурил в непопозволенном месте. Теперь он бросил курить совсем. Кстати, историю Владимиров мы расскажем чуть позже, а пока поведаем, чем живут нынешние осужденные — вчерашние солдаты, за что попадают за решетку. Распорядок дня вроде бы как в обычном воинском подразделении. Больше времени, чем в обычной части, уделяется здесь, как уже было сказано, изучению уставов, строевой и физической подготовке. Полезно.

Прежде, во времена “застоя”, воспитанники дисциплинарных частей привлекались на строительство объектов народного хозяйства. Поговаривали, что начальству таких объектов все одно, что стройбат, что дисбат — рабсила. Нынче не существует термина “объекты народного хозяйства”, поскольку и хозяйство не народное. Все время — занятиям.

А вот попадают в дисциплинарную часть за разные преступления. Самые распространенные — нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, самовольное оставление части или места службы, дезертирство, нарушение правил несения боевого дежурства. Встречаются и такие

статьи, как хищение боеприпасов, взрывчатых веществ, незаконное приобретение (передача, сбыт, хранение, перевозка и ношение) оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, нарушение правил обращения с оружием, нарушение правил вождения транспортных средств и многое другое.

Но была обещана история Сергея Владимиров...

ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ, НО...

В дисциплинарной части он почти год, Сергей Владимиров, бывший стрелок, рядовой. Он уже не ходит кругами и не утешает себя, и не зажимает уши — все равно от внутреннего голоса никуда не деться. Днем, в суеде постоянных занятий, внутренний голос не слышен — его заглушают команды, которые надо выполнять, строки солдатского закона-устава, которые надо затвердить. А вот вечером... “Спасите наши души! Мы бредим от удушья. Спасите наши души! Спешите к нам!” На гражданке он очень любил Высоцкого. Как давно это было! И было ли? И что это было — предсказание или предупреждение? Ему ночами снятся “кони привередливые, вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю...” Как заманчиво было превратить свою жизнь в лихую скачку: не думая ни о чем, пить-гулять, балансировать на краю, чтоб дух захватывало. Не боялся ничего — а чего бояться-то, чего терять-то...

— В тот вечер мы немного выпили, и мне стало грустно. Вспомнил нашу компанию, девчат. Подумал: почему именно я должен служить, когда кто-то гуляет и веселится? А потом кто-то принес еще водки. Опять пили. Я сидел, курил, и вдруг меня осенило: а что, если отку-

ЛИЦОМ К ПРОБЛЕМЕ

питься от армии? Решил попробовать. Но для этого нужны были деньги, большие деньги. Где взять много и сразу? Я решил угнать машину, продать ее, а деньги предложить командиру части в обмен на свободу...

— И ты был уверен, что командир возьмет эти деньги и “отмажет” тебя от службы?

— На все это от процентов. — Владимирова ответил легко и просто. — Они все берут. Деньги — это все. Это власть, богатство, сила, свобода. Будь у тебя семь пядей во лбу, но если нет денег, ты ничтожество...

Он выдал все это на полном серьезе. А я успел заметить, как загорелись у него глаза при разговоре о деньгах.

— Воровал и буду воровать. Я хочу иметь много денег, хочу жить красиво, а не влачить жалкое существование. Почему воровать? Потому что, к сожалению, мы живем в стране, где честно заработать нельзя. Не дадут. Да если признаться, я и не хочу работать!

Есть расхожее мнение — из тех, мол, кто много грешил в юности, в конце концов получают истинные праведники, порядочные люди. Перебродят, мол, поначалу, как молодое вино, и к приключениям больше не стремятся. Увы, есть вещи, которые дурят головы похлеще молодого вина...

Офицеры дисциплинарной воинской части, с которыми мне довелось беседовать, утверждают, что большинство их подопечных, когда по окончании срока возвращаются в войска, берутся за старое. Даже дисбатовский урок не пошел впрок? После недавней легкой жизни они очень болезненно привыкают к жизни солдатской. Поэтому в подразделениях стараются избавиться от них любой ценой: кого увольняют в запас, кого переводят с места на место. Таких, напрашивается вы-

вод, ни армия, ни дисбат (читай — тюрьма) не исправят. Причины загнивания надо искать за долго до призыва... И на армию неча пенять, коли...

ВОРУЙ ШИНЕЛЬ, ПОШЛИ ДОМОЙ...

Примерно так поступают некоторые солдаты, как только сталкиваются с первыми трудностями на службе. Привыкшие жить на всем готовом, бросают все и вся и уходят, не оглядываясь и не задумываясь о последствиях. Один из таких — бывший рядовой Восточного округа внутренних войск МВД России Алексей Куличкин.

— Меня призвали из Амурской области. До армии ничем не занимался. С бизнесом не получилось. Родители работать не заставляли, а я не очень-то и хотел. Деньги мне давали постоянно. Зачем? А так, на мелкие расходы. Потом призвали на службу. Мне коллектив сразу не понравился: все чужие, какие-то затюканные. А тут еще и “деды” стали наезжать. Все это так надоело, что решил уехать домой. Главное — добраться до дому, а там как Бог даст. Но в одиночку ехать не хотелось, стал подыскивать попутчика. И нашел. Он сейчас здесь же, в нашем дисбате, в соседней роте — Андрей Черепков.

Так вот, с ним мы посоветовались, накопили немного денег, запаслись консервами. На дачах, что недалеко от части, нашли гражданскую одежду. Ночью вышли в туалет, переоделись и пустились в путь. Пришли на вокзал, а тут оказалось, что денег даже на дорогу не хватает. Решили доехать до соседнего города, подзаработать. А там, сами понимаете, мы никому не нужны. На станции грузчиками нас не взяли. Консервы скоро кончились, а есть-то хочется.

Решили обчистить домик в частном секторе. В первый раз нам это удалось. Украли кое-какие вещи, переоделись, в холодильнике нашли масло, колбасу, тушенку. Еще три дня на этом протянули. В следующий раз зашли в частный дом, взяли деньги и “золотые” вещи, которые на поверку оказались дешевыми побрякушками. Их мы обменяли у мужика на бутылку водки. В третий раз (и последний) решили взломать квартиру в многоэтажке. Но так как опыта в этом деле у нас было маловато, нарвались на квартиру с сигнализацией. Нас взяли еще тепленькими, успели только дверь взломать. Теперь, как видите, вместе с напарником находимся “на заслуженном отдыхе”. Если честно признаться, мы даже рады, что попали сюда, а не в тюрьму. Неизвестно, чем могло бы закончиться наше путешествие. Согласитесь, на пьяную голову могли и пострашнее чего-нибудь натворить. Нас вовремя остановили...

Эта история подтверждает то, что зачастую одно преступление порождает другое. Об этом стоит подумать тем, кто начал службу с оглядкой на родной дом.

В другой части округа финал подобной истории был и вовсе печальным. Два солдата, убежав, спрятались на даче. Из съестного нашли там только сухари. Наголодавшиеся беглецы их съели и... Один умер, а второй на всю жизнь остался инвалидом. Сухари были оставлены для мышей и обработаны окисью мышьяка. Глупая смерть, достойная разве что последнего труса...

* * *

— Мне оставалось служить совсем немного, — рассказывает осужденный Иван Коновалов, — каких-то два месяца. Решил готовиться к увольнению в запас, купить подарки родителям, со-

брать денег на дорогу. На солдатское жалование, сами понимаете, не разбежишься. Стал прикидывать, что бы такое продать. У нас все так делают: кто в автопарке работает — продают бензин или запчасти, кто на складах — то, что там хранится. А тут случай подвернулся. Работали мы на вещевом складе. Прапорщик куда-то отлучился. Пользуясь моментом, я вынес восемь полушубков и спрятал. В тот же вечер продал их каким-то гражданским. А вскоре начались разборки, и меня вывели на чистую воду. Отпираться я не стал, да и смысла не было. Шубы выкупить назад не смог, так как понятия не имел, куда они ушли. Решил признаться во всем, ибо поговорку вспомнил: "Раньше сядешь — раньше выйдешь". Родителям написал, что остался по контракту. Суд учел мое чистосердечное признание и определил мне срок сравнительно небольшой — год. Но теперь я знаю точно: никогда, ни за какие коврижки воровать не буду. Это мне урок на всю оставшуюся жизнь. Горький урок, конечно, но с пользой.

Вы ведь про меня писать будете. Пользуясь случаем, хочу обратиться ко всем солдатам, к бывшим сослуживцам: пацаны, будьте людьми, не сходите с ума. Отслужите честно свои два года и уезжайте с чистой совестью к родителям, к тем, кто вас ждет. Помните — в дисциплинарной части ничего хорошего нет и быть не может. Как не может быть ничего лучше родного дома.

Сколько веревочке ни виться, все равно конец отыщется, гласит народная мудрость. Приведенная история — тому подтверждение. А уж если вина доказана — пробил час расплаты. И восемнадцати-двадцатилетние солдаты — не детишки неразумные. Они-то обязаны да-

вать отчет в своих поступках. Перед обществом, сослуживцами, родителями. Перед совестью...

БЕЙ СВОИХ, ЧТОБ ЧУЖИЕ БОЯЛИСЬ?!

Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими отнюдь не новость и даже не дикость. Это становится почти нормой жизни. Правда, в некоторых коллективах, далеко не во всех. Но болезнь заразная. Казарменные хулиганы, избивающие, унижающие своих сослуживцев, никак не переведутся, несмотря на усилия командиров всех степеней. Призываем бороться с этим злом всем миром, а победить никак не можем. Где-то командиры проявляют неуместное милосердие к преступившим закон и человеческую мораль. Отчего это происходит? Порою к ним приходят родители провинившихся, падают в ноги, умоляя о снисхождении к своим чадам. Но как простить солдата, поднявшего руку на сослуживца?

Бывший младший командир Николай Соловчук казарменным хулиганом стал не сразу, а спустя год. Бог здоровьем не обидел, да и разумом, казалось, тоже. Стал младший сержант командиром отделения, уже готовили его в замкомвзвода. Но авторитет свой решил Николай подкрепить поддержкой "дембелей" и... Но дадим слово самому бывшему командиру.

— Испортила меня власть, понимаете. Очень трудно держать себя в руках, когда ты имеешь хоть какую-то власть над людьми. Это я сейчас понимаю, а тогда как-то не задумывался. А ведь выходит, что терроризировал своих подчиненных.

Он замолчал, видно, очень не хотелось ворошить недавнее не-

приглядное прошлое. Вздыхнул...

— Деньги отбирал, посылки, заставлял то и дело отжиматься от пола, стирать чужие вещи... Бил... Бил без разбору, без повода, при поддержке "дембелей". А потом пришлось, глядя в глаза своим сослуживцам, ответить: "За что?" Думаете, ответил?! Нет. Ответа нет и до сих пор. И, поверьте, впервые стало стыдно именно тогда, когда предстал перед сослуживцами. Был готов провалиться сквозь землю. Вот недавно получил письмо от родителей. Они обо всем узнали, спрашивают, как такое со мной могло случиться. Мать задает вопрос: "Разве мы учили тебя быть сатрапом?" Ответить не могу. Жалею, что не в сказке живем и нельзя время вспять повернуть. Если б такое было возможным — вел бы себя совсем по-другому, и других бы предостерег. Ну а теперь нужно отбыть наказание. По заслугам...

Увы, умнеют многие парни задним числом. Почему обязательно должен грянуть гром, чтоб мужик (а солдаты-то и должны становиться уже правильными мужиками) перекрестился? Что лучше: несмотря на трудности честно **ОТСЛУЖИТЬ** положенный солдату срок или **ОТБЫТЬ** срок наказания в дисциплинарной части?

Ответ очевиден и не нужен в данном случае модный нынче предвыборный призыв — "Сделаю свой выбор!"

**Майор
Анатолий ЛАРСКИЙ**

*Восточный округ
внутренних войск*

Николай КАЗАКОВ

ТРИ НЕДЕЛИ ДО ОТПУСКА

Повесть

ОН

Прошло уже более часа, а он никак не мог решиться. Все было продумано до мелочей, выверено до минут, фраз, слов, мимики и жестов. Не раз наедине с собой он обыгрывал ситуацию. Срыва не должно было произойти. Не должно.

И все же его что-то останавливало.

То ему начинало казаться, что их может просто не быть дома. Потом он неожиданно ловил себя на мысли, что так ему не кажется, а хочется. Ему вдруг именно захотелось, чтобы их никого не оказалось дома. Чтобы это можно было отложить. Отложить... Отложить на неопределенный срок. Хотя смешно. Отложить на неопределенный срок, а этот срок определять будет он сам. А будет ли? Да, черт возьми, будет! Хотя зачем что-то определять, если можно сделать все сегодня? Сейчас. Сию минуту.

Как долго он ждал этого дня, этого часа, этой минуты! Как долго он к этому шел...

Поначалу, когда сама идея пришла ему в голову, он испугался. Первой мыслью было — «А не сошел ли я с ума?» Только большое воображение могло нарисовать план такой жестокой мести. Пусть эти люди всю жизнь делали тебе плохо, отравляли твое существование, но это же не говорит о том, что с ними нужно так жестоко расправляться.

И все же несколько месяцев назад, все как следует взвесив, он принял окончательное решение отомстить именно так и начал обдумывать детали...

Он нервно полез в карман куртки и достал пачку сигарет. Стоп, хватит курить. За этот час и так выкурил больше десятка. Хватит! Нет, еще одну. Все, еще одну — и за дело.

Он прикурил, сделал несколько затяжек — в пересохшем горле появился неприятный горький привкус — и выбросил сигарету в узкую щель приоткрытого окна.

Нет, все, пора. Хватит тянуть.

А вдруг сын уже дома? Вдруг его уже забрали из садика? Нет, не может быть.

Во-первых, его забирают не раньше шести. Раньше он никому дома не нужен. Хотя и позже тоже. А сейчас только... Он посмотрел на часы. Да сейчас не только, а уже! Уже начало пятого. Ничего себе время летит!..

А во-вторых, он же вчера позвонил теще, что сам его заберет и немного с ним погуляет...

А если дома кто-то из посторонних? Соседка зашла или родственники приехали? Они-то тут при чем? Они же ни в чем не виноваты...

Вот тогда все придется отложить! — с неожиданным облегчением подумал он. Причем явно на неопределенный срок, потому что подобным образом в квартиру больше не попасть. И так, если придется засветиться с телеграммой и перед хозяевами, и перед этими чертовыми соседями или родственниками, могут возникнуть кое-какие хлопоты. Хотя все продумано очень четко: завтра день рождения тещи — сегодня поздравительная телеграмма от дальних родственников из Сибири, которые, правда, никогда в жизни ее не поздравляли и поздравлять больше не будут. Вот удивится-то она напоследок со своей дочечкой...

Нет, к черту, никаких проволочек!

Он злорадно ухмыльнулся и опять полез за сигаретами.

А если к ним зашли соседи, я отдаю телеграмму, естественно, ничего не делаю, а потом выясняется, что никакие родственники из Сибири никаких телеграмм не давали. Возникнут подозрения, начнутся выяснения, а они точно начнутся — он-то свою тещу с женой изучил очень хорошо — откуда телеграмма, что за почтальон ее приносил? Узнают, что такого почтальона в их отделении связи нет. Хотя что там в их отделении — такого почтальона вообще нет. В природе!..

Он поймал себя на том, что одну за одной сломал несколько сигарет, перетер их пальцами, и табак ссыпался на колени. Чертыхнувшись, несколькими движениями нервно стряхнул мусор на резиновый коврик.

Много, очень много размышлений. Просто тяну

Капитан Николай КАЗАКОВ родился в 1964 году в подмосковном городе Серпухове, где сегодня живет и служит. Он — старший инженер военного училища ракетных войск, а кроме того, человек, увлеченный литературным творчеством: пишет стихи и прозу, редактирует юмористические альманахи и сочиняет афоризмы. Кстати, именно с «мыслями быстрого реагирования» он и дебютировал недавно в нашем журнале. Сегодня мы начинаем публиковать его повесть, главными героями которой являются курсанты военного училища.

резину. Хотя все уже давно решено, и никакие соседи или родственники тут не помеха. И с ними ничего не случится. Если только по глупости или по случайности они вслед за хозяевами не выскочат в коридор. А если выскочат — то уж тут страдают только из-за своего чрезмерного любопытства. Здесь я уже бессилен им помочь. Все же предусмотрено! Именно для защиты от посторонних и пришлось придумывать этот звуковой сигнал. На него должны среагировать только хозяева. Только мама с дочкой. Эти проклятые теща с женой. Бывшая теща. С бывшей женой. Бывшие. Хотя официально никакого развода не было. И не будет! Нечего баловать! Никакого развода и никакого дележа имущества! Обидно было бы делить то, что заработано исключительно твоей головой и руками.

Один с сошкой, семеро с ложкой. Довольно!

Бог ты мой, как я их ненавижу!...

Он скомкал пачку сигарет и швырнул себе под ноги.

Хорошо, что в машине тонированные стекла, а то прохожие подумали бы еще невесть что. Тем более в этом районе меня и мою машину прекрасно знают.

Хотя о чем это я? Кто меня сейчас узнает после того, как два с лишним часа я себя гримировал под почтенного почтальона сорока с лишним лет. А еще лучше было бы загримироваться под женщину. Жаль, что эта занятая мысль пришла только сейчас — и подозрений меньше, да и вообще интересней. А голос без разницы какой имитировать — что мужской, что женский, благо опыт богатый.

И машину эту здесь не знают. И нигде ее еще не знают. Никому не известно, что это моя машина. Она только три дня, как приехала из Голландии. Это мой себе подарок на день рождения бывшей тещи...

Все! Пошел!

Он взял сумку, вышел из машины, аккуратно закрыл дверцу, надел очки с сильным увеличением — лицо приобрело полудиотское выражение — и дворами, не спеша пошел к нужному дому. Попадающиеся навстречу люди не обращали на него никакого внимания — он ничем не выделялся из общей массы. То, к чему он стремился всю свою сознательную жизнь — не стать таким, как все, не стать человеком толпы, — сейчас было как раз ему на руку.

Стараясь ни на чем не оставлять отпечатков пальцев, он осторожно ногой открыл дверь подъезда, зашел и, убедившись, что рядом никого нет, только около лифта натянул на правую руку тонкую

черную кожаную перчатку и на всякий случай сунул ее в карман. На дворе лето, слишком подозрительно ходить в перчатках, а на протез — тьфу, тьфу, тьфу, не дай Бог — рука вроде не похожа.

Лифт оказался занятым. Идти пешком было бы, конечно, безопасней, меньше шансов столкнуться с кем-то знакомым, тем более лестница отделена от квартир и лифта балконными пролетами и там мало кто ходит. Но, во-первых, четырнадцатый этаж — пешком подниматься просто лень, а во-вторых, маскирующий грим. Даже интересно сейчас встретить кого-нибудь из соседей, посмотреть, узнают ли. Худо-бедно, а несколько лет он прожил в этом доме.

Через считанные секунды лифт подъехал, из него вышла какая-то незнакомая молодая женщина и, даже не взглянув на него, пошла к выходу.

Хорошо, хорошо, никто и не смотрит на меня. Обыкновенный, серенький человечек, каких миллионы. Вот что значит почти профессионально наложить грим и войти в образ. Почти профессионально. Почти... стать профессионалом не дали. Вообще ничего в жизни пока не дали.

Ладно, ладно, не надо заводить. Не дали — значит, не дали. Никто никому ничего не должен. Это же твоя любимая формула. Не надо ждать, что чего-то тебе дадут. Не надо ждать милости от природы. А от людей — тем более. Хочешь — протяни руку и возьми. Или отними. Но это уже из другой оперы...

Лифт плавно остановился, и он вышел на площадку тринадцатого этажа. Это уже входило в его план — один этаж пройти пешком, чтобы исключить встречу на площадке их этажа. Не хватало еще, чтобы все сорвалось из-за того, что кто-то из них в этот момент выйдет из квартиры, и тогда телеграмму придется отдавать в подъезде.

Боже мой, какие мелочи приходится учитывать!..

Все, максимальная собранность: никаких эмоций, никаких чувств, никаких переживаний, никаких волнений. Ничего. За дело.

Он повесил сумку на плечо и рукой в перчатке уверенно нажал на кнопку звонка.

МЫ

— Николаев, совесть-то имей! Я здесь распинаюсь для вас, между прочим, а не для себя. Я это все знаю уже давным-давно. — Палыч, наш курсовой офицер, остановился около меня и похлопал по плечу.

— Так давно, что все уже забыл, — негромко отозвался Дворецкий из другого конца аудитории.

— Дворецкий, когда ты перестанешь быть затычкой в каждой бочке?! — Палыч через плечо с укоризной посмотрел на Дворецкого. — Не надоело три года в клоунах ходить?

— Виноват, товарищ капитан. — Дворецкий резко встал, опрокинув массивный стул, демонстративно потупился и тихо, но чтобы все услышали, добавил: — Никак не думал, что вы бочка.

Палыч еще раз, уже сильнее хлопнул меня по плечу и повернулся к Дворецкому.

— Эх, Дворецкий, врубить бы тебе на полную катушку суток пять, да жалко. Парень-то ты вроде неплохой. А вот язык у тебя — поганый.

— Так не в каждом же человеке все должно быть прекрасно, товарищ капитан. В каком-то и что-нибудь поганое должно быть. Вот у меня в школе был приятель...

— Дворецкий, замолчи и сядь. Не буди во мне зверя!

Но Дворецкий уже вошел в раж. Это был его излюбленный прием. Когда ему надоедали какие-то занятия, а это происходило достаточно часто, он вступал с преподавателем в дискуссию и настолько его в нее затягивал, что потом уже преподаватель и не знал, как от него отделаться. Правда, многие офицеры его давно раскусили и дебаты обрывали в самом начале, не давая им набрать обороты.

— Товарищ капитан, буквально два слова...

— Дворецкий!

— Товарищ капитан, во-первых, сесть я всегда успею, а во-вторых, если я и разбужу в вас зверя, то максимум, что он сделает, — так это убежит от нас.

— Дворецкий, еще одно слово — и ты у меня сейчас вместо караула пойдешь на гауптвахту. Это я тебе обещаю. Понял?

— Да куда уж не понять! Никакой свободы слова, никакой свободы мысли. — Дворецкий перехватил взгляд Палыча. — Все, товарищ капитан, молчу. Честное слово, молчу. Что-то я, на самом деле, разговорился сегодня...

Палыч повернулся ко мне.

— Николаев, а ты прекращай спать. Ткачук, чем это у тебя Николаев по ночам занимается, я не понял? Ты можешь как его командир отделения сказать?

Я встал и, не давая ответить Ткачуку, попросил:

— Разрешите выйти умыться? Что-то на самом деле сморил.

Когда через пару минут я вернулся, Палыч начал вопрос по статьям устава, касающимся примене-

ния оружия в карауле. Заканчивался третий год нашего обучения в училище — три недели до отпуска. Казалось бы, мы все уже давно знаем и умеем, не раз и не два ходили и во внутренний, и в гарнизонный караулы, но все равно перед каждым заступлением в караул проводились такие занятия, инструктажи и тренировки, словно мы первокурсники и заступаем первый раз. Хотя, в общем-то, понятно — «несение караульной службы является выполнением боевой задачи».

— Еще раз напоминаю, товарищи курсанты. Вам доверяется оружие. С ним шутки плохи. Только строгое выполнение требований устава позволит вам не допустить ЧП. Я уже неоднократно доводил вам приказы и министра, и главнокомандующего, и начальника училища о строгом соблюдении правил обращения с личным оружием. Если хотите, могу довести еще раз.

— Нет, спасибо, не надо, — быстро вставил Дворецкий.

— А до вас, товарищ Дворецкий, я доведу персонально. В канцелярии. В личное время. Понятно?

— Так точно, товарищ капитан. — Дворецкий охотно поднялся. — Только у меня вопрос. В личное для меня или для вас время?

Палыч не ответил. Полтора часовое занятие подходило к концу.

ОН

— Иду, иду.— Голос тещи приглушенно прозвучал из-за массивной металлической двери, обтянутой темно-коричневым дерматином. — Секундочку.

Он внутренне напрягся. Сейчас она пересечет небольшой коридорчик, который они с соседями сделали для себя, поставив дополнительную дверь, и наступит решающий момент. Узнает или нет?

Конечно же, нет, быстро успокоил он себя. Никакого сходства между ним прежним и тем, кто стоит сейчас загримированным, в очках и в дешевом одеянии рядового работяги. Если только голос. Да и то не должна. Он слишком хорошо умеет копировать чужие голоса. Два года театральной студии не прошли даром. Даже если голос и покажется ей знакомым, то вряд ли у нее возникнут хоть какие-то ассоциации. Не с чего им возникать.

Залязгали запоры, звякнула цепочка, но потом, словно опомнившись, она посмотрела в глазок и испуганно спросила:

ТРИ НЕДЕЛИ ДО ОТПУСКА

— Вам кого?

Заикаясь, нараспев и несколько глуховато — это и был его новый голос — он негромко ответил:

— Та-те-э-леграмма.

Несколько секунд она осмысливала, что он сказал, и неуверенно переспросила:

— Телеграмма?

Он подошел поближе к двери и заговорил громче:

— Та-да! Та-поздравительная, — выдохнул он. — Та-те-э-леграмма та-поздравительная.

— Секундочку-секундочку, открываю.

Он четко представлял себе, как она суетится по ту сторону двери, ковыряясь с многочисленными замками и задвижками. Даже днем она запирала обе двери на все запоры — маниакально боялась, что ограбят.

В последний момент до него дошло, что на правой руке у него по-прежнему черная перчатка. Он резко ее сдернул и сунул в карман брезентовой куртки.

Спокойней, спокойней, все нормально!..

Наконец она победила последний замок и немного приоткрыла дверь.

— Поздравительная?

Он полез в сумку, вытащил затертую тетрадь в дерматиновой обложке, между страниц которой положил на всякий случай еще несколько заготовленных телеграмм.

— Да вы проходите, проходите. — Она открыла дверь и отступила в глубь коридора. По ее жесту он понял: для себя она уже решила, что опасности он не представляет. Это хорошо.

Одного взгляда ему хватило, чтобы успокоить себя: в коридоре ничего не изменилось. Как и прежде, коридор был завален коробками из-под аппаратуры (его аппаратуры!), бытовой техники (его техники!), какими-то ящиками, старыми дверьми, досками, оконными рамами и прочим бардаком. После смерти тестя (два года назад), который тащил на себе воз примерного семьянина и образцового хозяина, жизнь в этом доме остановилась. Теща, привыкнув жить за ним как за каменной стеной, ничего делать не умела да и не хотела. Дочка уверенно шла по маминым стопам.

Он переступил через порог.

— Та-мне та-не-не-когда. Та-распиши-та-тесь та-вот здесь.

И открыл тетрадь на той странице, где записал несколько случайных адресов, в том числе и их, и положил телеграмму. Ее она должна взять сама. Никаких его отпечатков. Телеграмму он готовил в резиновых перчатках, а потом на всякий случай еще и тщательно вытер со всех сторон. Он не

знал, остаются ли отпечатки пальцев на бумаге. А береженого Бог бережет.

Пока все шло по плану. Теща открыла дверь без очков. Он знал ее достаточно хорошо, знал ее болезненную подозрительность и был полностью уверен, что, не прочитав написанного в тетради, она расписываться не будет. Хотя любой нормальный человек поставил бы подпись не глядя. Что может быть записано у почтальона — только адрес и фамилия.

Здесь он бил наверняка — сейчас она пойдет за очками и тогда...

— Мама, кто там? — неожиданно раздался голос из комнаты.

— Оксаночка, это почтальон. Принеси, пожалуйста, мои очки. Они в вазе на журнальном столике.

МЫ

— Итак, напоминаю еще раз, — заложив руки за спину, Палыч прохаживался вдоль столов. Разомлевшие курсанты слушали его безо всякого интереса. — И не дай Бог, кто-то не сможет правильно доложить на разводе дежурному по училищу. Первое — оружие применяется часовым без предупреждения в случае явного нападения на него или на охраняемый объект. Второе — оружие применяется с предупреждением и с предупредительным выстрелом в случае... — Он подошел к окну, отодвинул занавеску и рассеянно посмотрел на улицу. Деревья оцепенели от жары — полное безветрие при тридцати градусах в тени. Над размякшим асфальтом плаца поднималось зыбкое море. — Так, на чем я остановился? — Палыч повернулся к аудитории и, пытаясь сосредоточиться, принял суровый вид.

— Вы остановились на втором, товарищ капитан. Осталось третье и десерт, — сразу же отозвался Дворецкий. Он не упускал случая продемонстрировать свое остроумие.

Палыч утомленно скривился.

— Дворецкий, если вы сейчас не отвечаете на мой вопрос, то, клянусь вам, как и обещал, вместо караула вы отправляетесь на гауптвахту. Понятно? Вы мне уже окончательно надоели.

— Если б вы знали, товарищ капитан, как я сам себе надоел! Никакого сладу.

— Вопрос, товарищ Дворецкий. И прошу докладывать строго по уставу. Когда применяется оружие часовым с предупреждением и предупредительным выстрелом?

— Так это даже не вопрос, товарищ капитан! Докладываю. Статья номер сто девяносто один Устава гарнизонной и караульной службы. В ней, в частности, говорится, товарищи...

Последнюю фразу Дворецкий произнес с интонацией известного политического деятеля.

— Вы не в частности, Дворецкий, докладывайте, а полностью и слово в слово. Вы же знаете, что статья сто девяносто один принадлежит перечню статей, которые курсанты третьего курса должны знать наизусть. И это не я придумал. Это требование начальника училища. Вам это прекрасно известно, так что будьте любезны выполнять.

При внешнем разгильдяйстве Дворецкий был одним из немногих в нашем взводе и даже на курсе, кто обладал какой-то феноменальной памятью на статьи устава. Он неоднократно хвалился, что ему достаточно пару раз прочитать статью, как она сама, иногда даже вопреки его желанию, откладывается в памяти. Но что было еще более странным — когда он учился в школе, то по литературе постоянно получал двойки за то, что не мог выучить ни одного стихотворения. Это он объяснял тем, что стихи для него — какая-то полная абстракция, не поддающаяся логическому осмыслению, и поэтому сложная для запоминания, а в уставе все понятно, просто и четко. Иногда мы на спор с ребятами других курсов просили его выучить какую-нибудь статью, которую не требуется не то что знать, но она даже и не входит в программу обучения в училище. И ни разу он не проиграл.

Но что было не менее странным — Дворецкий очень редко демонстрировал свое энциклопедическое знание устава офицерам. Иногда его даже наказывали за то, что он не выучил какую-то статью. На это он отвечал, что феноменальная память — его личное дело, его маленькая тайна, в которую он посвящает далеко не всех. И лишь когда ситуация становилась критической, он выдавал информацию по полной программе, шокируя офицеров и объясняя это тем, что провел несколько ночей в страстном штудировании.

— Итак, статья сто девяносто один. — Дворецкий откашлялся и заговорил монотонным голосом: — Всех лиц, приближающихся к посту или запретной границе, кроме начальника караула, помощника начальника караула, своего разводящего и лиц, сопровождаемых ими, часовой останавливает окриком "Стой, назад" или "Стой, обойди вправо или влево". При невыполнении приближающимся к посту или к запретной границе этого требования часовой предупреждает нарушителя окриком "Стой, стрелять буду" и немедленно вызывает начальника караула или разводящего. Если на-

рушитель продолжает приближаться к посту или к запретной границе, часовой досылает патрон в патронник и производит предупредительный выстрел вверх. При невыполнении нарушителем и этого требования и попытке его проникнуть на пост или пересечь запретную границу или обращении в бегство после такой попытки часовой применяет по нему оружие. Все, точка. Дальше идет статья сто девяносто два. Докладывать?

— Дворецкий, толковый ты все-таки парень, а ведешь себя иногда как разгильдяй. Чего ты хочешь добиться своим поведением?

— Товарищ капитан, сегодня я хочу залезть в холодильник и добиться там политического убежища...

ОН

Ничего, ничего, подбадривал он себя, и из этой ситуации у меня подготовлен выход.

— Мама, ну ты же знаешь, что я занята!

Как ему надоел этот капризный тон за недолгие годы совместной жизни! Все у нее всегда было не вовремя: ни спросить, ни попросить, ни помочь. Она всегда занята. Ее дела — самые важные. Все вокруг существуют только для нее и обязаны выполнять все ее прихоти. Но с ним она просчиталась. Не на того нарвалась. Захмутать его, как теща захмутала тестя, ей не удалось. Даже трехлетний сын, которого он любил, нет, которого он просто обожал, без которого не представлял свою жизнь, не смог его остановить, когда он окончательно решил от нее уйти. Уйти от нее, но не от него.

Ничего, ничего — отольются кошке мышканы слезки...

— Доченька, мама ждет! Поторопись! В вазе на журнальном столике.

— Вечно ты со своими проблемами.

Судя по всему, она разговаривала с матерью из кухни. Сейчас она пойдет в гостиную — так они называли самую большую комнату в своей шикарной четырехкомнатной квартире — и с кислым видом вынесет матери очки. Сделает одолжение. Принцесса... Принцесса и королева-мать...

— Мама, их здесь нет.

— Значит, на серванте. — И, повернувшись к нему, доверительным тоном добавила: — Ничего без матери сделать не может. Ох, уж эта современная молодежь. Живет в каком-то своем мире. Ни до чего дела нет.

ТРИ НЕДЕЛИ ДО ОТПУСКА

Рассказывай, рассказывай, ухмыльнулся он, только не мне. "Живет в своем мире!" А ты-то сама в каком мире живешь? Яблочко недалеко ука- тилось от яблоньки...

— Та-вы та-ра-ра-спишитесь, — не обращая внимания на их разговор, он настойчиво протя- гивал ей в руки раскрытую тетрадь с телеграм- мой.

— Подождите! — отрезала она. — Что вы мне тут суете!

Он изобразил удивление.

— Та-те-те-леграмму.

— Я знаю, что телеграмму. Я должна прочитать, а без очков не вижу. — И, обернувшись в ту сторо- ну, где должна находиться дочь: — Ну сколько можно тебя ждать! Ты что там, уснула?!

Раздался стук упавшего стула, негромкое "а- черт!", и в коридор выскочила его жена. Было по- хоже, что на улицу она сегодня еще не выходила: никакой косметики, волосы не накручены, шелко- вый халат — его подарок — брошен на голое те-

ло. Даже лифчик не удосужилась надеть — грудь свободно колыхалась под тонкой тканью.

— Здравсьте, — выдавила она, даже не взглянув ему в лицо, и сунула матери очки. — Между прочим, валялись на диване. — Развернулась и ушла обратно в комнату, даже не поинтересовав- шись, ни от кого телеграмма, ни что пишут.

— Вот вы видите, что за молодежь?! Всю ночь гу- лянки, а потом спит целый день. — И, спохватив- шись, что сказала лишнее: — Где, вы говорите, расписаться?

Да, милые, до чего вы докатились! Пауки в бан- ке. Паучихи. Две черные вдовы. Одна мужа сожра- ла, и вторая собиралась... Даже пару месяцев на- зад вы еще такими не были. А что же будет даль- ше?..

А дальше ничего не будет! Все! Я пришел ста- вить точку. Хватит! Пожили в свое удовольствие и будет! Теперь я буду жить!

— Та-вот здесь-та-вот! — он водил пальцем по тетрадной странице.

— Хорошо, хорошо. Вижу, — она ото- рвала взгляд от тетради и посмотрела на него поверх очков. — Только фами- лия моя пишется без "д" — не "Черед- ниченко", а "Черениченко". Я тут вам аккуратненько исправлю, а вы уж боль- ше не ошибайтесь. Хорошо? Вы у нас, похоже, новенький? Что-то я вас рань- ше никогда не видела.

Давай учи меня, как твоя фамилия пишется, а то я не знаю! Жаль, что не нужно полностью писать имя-отчест- во, а то бы специально написал "Ира Ефремовна", вместо "Эра Эфраимов- на". Надо же тебя позлить напослед- ок!

— Та-я не но-овенький. Та-за жену. Та-болеет та-она.

— Ну, все, расписалась. — Она за- брала телеграмму и протянула обрат- но тетрадку. — Большое спасибо. — И сделала жест, что не смеет его боль- ше задерживать. — Спасибо, до сви- дания.

Он положил тетрадь в сумку, попра- вил ее на плече и собрался уходить, но в последний момент, как будто что-то вспомнил, с волнением заго- ворил:

— Та-вы та-та меня извините, та-дай- те, та-пожалуйста, стакан та-холо-од- ной та-воды. Та-очень та-жарко, — и он ладонью провел по лбу. От волнения

он весь покрылся испариной, кожа вспотела под приклеенной бородой и усами. Но неприятнее всего было под париком и на лбу — нормально стекать поту не давали наклеенные мохнатые брови и он чувствовал, как пот скапливается над ними, а потом, достигнув какого-то определенного количества, противно струится по вискам. Он старался аккуратно промакнуть его рукавом брезентовой куртки, но грубая прорезиненная ткань плохо впитывала влагу, и он чувствовал, как натирает себе лицо. Он специально не пользовался платком — платок не гармонировал бы с его видом.

— Попить? — Она еще раз оценивающе окинула его с головы до ног, прикидывая, можно ли его оставить одного в коридоре, не украдет ли чего. — Подождите. Оксаночка, деточка, подойди, пожалуйста, сюда.

Черт, все пропало. Неужели я не вызываю доверия, чтобы оставить меня одного среди этого барахла? Черт, черт, черт! Подозрительная дура. Неужели я переборщил со своим рабочим видом? Дура! Ненавижу!

— Оксана, ты меня слышишь? Оксана? — Из глубины квартиры никто не ответил. Только негромко звучала музыка, которую дочь включила, принеся матери очки. — Ладно, подождите.

Едва она скрылась за дверью, он судорожно полез в сумку, вытащил небольшую коробочку, открыл ее, нажал на кнопку — замигала маленькая красная лампочка — нагнулся и сунул коробку в ближайший нижний ящик комода, едва не завалив остальные.

И заключительный штрих — в память о последней встрече он достал из внутреннего кармана помятую гвоздичку, слегка расправил ее и положил на верхний ящик.

Венка вы от меня не дождетесь...

Сердце бешено колотилось в груди. Если бы не грим, то теща, вернувшись, могла бы его испугаться — он почувствовал, что сильно покраснел, кровь прилила к лицу и запульсировала в висках. Длинные волосы парика скрывали горячие уши.

Он посмотрел на часы. Шестнадцать сорок пять. Отсчет пошел.

МЫ

— Ткачук, время сейчас... — Палыч полез в карман и достал старинные часы на длинной серебряной цепочке. — Время — шестнадцать сорок пять, на перекур и получение оружия даю вам пятнадцать минут, и в семнадцать ноль-ноль встречаем-

ся в караульном городке. Будем на практике закреплять теоретические знания.

Мы с нескрываемым удовольствием высыпали из комнаты информирования и почти бегом бросились в умывальник, на ходу расстегивая и снимая кителя.

Не успел я как следует насладиться холодной водой, обливаясь по пояс, как ко мне подошел дневальный и передал, что меня срочно вызывает начальник курса.

— Это еще зачем? — опешил я.

— Вроде какая-то срочная замена в составе караула. Дежурный только что принес телеграмму. У Степанова мать в тяжелом состоянии, начальник его отпускает домой, а ты вроде идешь вместо него.

— А кто вместо меня?

— Слушай, Ник, откуда я знаю?! Иди, начальник тебе все и объяснит. — Дневальный окинул недобрым взглядом обливающихся водой ребят. — Мужики, а поаккуратней нельзя? Мне же потом после вас убираться. Не на пляже ведь!..

Началось... Степанов заступал часовым второй смены пятого поста. А я, первый раз за три года, заступал в гарнизонный патруль. Разница между часовым и патрульным примерно такая же, как между машинистом и контролером — оба вроде при деле, только один пашет как лошадь, а второй ...

В общем, понятно...

Настроение резко ухудшилось. Рушились все планы и на сегодняшний вечер, и на завтрашний день. Заступить в гарнизонный патруль — это все равно, что получить внеочередное увольнение. С начальником патруля всегда можно договориться: и сходить на ужин домой (родителей уже предупредил, они будут ждать), и позвонить любимой девчонке (тоже знает, что должен вечером позвонить), и пройтись по магазину. Да и просто побродить по родному городу. А теперь...

Я постучал и, спросив разрешения, зашел в канцелярию начальника курса. Кроме него самого там находился Палыч, наш заместитель командира взвода Клубенец, который заступал помощником начальника караула, и Ткачук.

— Слушай, Николаев, тут такое дело, — начал начальник курса, несильно постукивая кулаком по краю стола в такт своим словам, придавая им большую весомость. — У Степанова тяжело больная мать. Пришла телеграмма, что она в критическом состоянии. Я принял решение отпустить его домой. Ты у нас товарищ опытный. Тебе не привыкать ходить в караул, особенно на пятый пост. Особые обязанности часового на этом посту ты знаешь... Короче, — он ударил по столу раскрытой ла-

донью, и его лицо стало сурово-непроницаемым, — ты заступишь вместо него. Евгений, — он повернулся к Палычу, — постовую ведомость придется переписать. Дай команду, чтобы к разводу новая была готова. Все, Николаев, иди получай оружие...

ОН

Приходить в себя он начал, только сев в машину. Недолго попелтяв по маленьким тенистым улочкам, выехал за город. Он специально выбрал этот маршрут — еще не хватало нарваться на гаишника и потом ему толковать, что он артист — благо остался пропуск в драматический театр, где он пару сезонов подрабатывал, что только-только закончился дневной спектакль и он спешит к беременной жене, которую нужно срочно везти в роддом. Поэтому он не успел снять грим. Гаишник, естественно, не поверит, заставит снимать всю эту бутафорию, потом начнет придираться к нерастаможенной машине, потом что-нибудь еще его не устроит, и дело кончится традиционной суммой. Но время — самое дорогое в его ситуации — будет потрачено.

Оставив позади последние аккуратные частные домики, он прибавил газу. Ветер, врываясь в открытое окно, приятно освежал. Он снял парик, отложил его на соседнее сиденье и посмотрел на себя в зеркало — примятые мокрые волосы в сочетании с мохнатыми бровями, усами и бородой придавали ему какое-то затравленное выражение. Он немного взъерошил волосы. Стало еще хуже. Достал из бардачка расческу и зачесал волосы назад. Получился какой-то стареющий Олег Кошевой. Он бросил расческу рядом с париком.

Ладно, еще будет время привести себя в порядок, — успокоил он себя. — Сейчас пока не до этого.

Отъехав от города на несколько километров, он показал правый поворот, свернул на еле заметную проселочную дорогу и через пару минут затормозил на берегу небольшого лесного озера. Как он и предполагал, на озере никого не оказалось. Хотя оно и было на редкость живописным, горожане предпочитали купаться поближе к городу, в громадном искусственном водохранилище. А об этом, маленьком, спрятанном в густой лесной чаще, мало кто знал. Он и сам-то совершенно случайно на него попал, когда с год назад приятель привез его сюда вместе с двумя некомплексующими подружками.

Повеселились тогда они от души. Одна из подружек, учительница начальных классов, сногшибательная блондинка с очень приятным бюстом,

то ли опившись шампанским, то ли она по жизни была такой шепутной, залезла в воду и, объявив себя русалкой, настойчиво требовала любви в воде. И ему ничего не оставалось делать (приятель в это время уже раскачивал машину с не менее, а ему в тот момент показалось, что даже более сногшибательной брюнеткой), как сказать, что он водяной, и последовать за ней. Потом она решила стать лесной нимфой. Потом...

Потом был скандал с женой за следы помады на футболке, отметины от страстной любви на шее и расцарапанную спину. И чего он так, дурак, тогда завелся?...

Хотя она — его бывшая горячо любимая женушка — тоже не монашка. И ее приходы домой после как будто бы хождения по магазинам с подружкой в трусиках, надетых наизнанку, не оставались для него незамеченными.

Или когда она уходила гулять с сыном, потом поручала его какой-нибудь такой же молодой маме во дворе, сама отлучалась "на пару минут", возвращалась через час и без колготок. А он точно помнил, что уходила в них...

Без особого труда он вычислил этого любителя снимать колготки с его жены. Им оказался сорокапятилетний коротышка из соседнего дома. Какой-то квазимодо, но на джипе "грандчероки" и с сетью крупных магазинов по всему городу. Харис. Харис Иванович, как его все уважительно называли при встрече. Или Саид, как его называли за глаза.

И еще эти неизвестно откуда появляющиеся золотые побрякушки и путанные объяснения жены, что, мол, купила по дешевке у знакомой, которая мотается челноком в Турцию. А золото — высочайшей пробы. И работа — тончайшая. Такое из Турции не возят...

И он должен был это терпеть? Ее же подружки не то в шутку, не то всерьез не раз намекали, что неплохо бы заняться воспитанием жены.

Вот он ее и воспитает. Раз и навсегда...

И до Саида он доберется. Вернее, уже добрался. Основную часть дела он уже провернул. Осталась самая малость. И не спасли бритоголовые мальчики, постоянно разъезжающие следом за ним и его семьей на черном BMW. Тоже мне охрана...

Да, черт, не забыть Максу отдать ключи от дома и от подвала. И главное, сказать адрес этой дачи. Сегодня он туда уже не попадет. А Макс пусть отправляет кого-нибудь из своих особо приближенных, кто в курсе этого великолепного по наглости и дерзости дела.

Все. Прочь воспоминания и размышления. Тоже мне — маршал Жуков на природе. Не время душу бередить. Действовать, действовать и еще раз действовать. Только так можно чего-то достичь...

Он открыл дверцу, внимательно осматрелся по сторонам, еще раз убедился, что вокруг никого нет, начал брезгливо срывать с себя брови, усы, бороду и все это складывать рядом с париком на соседнее сиденье. Выйдя из машины, стащил куртку, насквозь промокшую цветастую рубашку, скинул допотопные ботинки и, прыгая то на одной, то на другой ноге, вылез из старых застиранных отечественных джинсов.

Оставшись в узких модных плавках и рваных носках неопределенного цвета, он прошелся по опушке леса, набрал сухих веток, сложил небольшой костер, сверху набросал одежду и грим, все обильно полил бензином из канистры и поджег.

Огонь яростно принялся за дело...

МЫ

— Ник, — окликнул меня Степанов, когда я ходил мимо расположения нашего взвода. Он стоял около своей кровати и собирал сумку. — Ты извини, так получилось. У меня мать болеет, нужно срочно ехать. Не знаю, застану ли...

Я окинул его недоуменным взглядом.

— Володь, ты что, сдурел? Какие извинения? Я что, не понимаю, что ли?! А может, все обойдется еще?

— Я даже не знаю. Это уже третья операция. После первых двух сердце стало ни к черту. А как сейчас... Не знаю, Ник, не знаю... — Он заморгал и наклонился к тумбочке. — Извини, мне пора ехать...

Я получил автомат последним и вышел на улицу. Взвод уже построился и ждал меня.

— Господин доктор караульных наук, заставляете себя ждать. Я тут местечко для вас зарезервировал. — Дворецкий стоял во второй шеренге и показывал на свободное место рядом с собой. — Не расстраивайся, Ник. Все, что Бог ни делает, — все к лучшему. Теперь зато вместе будем на посты ходить.

— Это еще с чего? — не понял я.

— Приехали, «с чего»? Ты же часовой пятого поста второй смены, а я — четвертого поста второй смены. Так что ходить будем вместе.

— А-а, — рассеянно протянул я.

— Ты не доволен? — искренне удивился Дворецкий.

— Я счастлив.

ОН

Он не стал ждать, пока костер прогорит — снял носки, бросил их в пламя, плеснул еще бензина и нырнул в озеро.

Прохладная вода приятно остудила тело. Он доплыл до середины, перевернулся на спину и посмотрел на берег. Лес, подступающий почти к самой воде, весело потрескивающий костер, хорошая машина. Идиллия. Для полного счастья не хватает любимой и любящей женщины, ждущей на берегу.

Бред. За свои двадцать пять лет он неоднократно убеждался, что понятия «любимая» и «любящая» к одной женщине относиться не могут. Женщина бывает либо любимой, либо любящей. Никаких компромиссов. Все это выдумки авторов дамских романов. Приманки для слабонервных. Он через это уже проходил и с полной ответственностью может предупредить — не верьте! Если вы любите женщину и она отвечает вам взаимностью — не верьте. Подвох. Эта женщина просто хочет использовать вас в корыстных целях. В каких? Это уже второй вопрос...

Когда он, еще немного поплавав, вылез на берег, костер почти догорел. От его одежды и грима практически ничего не осталось. Он взял палку, пошевелил остатки ткани и для надежности еще плеснул бензина.

Не должно остаться никаких следов! Никакого почтальона нет и никогда не было. Нет человека — нет проблем. Ищи ветра в поле. Даже если кто его и видел и попытается привязать почтальона к взрыву на четырнадцатом этаже, то никогда этого почтальона не найдет. Потому что его уже нет. Он сгорел. Сгорел на работе...

Он ухмыльнулся интересному обороту, неожиданно пришедшему в голову...

Он еще раз, минуту за минутой, вспомнил все свои действия в квартире. Если он и оставил отпечатки в коридоре, то взрыв их уничтожит. А за отпечатки пальцев на стакане, в котором теща принесла воду, он не волновался. Уважаемая Эра Эфраимовна отличалась поразительной брезгливостью. Поэтому был абсолютно уверен, что не успел он спуститься на первый этаж, как она тщетно, с мылом отдраила этот стакан, а может, даже и прокипятила его с содой. Первый раз в жизни она сделала для него доброе дело...

С наслаждением ступая босыми ногами по мягкой береговой травке, он подошел к машине и посмотрел на часы. Семнадцать двадцать пять. Уже десять минут, как в коридоре на четырнадцатом

этаже произошел взрыв. Взрыв, который должен подвести черту под его прежней жизнью и открыть горизонты новой.

Он с удивлением заметил, что пребывает в состоянии полного спокойствия. Прежние волнения, тревоги, сомнения куда-то отошли, освободив место для расчетливого действия. Хотя успокаиваться было еще рано. Еще предстояла поездка в детский садик за сыном, изображение полного недоумения и отчаяния при виде результатов взрыва. Наверняка начнутся вызовы в милицию для дачи показаний — а кого вы подозреваете? А не замечали ничего странного за последнее время? А у кого могут быть счеы с вашей тещей? А с вашей женой? А с вами?

То, что он уже два месяца не жил с семьей, от следствия скрыть не удастся. Да и нет смысла это скрывать.

Ушел. Поругался с женой и ушел. Живу в старой родительской квартире. Сюда приходил. Не часто, но бывал. Раз, два в неделю. Забирал сына из садика, гулял с ним, катал на машине, а потом приводил. Иногда брал его к себе на выходные. Нет, не к дедушке с бабушкой, а именно к себе. Дедушки с бабушкой нет. Умерли несколько лет назад. Живу один в маленькой двухкомнатной квартире. Ни о каком разводе даже и не помышлял. Надеюсь, что все образуется...

В этом месте даже можно пустить слезу. Скупую мужскую. Главное — не переборщить с эмоциями.

Как ему казалось, для следствия дело тупиковое. Никаких отпечатков, никаких видимых причин для мести, никаких подозреваемых. Ничего...

Он достал из машины новую пачку сигарет, прикурил и сел на поваленное дерево.

Придуманно все было неплохо — подложить бомбу. И не просто бомбу, а именно со звуковым сопровождением, вернее, со звуковым вызовом к себе. Через тридцать минут после включения она должна была начать подавать звуковой сигнал, на который из квартиры должны были выскочить мама с дочкой — выяснить, что это так противно гудит в коридоре. То, что выскочат обе — однозначно. Психологию этих трусливых женщин он достаточно хорошо изучил. И через минуту — взрыв. Они даже не поймут, в чем дело. Главное, что они обе оказались дома. Здесь он все точно рассчитал — крайне редко после обеда они выходили из квартиры. Практически никогда...

А дальше все шло как по маслу. У тещи нет никаких ближайших родственников. Единственным наследником жены является он. Квартира перешла в его собственность.

За провернутое дело с дочкой Саида он уже по-

лучил от Макса в качестве аванса двадцать пять тысяч долларов, на которые купил себе новую машину. Восемнадцать тысяч еще осталось. Плюс Макс должен доплатить еще двадцать пять тысяч. На такие деньги можно нормально прожить вдвоем с сыном. Да и Макс еще обещал посодействовать с непыльной работой на тыщонку долларов в месяц...

Жизнь обещала повернуться новой стороной.

МЫ

Караульный городок утопал в зелени. Между тренировочными местами, моделирующими все пять постов внутреннего караула, были проложены бетонные дорожки, густо обсаженные аккуратно подстриженным кустарником. Вокруг городка росли вековые липы и дубы, дающие обильную тень. Но даже и они не спасали от изнуряющей жары. Создавалось впечатление, что все раскалилось до предела, и стоит плюнуть на какой-нибудь металлический предмет — он зашипит. Мне даже показалось, что изображенные на многочисленных стендах бдительные воины, выполняющие свой священный долг по несению службы в карауле, и те выглядят несколько измотанными этой чертовой жарой.

Мы, в соответствии с постами и сменами, разошлись по своим местам и приступили к тренировкам.

— Третий год одно и то же. Можно подумать, что в Устав гарнизонной и караульной службы еженедельно вносятся поправки или у нас посты изменяются — чего людей-то мучить?! — Дворецкий сдвинул пилотку на затылок и бубнил под нос.

Мы с ним в колонну по одному вышагивали за Ткачуком — нашим разводящим — и имитировали то подход к посту, то смену часовых, то зарядание и разряжание оружия. Ткачук делал вид, что не слышит бормотания Дворецкого, а сам бросал по сторонам косые взгляды, высматривая Палыча, мелькавшего то там, то здесь между кустами.

— Вообще-то, если строго следовать требованиям устава, — недовольным тоном рассуждал Дворецкий, — то перед заступлением в караул необходимо предоставлять время для отдыха, а не парить личный состав на занятиях. После обеда сегодня и десяти минут свободных не дали, между прочим. Все учат, учат, а чего учить-то? И так все знаем, не первый раз... — Он обернулся ко мне, игриво подмигнул, но продолжил тем же тоном: —

А у меня от жары все парализуется: и воля, и разум, и желание сеять разумное, доброе, вечное...

Ткачук не выдержал и резко повернулся:

— Может, хватит ныть, а?...

В этот момент из-за кустов вынырнул Палыч:

— Дворецкий, во-первых, поправьте головной убор, а во-вторых, вам никто не обещал, что в армии будет легко.

ОН

Он еще раз перевернул костер, убедился, что все сгорело дотла, достал из багажника маленькую саперную лопату и на всякий случай остатки золы перемешал с землей. В голове заезженной пластинкой вертелась фраза — “не должно оставаться никаких следов, не должно оставаться никаких следов”.

Покончив с костром, тщательно вымыл руки в озере, взял с заднего сиденья небольшой кожаный чемодан, вытащил оттуда новые спортивные брюки, кроссовки, носки, все это не спеша надел и в последнюю очередь достал свою любимую черную футболку с портретом Джона Леннона и надписью белыми буквами на английском языке: “Жизнь — это то, что с тобой происходит, пока ты строишь совсем другие планы”.

Он развернул футболку надписью к себе и, обращаясь к Леннону, негромко произнес:

— Ты не прав, брат. Жизнь — это то, что со мною происходит в соответствии с моими планами...

На обратном пути, когда он почти подъехал к городу, ему неожиданно пришла мысль, заставившая его крепко задуматься: а не может ли подумать Макс, что взрыв в квартире — ответный удар Саида на акцию против него? Что Саиду все стало известно, он напал на след и решил предупредить, что шутки с ним плохи. Хотя, с другой стороны, при таком подходе никто уже не может гарантировать Саиду безопасность его дочери. А с третьей стороны, Саид может взорвать полгорода, если его дочке будет причинен хоть какой-то вред. А с четвертой стороны, особо шуметь, пока ему ничего не ясно, Саид не должен. А с пятой стороны...

Он дошел в своих рассуждениях до восьмой стороны, окончательно запутался и плюнул. Черт с ним, с этим Саидом. Как будет, так и будет. Главное, он сделал свое дело. А с Саидом пусть разбирается Макс. Хотя, опять-таки, дело с Саидом — и его дело, иначе бы он на него не пошел. У него с ним личные счеты, а потом уже заказ Макса.

Не будь этих личных счетов, он бы ни за какие деньги этого не сделал.

В конце концов он пришел к заключению, что не время сейчас об этом думать. “Будет день, и будет пицца” — так вроде любит повторять Макс. Пицца для размышлений. А городить дурацкий огород пока не стоит...

Ровно в шесть он лихо подкатил к детскому садику. Здесь его знали как веселого парня и всегда были рады видеть. Он быстро взбежал по ступенькам на второй этаж, поздоровался в дверях со знакомой молодой мамой и прошел в крыло, где располагалась группа его сына.

В просторной комнате под бдительным наблюдением двух воспитательниц играли несколько детей, за которыми еще не пришли родители. Он окинул их взглядом — своего не увидел — подумал, что он может быть в туалете или в столовой (он постоянно, даже в садике, выпрашивал чего-нибудь сладенького пожевать), и подошел к женщинам.

— Здравствуйте, милые дамы. Как вы сегодня выглядите — просто обалдеть! Лариса Васильевна, у вас новая прическа! Ничего себе! Не будь я женат, я бы за вами приударил.

— А, Вадим, здравствуй! Вечно ты со своими шуточками. У меня сын тебе ровесник, а ты приударить собрался.

— Лариса Васильевна, возраст — любви не помеха. Айседора Дункан Есенину тоже в матери годилась, а какая любовь у них была — нам и не снилось.

— А ты, оказывается, еще и поэт?

— Я и поэт, и прозаик, и все что угодно. Кстати, анекдот про прозаика слышали?

Лариса Васильевна всплеснула руками.

— Да сейчас этих анекдотов развелось — разве все вспомнишь?

— “Новый русский” на шестисотом “мерсе” стоит на перекрестке. Ждет зеленого света. Волнуется — на стрелочку опаздывает, — подгазовывает. Вдруг — ба-бах, удар сзади. Он выскакивает — глядит, в него влупился ушастый “Запорожец”. Он — весь на понтах, пальцы веером — к водителю, на разборку. “Ты че, мужик, творишь?! Ты че, в натуре, не знаешь, кто я такой?” Тот ни жив, ни мертв. “А ты-то кто такой, в натуре?” — “Да я писатель. Прозаик”. — Про каких-то еще “заек”?!

Женщины дружно засмеялись, а он снова окинул взглядом комнату. Сын не появился.

— А мой-то, наверное, опять чего-нибудь в столовой сладенького выпрашивает?

— Приехали! — воскликнула Лариса Васильевна.

— Ты что, дома не ночевал или рано на работу уехал? Твоя же с утра звонила, сказала, что Дениска приболел и она его сегодня не приведет...

МЫ

По сравнению с караульным городком плац казался адом. Жар от асфальта жег ноги даже через толстые подошвы сапог. Х/б промокло насквозь. Но хуже всего было тем, кто заступал на первый пост — к Боевому Знамени училища. Они стояли в парадной форме — в рубашках и шерстяных кителях.

— Сейчас черти котлы начнут выносить. Я попрошусь вне очереди. — Дворецкий оберся платком и повесил его на автомат стоящего впереди него Белова.

— А тебе и проситься не надо — за тебя Палыч попросит.

Мы стояли с Дворецким в одной шеренге — в дальней от начальника караула стороне строя — и негромко переговаривались.

До выхода дежурного по училищу еще оставалось несколько минут. Помощник — молодой капитан в фуражке-аэродроме необъятных размеров — объявил суточному наряду его фамилию и торопливо отошел в тень.

— Что-то я не припоминаю, кто такой полковник Симерчук. Может, какой из новых? — проводив взглядом помощника дежурного по училищу, Дворецкий снова повернулся ко мне.

— Да знаешь ты его. С кафедры общественных наук. Помнишь, он в прошлом году у нас семинар по философии проводил вместо нашего Иммануила Канта? Тот болел, что ли? Мы тогда еще пришли после ночной чистки картошки, сидели отрубались, а ты с ним затеял спор по поводу курсантского бытия и курсантского сознания. Не помнишь?

— А-а, невысокий такой, с усиками?

— Ну да!

— Но он, по-моему, тогда еще подполковником был?

— Люди-то растут.

— Так это же мой друг!.. — искренне обрадовался Дворецкий.

— Вот он тебя сейчас по-дружески и отдерет!

— Ник, ты же знаешь, что это практически невозможно. Я его сейчас ошарашу энциклопедическим знанием устава. А заодно и Палыча порадую. А то он на самом деле готов меня заживо сварить, бедолага. Хотя парень-то я абсолютно безобидный. “Я парень неплохой — энурезом не страдаю и хорошо слышу...” — Дворецкий начал тихонько насвистывать какую-то известную мелодию, пристукивая в такт ногой.

Но распеться ему не дали — помощник бодро

вышел на середину строя, поправил головной убор и зычным голосом подал команду для встречи дежурного по училищу.

ОН

Он не помнил, как попрощался с воспитательницами и попрощался ли вообще. После того, как ему сказали, что сына сегодня не приводили, внутри что-то оборвалось, он почувствовал противно накатившую волну тошноты, резко побледнел и покрылся холодным потом.

Нет, нет, нет и еще раз нет. Этого не может быть! Что же это получается — сын был дома, когда он приходил? Но почему тогда он его не видел? Обычно он выскакивает вместе с бабушкой или с мамой в коридор на каждый звонок. Ему же все интересно! На месте не сидится...

И тут его обожгло — он же заболел и мог в это время спать! Поэтому его не только не было видно, но и не было слышно. Он просто спал. Спал!!!

А что, если он проснулся через полчаса?

Нет, не может он так быстро проснуться. Больные дети обычно спят долго.

А если и проснулся, то ему никто не разрешит вставать с постели. Не для того его не повели в садик, чтобы он бегал по квартире.

Да, конечно, если он и проснулся, то все равно лежал в постели. По-другому быть и не может. Ему просто запретили вставать. Запретили. Категорически!..

Он рассуждал, но все больше осознал, что его доводы подходят только для самоуспокоения, а не для логичного объяснения поведения тещи и жены, а тем более сына.

Никто его не будет насильно заставлять лежать в постели! Никто! Теща постоянно заявляла, что не должно быть никакого давления на растущего ребенка, иначе можно травмировать его психику. Ребенок должен делать все, что захочет, потому что он интуитивно чувствует, что все, что он ни делает, — все правильно...

И откуда только могла возникнуть такая гнилая педагогика?!

Подобные суждения у нее имелись на все случаи жизни. Годы, прожитые с покорным мужем, уверили ее в полной непогрешимости всех ее умозаключений.

А покойный Иван Захарович незадолго до смерти в порыве внезапного откровения, подогретый немалым количеством совместно выпитого на даче, признался, что его дорогая половина из чис-

ла тех вредных насекомых, с которыми невозможно бороться, а нужно просто уничтожать...

Как в воду смотрел!..

Значит, сын был дома...

И что же теперь?..

Он долго не мог попасть ключом в замок зажигания, наконец завел машину и та, взвизгнув шинами, помчалась к дому...

Около подъезда стояли две "скорые помощи", несколько милицевских и пожарных машин. Вокруг, отступив от них на несколько метров, толпились люди.

Он собрал в кулак всю волю, сконцентрировался — главное, раньше времени не показывать вида, что он что-то знает — и подошел к отдельно стоящей кучке.

— Здравствуйте, а что случилось-то? — Начав говорить, он почувствовал, что беззаботно-равнодушный тон ему дается с большим трудом.

К нему повернулся полный пожилой мужчина, непрерывно обмахивающийся носовым платком.

— Да, говорят, взрыв какой-то на четырнадцатом этаже. Бомбу, что ли, подложили.

— На каком этаже? — полуистерические нотки дались ему гораздо лучше.

— Да на четырнадцатом, говорят. Я-то сам толком не знаю. Только подошел, — и он продолжил обмахиваться.

— Так и я живу на четырнадцатом, — почти крикнул он, и сразу обернулись несколько человек. Среди них узнал женщину с восьмого этажа. Она его тоже узнала и запричитала:

— Какое горе, какое горе! Вадим, у вас же взрыв в квартире.

— В какой квартире?! — Он сделал вид, что ничего не понимает. — Какой взрыв? Вы о чем?

Женщина откинула прядь волос с мокрого лба, пальцем смахнула крупные капли пота и затараторила:

— Взрыв в квартире, в вашей. В коридоре. Говорят, бомба. Я толком не знаю, меня дома не было, в магазин ходила. Возвращаюсь, смотрю, милиция понаехала, "скорые", пожарники. Спрашиваю, что случилось? Говорят, рвануло что-то наверху. Еще никто и не знал где. А потом сказали — на четырнадцатом, бомба в коридоре.

Он слушал ее краем уха, а сам смотрел на людей, выходящих из подъезда.

— Я еще подумала, не у Черениченков ли? А мне говорят — у них, — и спохватившись: — Какое горе, какое горе!

— А дома кто был? — он с трудом выдал из себя вопрос.

— Ой, Вадим, и не спрашивай. И не спрашивай, ничего не знаю. Не знаю ничего, и не спрашивай... — снова запричитала соседка.

По ее тону он понял, что случилось что-то непоправимое.

— А кто знает?! — закричал он. — Кто мне может сказать? — он, расталкивая толпу, бросился к подъезду. — Кто мне скажет — был кто дома?

Около ступенек его остановили два милицевских сержанта.

— Молодой человек, сюда нельзя.

— Что значит — нельзя? Моя квартира взорвалась!

Они переглянулись.

— А вы из какой квартиры? — спросил тот, что постарше.

— Что значит — из какой? Из семидесятой!

— Пройдете в машину.

— Какая к черту машина! У меня там семья была!

— Пройдете, пройдемте, — и обращаясь к подполковнику около милицевской "Волги": — Степан Петрович, здесь товарищ из взорванной квартиры подошел.

Его возмутил спокойный тон, которым говорил сержант. Можно было подумать, что дело касается не живых людей, пострадавших в взорвавшейся квартире, а привлечения прохожего к даче свидетельских показаний по случаю украденного кошелька из сумочки старушки.

— На каком основании вы меня задерживаете?! У меня там семья! У меня там сын! — Он перешел на крик: — Вы что, этого не понимаете?!

— Спокойней, молодой человек. Мы все понимаем. Мы вам искренне сочувствуем. Только там уже никого нет. Всех забрала "скорая".

— Как — всех?

— Всех пострадавших.

— А кто пострадал?

— Я же вам говорю — все, кто был в квартире.

— Но там же мой сын!..

МЫ

Дежурный по училищу остановился напротив Дворецкого.

— Караульный четвертого поста второй смены курсант Дворецкий, — браво представился Юра.

— Очень хорошо. Дворецкий, Дворецкий... — дежурный на секунду задумался. — Дворецкий, а не с вами ли я дебатировал на семинаре по философии?

— Так точно, товарищ полковник, со мной.
— Прекрасно. Философствуете вы очень хорошо, а вот знаете ли, что запрещается часовому?
— Знаю.
— А раз знаете — то доложите.
— С удовольствием.

Палыч стоял за спиной у дежурного и делал Дворецкому страшные глаза за неуставные разговоры на разводе.

— Устав гарнизонной и караульной службы. Глава "Права и обязанности лиц караула". Статья номер сто восемьдесят девять. "Часовому запрещается: спать, сидеть, прислоняться к чему-либо, писать, читать, петь, разговаривать, есть, пить, курить, отправлять естественные надобности или иным образом отвлекаться от выполнения своих обязанностей, принимать от кого бы то ни было и передавать кому бы то ни было какие-либо предметы, досылать без необходимости патрон в патронник". Четырнадцать всего получается.

— И все? — ехидненько спросил дежурный.

— И все!

— То есть вы хотите сказать, что в статье сто восемьдесят девять ничего больше не написано?

— Я хочу сказать, что в статье сто восемьдесят девять ничего больше не написано про то, что запрещается часовому. Вы же задали вопрос: "Что запрещается часовому"? Я вам полностью ответил. А в статье сто восемьдесят девять дальше написано, на чьи вопросы должен отвечать часовой. Разрешите доложить?

— Молодец, Дворецкий, грамотно. Вот чтоб и служба у вас так же грамотно неслась, поняли?

— А я по-другому не могу, товарищ полковник.

— Ну, хорошо, хорошо.

Дежурный прошел дальше вдоль строя, а Дворецкий мне шепнул:

— Служба — она, как курица: должна нестись...

— Это нам еще предстоит выяснить. Вы, я так понял, жили в этой квартире?

— Почему — жил? — он искренне удивился. — Я живу в этой квартире. Почему меня туда не пускают?

Завьялов пропустил его вопрос и задал свой:

— Представьтесь, пожалуйста: кто вы, какое отношение имеете к пострадавшим?

Он неожиданно задумался, прикидывая, как лучше описать свои родственные отношения. Знают они уже или нет, что он два месяца не живет с семьей? Да какое это имеет значение?! В голове пульсировало: "Там был сын, там был сын..."

Подполковник, видя его состояние, подсказал:

— Кем приходились вам пожилая и молодая женщины и ребенок?

Его резануло:

— Как это — приходились? Это мой сын, моя жена и теща! Что значит — приходились? — он сорвался на истерический крик.

— Молодой человек, мужайтесь: ваш сын, к сожалению, скончался на месте, а жена и теща в крайне тяжелом состоянии доставлены в реанимацию. Шансов очень мало. Практически никаких... — и через секунду: — Примите мои искренние соболезнования...

Он положил руки на спинку переднего сиденья, уронил на них голову и глухо зарыдал. Слезы душили его. Из груди вырывались стоны, и он не пытался их сдерживать. От бессилия что-либо изменить, от невозможности что-либо поправить ему хотелось выть. Рвать руками сиденье и выть.

Он не чувствовал себя человеком. Он чувствовал себя волком, шакалом, гиеной. Злобным хищником, по ошибке загрызшим своего детеныша.

Новая жизнь, к которой он так долго шел, обманула его, предала самым жестоким образом. Он не представлял себе жизни без сына. Ее просто не могло быть...

Подполковник молча сидел рядом и то с сочувствием смотрел на него, то отводил взгляд в окно на толпу, с любопытством заглядывающую в машину.

Завьялов считался опытным офицером. За свою долгую работу в органах он на многое насмотрелся. Служба в милиции приучает, что у настоящего профессионала не должно быть никаких эмоций. Можно сойти с ума, если сопереживать каждому пострадавшему...

Обессилен от рыданий, он с трудом оторвал голову от рук и покрасневшими, припухшими глазами посмотрел на Завьялова.

— Извините. — Он пошарил по карманам в надежде найти носовой платок, вспомнил, что его нет

ОН и ОНИ

Он в сопровождении сержанта подошел к милицейской "Волге" с мигалкой на крыше. Подполковник открыл заднюю дверцу и жестом предложил садиться. Он, постоянно оборачиваясь в сторону подъезда, нехотя сел в машину. Подполковник последовал за ним, захлопнул дверцу и представился:

— Меня зовут Степан Петрович Завьялов. Я — заместитель начальника городского отдела по борьбе с организованной преступностью...

— А что, здесь был акт терроризма? — перебил он подполковника.

в спортивных брюках, и вытер лицо коротким рукавом футболки. — Извините... Мой сын... Я не могу поверить... Может, ошибка?

— К сожалению, это так. — Завьялов увидел проходившего мимо врача из "скорой помощи", открыл дверцу и спросил: — У вас что-нибудь успокоительное есть?

— Ничего не надо, не надо, — запротестовал парень, и врач, недоуменно пожав плечами, пошел дальше. — Если только сигарету. Мои в машине.

— Да, конечно. — Завьялов протянул пачку "Явы".

Он молча закурил, рассеянно стряхивая пепел на резиновый коврик под ногами. Когда огонь добрался до фильтра, опустил стекло, выбросил окурок и попросил еще сигарету.

В тот момент для себя он уже решил, что нелепую смерть сына он может искупить только своей смертью.

И сразу стало легче...

МЫ

Караульное помещение представляло собой небольшое приземистое, одноэтажное здание, огороженное с трех сторон высоким бетонным забором с колючей проволокой поверху, а с четвертой, фасадной, — кованой чугунной решеткой с копьеобразными наконечниками и массивной калиткой с засовом и навесным замком. Выложено оно было из темно-серых, почти черных блоков, имело несколько небольших зарешеченных окошек, и в курсантской среде из поколения в поколение называлось Бастилией.

Перед входом в караульное помещение располагались небольшие площадки для построения караула и для зарядания оружия.

Внутри имелось несколько комнат — для начальника караула и его помощника, для отдыхающей смены, общая комната для личного состава караула, столовая, умывальник, туалет, курилка, сушилка, бытовка и кладовая.

Когда мы на первом курсе первый раз заступили в караул, Дворецкий, обойдя все помещения и найдя планировку "очень даже ничего", предложил Каббе — нашему взводному, "лицу кавказской национальности" — выкупить караульное помещение себе под дачу. Хорошо, что в тот момент рядом стоял наш заместитель командира взвода Клубенец, а то бы шутка Дворецкого дорого ему обошлась...

После развода суточного наряда мы, вконец разморенные почти часовым стоянием на плацу, ввалились в духоту караульного помещения. Первая смена, не успев даже перекурить и хоть немного остыть, а потому проклиная все на свете, стала готовиться к заступлению на посты, все остальные — поставив оружие в пирамиду, не спеша принимать порядок и имущество у старого караула.

ОН и ОНИ

— Вы готовы ответить на мои вопросы? — Завьялов подождал, пока он выкурит вторую сигарету.

— В общем-то, да. Хотя какой смысл? Сына же не вернуть...

— Но мы должны найти того, кто это сделал.

— Того? — он резко вскинул голову.

— Того или тех. Это предстоит еще выяснить.

Он криво усмехнулся.

— А мне-то от этого что за радость?! Какая теперь разница — кто это сделал? Главное — дело сделано. А кто, зачем, почему, для чего... Все это ерунда! Сына же вы мне не вернете? Нет. А кто это сделал — мне совершенно неинтересно.

— Но справедливость же должна восторжествовать. Никто не должен остаться безнаказанным.

— Справедливость? — Он пристально посмотрел Завьялову в глаза. — Справедливость восторжествует. Хотя никакой справедливости в жизни нет, но она все равно восторжествует. Я это чувствую. И зло будет наказано. И...

— Молодой человек... — перебил его Завьялов и спохватился. — Извините, вы не представились.

— Да, я не представился. Но сейчас представлюсь. А потом — преставлюсь... — тихо добавил он и нервно засмеялся.

— Может, все-таки стоит пригласить врача? Укол или таблетки?

Он категорически замотал головой:

— Нет, нет, никаких врачей. Мне ничего не нужно. Спасибо, мне уже... — Он чуть было не сказал "лучше", но вовремя оборвал себя, сообразив, насколько это слово не соответствовало бы ситуации. — Мне уже ничего не нужно.

Завьялов продолжил:

— Я понимаю ваше состояние. Искренне вам сочувствую и соболезную. Но и вы поймите меня правильно — любая информация, полученная от вас как можно раньше, может оказаться крайне важной для следствия.

— Да, конечно, конечно. Я все расскажу, что

знаю. Конечно, я помогу следствию... Это мой долг — помочь следствию... Кто же — если не я?.. Хотя толку от меня немного... Я ничего не знаю.

Он старался говорить спокойным, монотонным голосом, но внутри все кипело от осознания ужаса содеянного. Жизнь кончилась, не успев начаться. Больше всего он хотел, чтобы этот милицкий подполковник поскорее оставил его в покое, чтобы можно было поскорее убраться подальше от этого проклятого дома. Сесть в машину и уехать. Уехать навстречу смерти.

Он еще не знал, каким образом покончит с собой, но уже твердо решил, что завтрашний день для него не наступит...

— Меня зовут Вадим. Вадим Михайлович Липатов. Я живу в этом доме в семидесятой квартире. Это квартира моей жены. Вернее, жены и тещи. Тесть умер два года назад. Мы жили вчетвером: я, сын, жена и теща... — Он остановился и вопросительно посмотрел на Завьялова: — Что-то еще?

Завьялов не успел ничего сказать, как он, спохватившись, попросил:

— Товарищ подполковник, можно я дойду до машины за своими сигаретами? У меня от "Явы" горло сушит. Не могу ее курить. А курить очень хочется. Я очень быстро. Очень. И продолжим.

Завьялов недоуменно повел плечами:

— Сходите, если это не долго.

— Нет, нет, одна минута. Я понимаю, как дорого время. Я мигом. Только сигареты возьму.

Он вылез из машины и, не поднимая глаз, быстро прошел сквозь начавшую редеть толпу.

— Семенов, — Завьялов опустил стекло со своей стороны и подозвал сотрудника в штатском. — Проследи за этим парнем. — Он показал на удаляющегося Липатова.

— А кто это?

— Он живет в этой квартире. Это его ребенок, жена и теща... А то, что-то он мне не нравится...

— Подозрительный?

— Да нет вроде. Просто как бы у него крыша не съехала от такого известия. Не натворил бы чего...

— Вы его отпустили?

— Нет. Он пошел к своей машине за сигаретами. Ты посмотри, что у него за машина, а потом заодно наведи все необходимые справки. На всякий случай... Все, Сергей, иди, а то упустишь.

Семенов, приняв беспечный вид, направился следом.

Завьялов устало откинулся на сиденье.

— Будем проверять всех и вся...

Проходивший мимо сержант нагнулся к окну:

— Вы что-то спросили, Степан Петрович?

— Трудный, говорю, сегодня день. И еще не вечер...

МЫ

— Ты знаешь, Юр, у меня какое-то нехорошее состояние. Как-то беспокойно на душе. — Мы с Дворецким, покончив с приемом закрепленных за нашими постами комнат в караульном помещении и доложив об этом помощнику начальника караула, сидели в курилке. — Как-то гнусно.

— А с чего радости-то быть? Вместо того, чтобы бродить по городу и на девчонок смотреть — торчи на своем пятом посту и ворон считай. Хотя в городе вообще от жары одуреешь. Там еще жарче, чем здесь.

— Да дело-то не в жаре. Я собирался домой сходить, позвонить Оксане.

— Это твоя новая пассия?

— Новая — это плохо забытая старая. Я с ней в школе вместе учился. Она мне тогда еще нравилась. Правда, она на два года старше меня. Мы несколько раз встречались, ходили в кино. Но все было как-то несерьезно, по-детски. С моей, конечно, стороны. Она-то была уже взрослой... Потом, почти сразу после школы, она выскочила замуж, родила сына. Но с мужем, насколько я знаю, жила не особенно хорошо. А месяца два назад мы с ней снова встретились, и все закрутилось по-новой, но уже по-взрослому.

— А как же муж? — удивился Дворецкий.

— А что, муж — помеха?

Дворецкий недоуменно посмотрел на меня.

— А если серьезно, то муж от них ушел как раз за несколько дней до нашей встречи. Она сказала, что собирается с ним разводиться.

— Тогда все понятно — "свято место пусто не бывает"... А ты мужа-то хоть знаешь?

— А зачем мне его знать? Видел пару раз. Мы живем не так далеко друг от друга, и как-то я их встречал: ее, мужа и сына. А потом, тоже случайно, его с сыном.

— Ну и как он?

— Да ничего вроде. Заботливый такой папашка. Сына на санках катал... Она, правда, как-то говорила, что он с какими-то странностями. Он, кстати, и в нашем училище пару лет учился. Но то ли его выгнали, то ли он сам ушел — я не вдавался особо в подробности. Потом в театре в каком-то работал, учился где-то... В общем, личность с

претензиями на неординарность. “Непонятый талант”, как она его охарактеризовала.

— Все ясно: талант — не понят, а у тебя открылись родники старой любви?

Я немного смутился.

— Что-то вроде того.

— Это ты так, братец, и жениться соберешься! Эх, погуляем у тебя на свадьбе. — Дворецкий сладко, до хруста в суставах потянулся, но потом совершенно серьезно выдал: — Хотя дурь это все.

— Что дурь? — опешил я.

— Да вся эта любовь. Я где-то недавно прочитал интересную фразу — “Бойтесь любви! Она из человека делает раба”. Абсолютно правильная мысль. Помню в школе, в девятом, что ль, классе, угораздило меня вториться в девчонку тоже старше меня, правда, всего на год. И мало того, что я в нее влюбился, я еще ей об этом сказал. Вот тут-то все и началось. В древнем Риме не было таких покорных рабов, каким стал я. Как только она надо мной не измывалась! Я-то ей был безразличен, естественно, она и знай стараться! Всю душу из меня вытряхнула, зараза, а потом говорит — свободен, мол, мальчик, — и выбросила, как использованный презерватив.

— Но это же не говорит о том, что так у всех должно быть?

— А при чем тут — у всех? Так было у меня! Мне достаточно. Я думаю, воспоминаний хватит еще надолго. — Дворецкий поднялся с деревянной скамейки. — И я же с тобой разговариваю не от имени всех, а от себя лично. “Не от имени Политбюро, а от себя лично”, — добавил он. — Пойдем чайку хлебнем. В столовой вроде посуды звенят.

Мы вышли в коридор.

— А твое гнусное состояние и называется любовью.

ОНИ

Через несколько минут к Завьялову подбежал запыхавшийся Семенов.

— Степан Петрович, этот тип уехал.

— Как уехал? — опешил Завьялов.

— Спокойно сел в машину и все. Уехал. Поминай, как звали.

— А черт, так я и знал! Я же тебе говорил, что он мне не нравится. Теперь может натворить чего-нибудь. А что за машина?

— “Девятка”. Мокрый асфальт. Почти новая. С иностранными номерами.

— Ты успел записать?

— Конечно.

Семенов достал из кармана блокнот, раскрыл его и протянул Завьялову.

— Только толку-то? На учете же она наверняка не стоит...

— Да хрен с ним, с учетом! Нужно передать на все посты, чтобы его задержали. В таком состоянии он может дров наломать! Действуй, Сергей!

— Сейчас. У меня еще один момент.

— Что такое? — недовольно спросил Завьялов.

— Вы точно знаете, что этот парень из этой квартиры?

— Не понял.

— По-моему, он живет в соседнем со мной доме. По крайней мере, последнее время я почти каждый день его там вижу. Рядом с Центральным проспектом. На Гагарина.

— А ошибиться ты не мог?

— Исключено. Я давно на него обратил внимание. Он из таких, знаете, “подкрученных”. Правда, раньше он ездил на старенькой “шестерке”, эту машину я вижу у него первый раз. Но у него друзья крутые. Может, кто одолжил покататься? У них это запросто.

Завьялов присвистнул.

— Вот оно как все оборачивается... Постой, постой, но он же сказал, что это его семья. Не будет же он врать? Смысл-то какой? Может, раз ты говоришь, что он “подкрученный”, у него там еще одна квартира?

— Все может быть. Я говорю то, что знаю.

— Так, Сергей. Первое. Дай команду на все посты, чтобы задержали его машину. Только передай, чтобы без глупостей. Второе. Шуруй на его квартиру, если он там появится — задержи и привези ко мне. И третье, — Завьялов вылез из машины, — состыкуйся с Гладышевым, он у нас главный специалист по крутым, расскажи ему про него... Кстати, его зовут Вадим Михайлович Липатов. Если не наврал, но это вряд ли. Так вот. Расскажи про него, про его друзей, пусть он выясняет, с кем они могут конфликтовать и не может ли этот взрыв быть мстостью конкурентов.

ОН

То, что за ним пошли следом, он заметил сразу, как только выбрался из толпы и не спеша направился вдоль соседнего дома к машине.

Он встречал этого парня несколько раз около родительского дома, но не знал, что тот работает

в милиции. А сейчас, увидя его на месте происшествия среди оперативников, все понял.

“Ничего страшного, — подбодрил он себя. — Сейчас главное — поскорее попасть домой, забрать ключи и отвезти их Макс. А потом...”

Он еще не знал, как поступит потом. Он уже решил, каким должен быть конечный результат, но не придумал еще, как его достичь...

Недолго попетляв по старой части города и не заметив за собой хвоста, он выехал на Центральный проспект, занял крайний левый ряд и начал набирать скорость. Когда его “девятка” разогнала почти до ста километров, увидел впереди на разделительной полосе гаишную машину и двух милиционеров около нее.

Он интуитивно, как матерый волк, почувствовал, что это его начали обкладывать, резко сбросил скорость и, не подавая сигнала поворота, стал уходить вправо. В зеркало заднего вида он углядел вытянувшееся от его неожиданного маневра лицо водителя “Волги” и услышал визг тормозов.

На его счастье, метров за сто до ГАИ от проспекта отходила какая-то небольшая улочка с односторонним движением, и он свернул на нее.

На посту увидели серую “девятку”, грубо нарушившую правила дорожного движения, но решили, что это кто-то увлекся и чуть не проскочил свой поворот. А может, кто-то катается без документов. Номеров они не разглядели. При других обстоятельствах гаишники, может, и организовали бы погоню, но здесь преследовать мешал мощный поток машин, идущий по проспекту. Да и в угоне серые “девятки” не числились.

Информация, что нужно аккуратно задержать водителя “девятки” цвета мокрого асфальта с иностранными номерами, к ним еще не поступала...

Окольными путями, потратив в два раза больше времени, он наконец-то добрался до дома. В дороге сообразил, что если он узнал милиционера из соседнего дома, то есть вероятность, что и тот его тоже узнал. А поэтому они запросто могут нагрянуть сюда к нему.

Он уже жалел, что убежал от того подполковника с добрыми глазами. Надо бы с ним еще немного поговорить, нагородить всякой ерунды, а потом, сославшись на плохое самочувствие, попроситься поехать домой, пообещав, если что-то важное вспомнит, сразу же позвонить.

А так получается, что он убежал, потому что в чем-то виноват. И теперь преследовать они его будут как подозреваемого. Из потерпевшего он превратился в подозреваемого...

Он остановился около подъезда, заглушил двигатель и собрался уже выходить, но в последний момент сообразил, что не стоит оставлять машину на видном месте. Он не собирался задерживаться в квартире слишком долго, но все равно, если они сейчас подъедут, то смогут заблокировать его “тачку” и тогда все пути к отступлению будут отрезаны. А ему обязательно нужно встретиться с Максом и передать ключи от дачи, куда он спрятал дочку Саида. Не хватало взять на душу еще и этот грех — кроме сына убить и эту маленькую, испуганную до смерти, ни в чем не виноватую девчонку, второй день сидящую в подвале дачи, адрес которой никто, кроме него, не знал.

“А при чем здесь Макс? — резануло его. — Все дела с Максом закончены. Закончены вообще все дела. Зачем я буду отдавать ему ключи, обрекая девчонку на страдания во имя каких-то мафиозных разборок? Она разве виновата, что ее отец местный бандит? Она разве виновата, что ее отец спал с моей женой? Разве недостаточно смерти одного ребенка? Смерти моего ребенка?!”

И он решил взять ключи, поехать на дачу, отпустить девчонку, а потом уже продумать, как свести счеты с жизнью...

Он завел машину, задним ходом проехал вдоль дома, развернулся и отогнал ее за соседний магазин, поставив между мусорными баками и начинающимися рядами гаражей. Здесь ее не должны были сразу заметить.

(Окончание следует).

Николай СТАРШИНОВ

Николай Константинович Старшинов. С этим именем связана целая эпоха русской поэзии второй половины завершающегося века. Семнадцатилетним он ушел на фронт, стал помощником командира пулеметного взвода, едва не погиб во время наступления под Спас-Деменском. Одна из ран, полученных тогда, так и не закрывалась до его последнего часа, до нынешнего февраля...

Автор сорока с лишним поэтических книг, лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола, он оставил после себя большое творческое наследие, среди которого для нас, людей военных, безусловно, особенно значимы стихи о нелегком труде и подвиге солдатском.

ОТПЫЛАЛИ ТЕ КОСТРЫ...

И вот в свои семнадцать лет
Я стал в солдатский строй...
У всех шинелей серый цвет,
У всех — один покров.

У всех товарищей-солдат
И в роту, и в полку —
Противогаз да автомат,
Да фляга на боку.

Я думал, что не устою,
Что не перенесу,
Что затеряюсь я в строю,
Как дерево в лесу.

Льют бесконечные дожди,
И вся земля — в грязи,
А ты, солдат, вставай, иди,
На животе ползи.

Иди в жару, иди в пургу.
Ну что — не по плечу?..
Здесь нету слова "не могу",
А пуще — "не хочу".

Мети, метель, мороз, морозь,
Дуй, ветер, как назло, —

Солдатам холодно поврозь,
А сообща — тепло.

И я иду, и я пою,
И пулемет несусь,
И чувствую себя в строю,
Как дерево в лесу.

Ракет зеленые огни
По бледным лицам полоснули.
Пониже голову пригни
И, как шальной, не лезь под пули.

Приказ: "Вперед!"
Команда: "Встать!"
Опять товарища бужу я.
А кто-то звал родную мать,
А кто-то вспоминал — чужую.

Когда, нарушив забытью,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: "За Россию!..
А шли и гибли
За нее.

Домой! В Москву!
В Москву! Живой!..

А кем теперь ты стал?
Обузой.

И абажур над головой
Повис оранжевой медузой.

Не можешь спать — вставай в ночи.
Сжимая свой костыль рукою,
Ходи по комнате, стучи,
Сестру и мать лишай покоя.
И жизнь свою зови пустой...

Но ведь постой,
Постой,
Постой!
Беда не так уж велика.
Зачем себя считать в отставке?
Да мы еще наверняка
И в жизнь внесем свои поправки.

Хромой?
Ну что же, что хромой!
Не все же видеть в худшем свете.
Мы не затем пришли домой,
Чтоб гастролировать в балете!

Зловещим заревом объятый,
Грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи-солдаты

Идут вперед
За взводом взвод.

Идут, подтянуты и строги,
Идут, скупые на слова.
А по обочинам дороги
Шумит листва,
Шуршит трава.

И от ромашек-тонконожек
Мы оторвать не в силах глаз.
Для нас,
Для нас они, быть может,
Цветут сейчас
В последний раз.

И вдруг (неведомо откуда
Попав сюда, зачем и как)
В грязи дорожной —
Просто чудо! —
Пятак.

Из желтоватого металла.
Он, как сазанья чешуя,
Горит,
И только обметало
Зеленой окисью края.

А вот — рубли в траве примятой!
А вот еще... И вот, и вот...
Мои товарищи-солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.

Все жарче вспышки полыхают.
Все тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.

ДВА ФОТО

Сколько лет прошло с тех пор!..
Но и нынче для беседы
Вдруг заглянет репортер
Перед праздником Победы:

— Показали бы вы мне
Фронтовые ваши фото.
Как жила там на войне
Наша матушка-пехота?

— Как? А вот, родимый, так:
Мы от стужи посинели,

Ну а враг, страхась атак,
Подсыпает нам шрапнели.

И опять бомбит с утра.
И опять режут моторы...
Нас "снимали" снайпера,
А не фоторепортеры.

Но пока душа жива,
Веселей гляди, пехота...
Впрочем, есть, осталось два,
Два моих военных фото.

Все припомню, как взгляну
Я на них из дали дальней:
Вот — я еду на войну,
Вот — на койке госпитальной.

МОЙ ОКОП

С той немислимой поры
Годы рысью пробежали...
Отпылали те костры,
У которых мы лежали.

И окоп, спасавший нас,
Но израненный врагами,
Засыпало столько раз
То листвою, то снегами.

От берез ему светло,
Благодарен он березам.
Ведь его и солнцем жгло,
И тиранило морозом.

Размывало силой вод,
Прорывавшихся с болотца.
Только он еще живет —
Не сдается, не сдается!

Он еще живет войной,
Той великой и проклятой,
Как на память, вырыт мной
Малой шанцевой лопатой.

МАТЕРИ

Никаких гимназий не кончала,
Бога от попа не отличала,
Лишь детей рожала да качала,
Но жила, одну мечту тая:
Вырастут, и в этой жизни серой

Будут мерить самой строгой мерой,
Будут верить самой светлой верой
Дочери твои и сыновья.

Чтобы каждый был
из нас умытым,
Сытым,
С головы до ног обшитым,
Ты всю жизнь склонялась
над корытом,
Над машинкой швейной и плитой.
Всех ты удивляла добротой.
Самой беспросветной темнотою,
Самой удивительной мечтою...
Нет святых,
Но ты была святой!

Памяти К. Воробьева

Война! Твой страшный след
Живет в архивах пыльных,
В полотнищах побед
И в нашумевших фильмах.

Война! Твой горький след
И в книгах, что на полке...
Я сорок с лишним лет
Ношу твои осколки.

Чтоб не забыл вдвойне
Твоих великих тягот.
Они живут во мне
И в гроб со мною лягут.
Война...

Публикация
Э. СТАРШИНОВОЙ

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПОДСНЕЖНИК

Я не знал, где работает сосед по лестничной площадке, пока через полгода после новоселья не увидел его в милицеевской форме с капитанскими погонами. Дружбы-то особой мы не водили и не водим ни до ни после этого моего открытия, просто встречаемся порой на лестнице у окошка с видом на улицу, куда нас выгоняют жены, чтобы не курили в квартирах. Вытянем из-за батареи консервную банку, приспособленную под пепельницу, поставим на подоконник и дымим, переговариваясь обо всем и ни о чем. Время нынче тревожное и осторожное, не всем и с близким человеком поделишься, поэтому и беседуем на разные отвлеченные темы, не залезая друг другу в душу.

— Следователь? — однако не удержался я на первом же совместном перекуре после того, как увидел соседа в форме.

— ППС, патрульно-постовая служба, — пояснил капитан.

За окном, несмотря на вечер, было по-весеннему тепло и светло. В недалекой рощице потемнел и просел снег. А дом наш на самой дальней окраине города. В не столь давние времена здесь шумел лес.

— Интересно, — сказал я, чтобы не курить молча и как-то разговорить соседа, — рощица осталась, а подснежники появятся ли? Ведь их пора скоро...

— Появятся! — резко сказал капитан.

— Что? — не понял я.

— Как другие цветы, не знаю, а уж подснежники будут точно, — пояснил он с какой-то странной

интонацией в голосе — то ли брезгливо, то ли печально, то ли обреченно. И уловив, видно, мое недоумение, добавил:

— Я о подснежниках, которые никогда не вытоптать, говорю, а не про цветочки...

— Разве такие бывают? — совсем запутался я.

— Бывают, — странно посмотрел на меня капитан и, загасив в банке окурок, закурил новую сигарету. — Ты что, не от мира сего? — прищурил он глаза. — Не знаешь, какие еще бывают

подснежники?

Я пожал плечами, действительно не догадываясь, какие они еще бывают, кроме известных мне. Если они чем и разнятся иногда, то расцветкой лепестков. Есть белые, есть голубенькие, есть желтоватые, как топленое молоко...

— А есть, как мы с тобой, только не живые, — словно подслушал мои мысли сосед. — Я потому в милицию десять лет назад пришел, что наткнулся на такой "подснежник", — тихо продолжал он, опять глядя в окно. — С девушкой моей, Аллой (теперь она жена) тогда, чуть позже сегодняшней поры, в лес поехали за подснежниками. Которые цветы. Сначала автобусом, а после, от кольца, на лыжи встали. Здесь тогда лес был, — показал он на рощицу за окном. — Апрель выдался теплый, но снежный. На пригорках, правда, наст вытаял, но вокруг и в низинах только на лыжах и пройдешь. Идем, высматриваем, где солнце снег подтопило: не проглянет ли, как в газетах пишут, — усмехнулся капитан, — первый вестник весны. Потом Алла вперед убежала. Ну, мало ли зачем, по какой на-

добности... А через минуту-другую, скрывшись за пригорком, так закричала, что у меня и теперь, как вспомню тот ее крик, уши закладывает, — почему-то виновато признался капитан, не замечая, что его сигарета погасла.

Я зажег спичку, он прикурил, тыкаясь в слабый огонек, как слепой.

— Я даже лыжину сломал, на крик бросившись, — затаившись, продолжал он. — Но Алла была жива и невредима. Только побелела вся. От страха. Я и сам, увидев, испугался...

Сосед загасил сигарету, но другой из пачки, лежавшей на подоконнике, не достал, сунул "Яву" в карман.

— Ладно, — сказал он, — накурился. Бросить бы надо, да как в такой жизни бросишь?

Я уже догадался, что увидели Алла и мой сосед, но все-таки спросил:

— Труп?

— "Подснежник", — поморщившись, поправил

меня сосед. И двинулся к лестнице.

— А вы тогда уже в милиции служили? — невежливо спросил я его в спину, не ожидая, честно говоря, ответа. Бывает такое — вроде как черт за язык дернет. Неловко, а спросишь, потому, наверно, и на "вы" перешел.

Но он все же ответил:

— Нет, я тогда только пединститут закончил. Госэкзамен сдал по лютикам-цветочкам. А после такого "подснежника" в военкомате в милицию попросился. Вот и попал в милицейские части внутренних войск, — обернулся он, и взгляд его был тяжелым и как бы ожидающим поддержки. — Там труп совсем молоденькой девчонки лежал, и я на ее месте вроде как Аллу свою представил... А, давай еще по одной выкурим...

О подснежниках мы больше не говорили. Ни о настоящих, ни о других, вытаскивающих из-под снега. И не говорим. И не смотрим в окно на рощицу, когда курим вместе.

ХОРОША БЫЛА ТАНЮША

Танюшу любят все. Даже буйные. Даже запертые для освидетельствования в палату с дверью-решеткой. Идет мимо Танюша — грязно не оценивают, как других женщин, вплоть до заведующей отделением, штаны с себя не стягивают, а сунут через железо какой-нибудь подарок: конфетку, булочку, а то и колечко, свитое или сплетенное невесть из чего: "Возьми, сестренка!"

Танюша возьмет, спасибо скажет. И идет дальше, напевая.

Она всегда что-нибудь напевает, даже в столовой за едой, отложив вдруг ложку (вилки в этой больнице неположены). Напевает, будто стараясь вспомнить что-то очень важное, а вспомнить никак не может. И спохватится, когда санитар ласково за плечо тронет:

— Ешь, ешь, Танюша...

Танюша ест не жадно, аккуратно, не проливая из ложки ни капли, не роняя на стол ни крошки. Хлеб откусывая, ладошку под него подносит. Не торопится вроде, а поест скорее других и, напевая, начнет убирать, уносить освободившуюся посуду со столов на кухню.

Вход на кухню тоже за решеткой, но для Танюши дверь всегда приоткрыта. Кухонных работников,

как и санитаров, не хватает, и помощи Танюши всегда рады. Не брезгует Танюша и половой тряпкой, чистые полы в коридоре отделения — тоже ее рук дело. Ана прогулку иди — Танюша первый помощник санитаров: и одевать поможет, и обувать больных, и порядок на прогулочной площадке (между корпусами лечебницы) поддерживать: песни ее сдерживают и успокаивают лучше любых лекарств.

Репертуар у Танюши огромный, знает, кажется, все песни, но не полностью. Куплет из одной, куплет из другой, то из начала, то из середины, то из конца, а то и вовсе только припев. Но в мотиве не ошибается никогда, не фальшивит, и профессор музыки, готовящийся к выписке, оценил ее так: "Самородок..."

Танюша и до больницы любила петь, была запевалой в детском хоре, первым голосом в самодеятельности техникума, но чтобы петь постоянно

— такого прежде не было. Запела она, как долгоиграющая пластинка, очнувшись после операции. Тихо-тихо так, но вполне слышно и другому, если от нее не очень далеко находится. Такой, напевающей, ее и перевезли из хирургии в пси-

хиатрию, когда вшитая в голову стальная пластина затянулась кожей.

О пластине Танюша не ведает, как не знает и того, что живет в больнице, как не помнит и о том, что с ней случилось. Наверное, переставая изредка напевать, она и пытается вспомнить о начисто вышибленном из памяти прошлом. Следовательно, пока она выздоравливала после операции, долго с ней бился, а потом, отчаявшись, махнул рукой на ее дело. Приостановил, если официально, прекрасно сознавая, что дело это глухое. "Может, оно и к лучшему", — оправдывал он себя. "И хорошо, что не забеременела — ведь девочкой была", — поделился дома с женой, на что та рассмеялась: "Можно подумать, что одни девочки беременеют...". Следовательно только скрипнул зубами, но не на жену, никогда его не понимающую, а на себя. Все, что удалось ему установить, это то, что Танюшу, возвращающуюся со свидания, подстерегли в аллее возле общежития. По голове ударили сзади тяжелым, видимо, металлическим предметом. Но сначала повалили, придушив. Измывались долго. Подонков, как уверил эксперт, было несколько. Ударили, должно быть, когда она очнулась в первый раз.

Мальчик, с которым встречалась Танюша, учился в том же техникуме, но курсом старше. И к происшедшему не был причастен никак. Танюша в тот день ездила к нему на свидание в другой конец города, где он жил с папой и мамой. Мальчик проводил ее до остановки автобуса и вернулся домой. Он объяснял, что, проводи ее до общежития, не успел бы на последний автобус, а шагать нынче через весь город ночью — заранее в покойники записаться.

"Выходит, — сказал про себя следовательно, — ты ее в покойники вместо себя записал".

Танюша ездила к мальчику смотреть фильмы по видуку, купленному и подаренному ему папой с мамой. Теперь мальчик смотрит видик один или с другой подружкой.

Мальчик навещал Танюшу и в медсанчасти, и после ее перевода оттуда, но постепенно перестал заходить, поскольку Танюша, вроде бы и узнавая его, не разговаривала с ним, а напевала песенки, смущенно опуская глаза. Если бы мальчик видел ее глаза, которые не однажды целовал, он бы понял, что ее глаза помнят его, несмотря на убитую память.

— Крыша у нее поехала, — рассказывал мальчик в техникуме. Из техникума тоже поначалу приходили, приносили передачи, но потом перестали. Больше приходиться к Танюше было некому. — Поет и поет, как заведенная, — пояснял насчет поехавшей крыши мальчик.

— А почему, правда, она все время поет? — кон-

сультировался для очистки совести у врачей следователь. Ему долго растолковывали, и следовательно, наконец продравшись сквозь медицинские термины, понял, что, должно быть, и перед случившимся вслух, про себя ли Танюша пела или напевала.

— Заклинило, получается? — спросил он.

— Можно сказать и так, — снисходительно согласились с ним.

— Надежда есть? — спросил он.

— Мы не боги, — ответили медики.

Неизвестно каким образом, но и содержащиеся за решеткой узнали, что случилось с Танюшей. Одни приходили, другие уходили, сопровождаемые конвоем, но все, оделив или не оделив Танюшу подарком, обещали:

— Сестренка, если вычислим твоих, так они сами в петлю ползут...

Танюша слушала, тихо улыбалась, напевая про клен кудрявый, или про Шаропова и Жеглова, или про рыбачку и моряка и наоборот, а то вдруг про адрес, который Советский Союз. Ее слушали и слышали везде, где она появлялась, и санитары делались добрее, больные переставали посылать всех подальше, буйные унимались, в глазах тихих проступала осмысленность, алкоголики давали своим близким мысленный зарок бросить пить, а заведующая отделением подумывала, не перевести ли Танюшу в пригородный санаторий, где и воздух чище, и питание лучше. Пение удалялось, и заведующая спохватывалась, отягощенная не только медицинскими заботами: сделай Танюше добро — отделению станет хуже: на давно свободную ставку уборщицы польстится разве что сумасшедший... Песня приближалась, просачивалась через ряд запертых дверей, надежно оберегающих кабинет заведующей от буйства, и она вновь подумывала о переводе Танюши в санаторий.

Отделение было смешанным, пришлось потесниться, сдав некоторые помещения в аренду коммерсантам, а у Танюши — свободный лечебный режим. Длинный коридор стал дорогой ее жизни, а палаты и боксы, куда пускали, — окнами в другие миры. И такая жизнь Танюшу не пугает. Единственное, чего она боится, — это темноты. Но в психиатрической не выключают свет и ночью. Поэтому и ночами, уснув при свете, Танюша улыбается, как улыбается и днем, только молча, не напевая.

А плакала она лишь однажды, когда вдруг по радио запели песню про Танюшу, краше которой не было в селе. И сразу после этого радио сломалось, а наладить его не торопятся ни обитатели отделения, ни медики, никто...

Валерий ЗОЛОТУХИН: "ВПЕРЕД, И С ПЕСНЕЙ!"

В примерной народной артиста России Валерия ЗОЛОТУХИНА, над столом, висит огромный портрет В. ВЫСОЦКОГО с автографом Владимира Семеновича "Добра! И удача!". На стене - веточка красной калины с засохшими, но зелеными листочками. Специфический театральный воздух, который никогда невозможно перепутать с другим. Интервью, которое я рассчитывал провести за полчаса, переросло в интересную беседу. Наше знакомство с Валерием Сергеевичем продолжилось во время его гастрольной поездки в Рязань...

— Валерий Сергеевич, несколько лет назад огромной популярностью пользовался ваш рассказ о "походе в артисты". Многие его просто подзабыли, кто-то вообще не слышал. Не могли бы вы вкратце напомнить этот шедевр читателям нашего журнала?

— Я уже столько раз рассказывал его, что просто стыдно повторяться... Отец продал корову, мать сшила шаровары, купил шляпу дерматиновую. С двумя медалями (одна — "За освоение целины и залежных земель", другая — серебряная — за окончание школы) поехал в Москву поступать в артисты. История смешная и длинная. В моей книге "Дребезги" этой теме посвящена целая глава. А родилась она следующим образом...

Когда я поступил, написал матери о своем "хождении в артисты". Письмо стали по деревне читать, передавали из рук в руки. Оно было достаточно смешным и любопытным. В конце концов его зачитали до дыр и где-то потеряли. Это и легло в

основу рассказа, который был напечатан в книге спустя 25 лет.

— Что ж, посоветуем нашим читателям более подробно узнать о вашем "походе в артисты" из книги "Дребезги". Расскажите, пожалуйста, о своей первой роли в театре.

— Что есть театр? Своими первыми театральными подмостками считаю деревенское крылечко, где мама привязывала меня за ногу, сама уходила работать в поле, а я пел. Потом была клубная самодеятельность. Все эти вещи друг от друга не отрываю. Они составляют и мою судьбу, и сценическую карьеру.

Если говорить о профессиональной сцене, то первая эпизодическая роль была в спектакле Театра имени Моссовета "Ленинградский проспект". Я учился на пятом курсе отделения оперетты у педагога Ирины Сергеевны Вульф, которая была режиссером этого театра. А руководил им Юрий Александрович Завадский. Он посмотрел мой дипломный спектакль "Угрошение строптивой" (я пел там басовую партию) и сказал: "Вы мо-

жете считать себя артистом нашего театра".

Главную роль в "Ленинградском проспекте" играл великий актер Николай Дмитриевич Мордвинов. У его персонажа был сын-футболист. А друга сына, по фамилии Чухин, играл я. Эпизод заключался в том, что этот самый футболист из-за самолюбия отказался от игры в матче. Команда без него стала проигрывать. И тогда в перерыве между таймами к нему посылают Чухина, чтобы он уговорил друга выйти на поле.

Эпизод маленький, но я столько втиснул в него приспособлений, различных штампов (и заикался, и прыгал, и бегал, чуть ли не на руках ходил, пока говорил текст), что раза три срывал аплодисменты. И на уход тоже заработал зрительские овации. Чему был безумно рад.

После того, как я уходил со сцены, появлялся Мордвинов. Он такой серьезный был, ответственный, всегда с тетрадкой сидел перед выходом. Однажды высказываю из декораций (в зале аплодисменты), а Николай

КАЛЕЙДОСКОП

Дмитриевич говорит: "Молодой человек, зайдите ко мне в антракте". Я обкакался. Понял: что-то тут не так. Не хвалить же он меня приглашает.

Разгримировался, дождался антракта. Робко постучался к нему, вхожу. Он сидит у зеркала, рассматривает мое отражение и, не поворачивая головы, медленно так произносит: "Лицо-то какое хорошее..." А потом чуть ли не по слогам выговаривает: "Вы ведь играете друга моего сына, а мой сын — не дурак". То есть Мордвинов дал понять, что я играю дурака, а дураков у друзей его сына быть не может.

Потом мы долго проговорили с Николаем Дмитриевичем. Этот человек преподавал мне один из важнейших уроков жизни. Объяснил, что цена пребывания на сцене очень высока, за что я ему благодарен по сей день.

— Вы сказали, что первой своей сценой считаете крылечко отцовского дома. Сколько вам было лет, когда на нее вышли?

— Четыре годика.

— А какие песни исполнял босяцкий мальчуган Валера?

— Я пел эпохальные песни. Например: "Мама будет плакать, слезы проливать, а папа поедет на фронт воевать". Так оно и было на самом деле. Отец проливал кровь на войне, мама пролила слезы в поле. Шел 1945-й год...

— Расскажите, пожалуйста, Валерий Сергеевич, о своем детстве.

— Родился я 21 июня 1941 года на Алтае, между Барнаулом и Бийском. В том месте, где Бия впадает в Катунь и они образуют Обь. Сразу после слияния этих могучих рек, на высоком берегу и находится мое село Быстрый Исток.

Когда в роддоме нянечка принесла меня на первое кормление, она сообщила женщинам-роженицам о том, что началась война. Как рассказывала мама, в палате поднялся страшный вой. Все заплакали, запричитали. Гораздо позднее я понял: в

тот самый первый день рождения мать кормила меня молоком вперемешку со слезами. А отец в это время находился уже на сборном пункте.

— Как давно вы были на родине?

— Прошлым летом. Я довольно часто бываю там. В 1991 году мы начали строить храм в Быстром Истоке. В свое время в этом селе была деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Ее разрушили, раскатали по бревнышкам, из которых потом построили клуб. В нем я и начинал свою артистическую карьеру. Кстати, он до сих пор стоит.

— Давайте теперь поговорим о встречах, подаренных вам судьбой. И начнем, конечно же, с Владимира Семеновича Высоцкого, которому в этом году исполнилось бы 60 лет. Когда вы впервые встретились с ним, где это произошло?

— Не могу сейчас точно вспомнить, когда это было. Могу сказать только следующее...

В старом театре, на смену которому пришел Театр на Таганке, шел спектакль "Микрорайон" в постановке режиссера Петра Наумовича Фоменко. Там звучала песня:

*В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее вовсю глядел,
Как смотрят дети,
Как смотрят дети.*

Исполнял ее прекрасный артист, которого Любимов потом взял в свою труппу, Леша Эйбоженко. Она произвела тогда на меня сильное впечатление. Впервые, Алексей хорошо пел под гитару. Во-вторых, тема была совершенно новая. В Театре Моссовета я играл в фонвизинском "Недоросле", советских ребятишек с гармошкой или аккордеоном. Сам сопровождал, сам пел в спектакле "Обручальное кольцо". Это была такая а-ля софоновская "Стряпуха". И вдруг необычный текст под гитару со сцены:

*Со мною — нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь
Держитесь, гады!
Держитесь, гады!*

Через какое-то время узнаю, что автор этой песни Владимир Высоцкий. (Я пришел из Театра Моссовета к Любимову недели на три раньше него.) Он всегда ходил с гитарой и при случае пел. Не помню, к сожалению, само наше знакомство, но мы как-то сразу подружились. Он был очень любознателен, любопытен, внимателен и контактен. Оба поняли, что мы из разных "детских садиков": я из деревни, он — городской. Но в нас присутствовал какой-то обоюдный интерес. Относились друг к другу трепетно.

— Давайте скажем прямо, Валерий Сергеевич, вы были одним из самых близких друзей Высоцкого.

— Я не отрицаю этого. А знаете, как все произошло? Представьте себе: мы сидим вдвоем в гримерной. Заходит Толя Меньшиков с бухгалтерской книгой и говорит: "Надо заполнить анкету. Высоцкий, кто твой друг?" Володя был очень щедрым и великодушным. Он отвечает: "Конечно, Золотухин". Затем такой же вопрос следует мне. Естественно, я называю фамилию "Высоцкий". Мы относились к подобному анкетированию с иронией. Не знали тогда, что попадем в вечность. Высоцкий — само собой. А я — за ним.

Как-то один корреспондент мне заметил: "Тебе могут все простить: и то, что Любимов назначил тебя на роль Гамлета, и то, что 250 миллионов зрителей отвернулись от тебя после фильма Рязанова о Высоцком. Простят твоё пьянство, б... Не простят одного — того, что Высоцкий в анкете назвал тебя другом". И в этих словах кроется огромная правда. Ведь "конкуренция у гроба" (это выражение Томаса Манна) будет продолжаться до тех пор, пока последние современники Высоцкого остаются живыми свидетелями.

— В последний день жизни

Владимира Семеновича вы находились рядом с ним?

— Нет. 24 июля 1980 года... Он дома должен был писать песни к фильму "Наше призвание" (я в нем играл главную роль — Михаила Гавриловича). Режиссер этой картины Геннадий Иванович Полока попросил меня позвонить Владимиру. Часа в 4 вечера я позвонил. Трубку взял врач Дима, который дежурил в квартире Высоцкого, сказал, что он спит. "Когда проснется?" — спрашиваю. Тот засмеялся: "Думаю, что не скоро". Очевидно, Володе ввели сильно действующее снотворное. "Ладно, говорю, как проснется, пусть позвонит мне или Полоке". "Хорошо, — слышу в ответ, — обязательно передам".

Утром 25-го в кассе театра мне сообщили, что умер Володя Высоцкий. Не поверил. (Уж сколько раз его при жизни хоронили!) Прихожу в театр. Вижу, наш художник-декоратор Семен Бейдерман пишет некролог. "Ты что пишешь-то?" — спрашиваю. "А ты что, не знаешь?" Стою и думаю: сейчас он повесит этот лист бумаги в черной рамке и все...

— В одном из последних интервью газете "Мегаполис-Экспресс" вы упомянули, что вам не удалось проститься у могилы с Владимиром Семеновичем, потому как находились в цепочке и сдерживали натиск огромной толпы, окружавшей вход на Ваганьковское кладбище.

— Да, кто-то должен был выполнять и эту работу. Мы, взявшись за руки и сцепившись локтями, ограждали могилу. Прощались родные, близкие, друзья. Могло случиться всякое. Толпа есть толпа. Когда подошел поближе, увидел, что могила уже засыпана землей, а холмик покрыт цветами...

— Вы земляк Шукшина. Подарила ли вам судьба встречу с этим замечательным мастером?

— К сожалению, с Василием Макаровичем я знаком не был.

Встретился с ним один-единственный раз в гримерной студии "Мосфильм". Он заканчивал съемки "Калины красной", а я снимался в картине "Каждый день доктора Калининской". Мы поздоровались. Поздоровались как коллеги. Я понимал, кто передо мной. Он наверняка тоже знал меня, потому что к тому времени вышли фильмы "Пакет", "Хозяин тайги", "Бумбараш". Была опубликована первая повесть "На Исток-речушку, к детству моему".

Вся беда в том, что Шукшин был даже внешне не особенно контактен, не говоря уже о его внутренней обособленности. Не подойдешь же к нему просто так и не скажешь: "Здрасьте, я с Алтая, давайте познакомимся". Мне хотелось сделать что-то серьезное, чтобы иметь право на знакомство с Василием Макаровичем. Но... не успел. И в следующий раз встретил его, что называется, парходом. Как у Маяковского. Приехал в Быстрый Исток, пошел на Обькупаться, вдруг вижу белый теплоход. И по борту написано: "Василий Шукшин".

— Валерий Сергеевич, раньше выходила очень популярная телепередача "Театральная гостиная", в которой и вы принимали участие. Расскажите, пожалуйста, наиболее запомнившееся об этих встречах.

— Начну с того, что эти передачи всегда транслировались в прямом эфире. У меня в юности была любимая актриса — Юлия Константиновна Борисова. (Тогда вышел фильм "Идиот".) Я просто обожал эту женщину. Однажды 8 марта меня пригласили в "Театральную гостиную". Когда узнал, что вести ее будет Борисова, ахнул.

Сидели мы все кружочком. Было расписано: кто за кем и что говорит. Я должен был петь песню "Горят, горят пожары", которая затем вошла в фильм "На всю оставшуюся жизнь". Но сгорал от нетерпения чем-нибудь поразить Юлию Константиновну. И когда камера подошла

ко мне, я вне программы прочитал следующее:

*Когда б я был царем царей,
Владыкой суши и морей,
Любой владел бы девой,—
Я всем бы этим пренебрег,
Когда проспать бы ночью мог
С английской королевой...*

И рукой показываю на ведущую. Она слушает, улыбается, не подозревает, что камера снимает ее крупным планом. (Что было потом дома у меня, можете себе представить!) Сидевший рядом Ростислав Янович Плятт полушепотом говорит мне: "Валерий, ты что, сморчок, хочешь вовлечь нас в международный скандал?" Я спрашиваю: "Каким образом?" "Английская королева через две недели будет праздновать 25-летие восхождения на трон", — отвечает Плятт. Начинаю оправдываться: "Ростислав Янович, а я-то здесь при чем? Во-первых, стихи написаны вагантами 400 лет назад. А во-вторых, пристало ли нам за королевами в Англию шастать, если от своих не знаешь куда сбежать?".

— Кого из современных актрис вы можете назвать своей любимой и уважаемой?

— Алису Фрейндлих и Аллу Демидову.

— А кто из актеров вам больше по душе?

— Очень люблю Ивана Бортника, актера нашего театра.

— Где снимался фильм "Не валяй дурака...", в котором вы сыграли последнюю из сегодняшних день кинороль?

— В Переславле-Залесском, на Плещеевом озере.

— Вам понравилось работать с режиссером этого фильма Валерием Чиковым?

— Конечно. Мне кажется, он очень одаренный человек. Кстати, Чиков и автор сценария картины "Не валяй дурака...". А такое сочетание, как правило, приносит хороший результат.

— До съемок этого фильма вы были знакомы с Михаилом Евдокимовым?

— Была интересная ситуация, о которой я нигде пока не рассказывал... Однажды поздно ночью ко мне

в квартиру позвонил молодой человек. Открываю дверь. Заходит. Называется моим земляком. "Послушайте, — говорит, — я хочу вам показать свои пародии". Отвечаю ему, что слушать не буду, потому как ничего в этом жанре не понимаю. Интересуюсь: "Что вы хотите?" — "Хочу работать в Москве". Спрашиваю: "Вы заканчивали театральный институт или училище?" — "Нет. Мне работать надо".

Я понял, что молодой человек считал себя уже готовым мастером. Еще раз попытался объяснить: "Если вы эстрадный актер, то обратились не по адресу. Если же хотите поступать в театральный институт, то могу вас послушать, посмотреть, на что способны, посоветовать". "Нет, — твердит свое, — никуда не хочу поступать. Мне надо работать".

"Как же быть?" — думаю. "Давайте познакомлю вас с Романом Карцевым, — предлагаю незваному гостю, — он в нашем доме живет". "Не надо меня ни с кем знакомить", — мрачно отвечает тот. Каким-то уж больно упертым оказался он мне.

И все-таки я повел его к Карцеву. А когда выходили из моей квартиры, землячок с такой обидой сказал: "Вот увидите: я стану знаменитым". Оставил его у Романа и ушел. Карцев — гениальный человек! Он внимательно выслушал его, дал номер телефона какой-то женщины, сам позвонил кому-то. И Михаил нашел свой путь в творчестве, открыл свою жилу. Лет через 10 — 12 слышу, что некто Евдокимов очень популярен и делает пародии на меня. (Он из "Бумбараша" песню пел.) На некоторых концертах наши дороги пересекались. Но когда он видел меня, пародии делать стеснялся.

Сейчас Евдокимов — человек знаменитый. Тогда он, правда, обиделся на меня. Но театральный институт все-таки закончил, заочно. Теперь мы часто встречаемся. Когда бываю в Быстром Истоке, проезжаю Приобский, огород Михаила не минуя.

— Как по-вашему, фильм "Не валяй дурака..." удался?

— Мне кажется, да. Смотрел его с большим удовольствием. И эти негры, и бочки со спиртом, и сарай, где пьют, гуляют, а потом он сгорает, — все как-то необычайно интересно. В то же время всех героев картины почему-то жалко. Всем сочувствуешь, потому что люди они симпатичные. Да и публика актерская солидная: Остроумова, Евдокимов, Дуров, Агапитов и другие.

— Скажите, а леонтьевскую песню "Казанова" вы сами исполняли на двухрядке или это была фонограмма?

— Какая фонограмма?! Меня и взяли-то на съемки потому, что я играю на гармошке.

— Не думаете ли сняться еще в каком-нибудь фильме?

— Пока интересных предложений не было.

— Более 30 лет вы трудитесь на профессиональной сцене. Можно ли сравнить роль театра в жизни общества тогда и сейчас?

— Роль театра во все времена была таковой: держать зеркало перед природой. Театр как искусство вечен. Актер — эгоист. Если ему предлагают хорошую роль, то какая власть на улице, — артисту "по барабану". Для него важнее самовыразиться на сцене.

Например, когда мы репетировали спектакль "Живаго", советская власть рухнула. Я и не заметил, как это произошло. В то время меня к тому же пригласили на роль Павла I в Театр Российской армии. Я и не обратил внимания, что творилось на улицах Москвы. Мне было, скажем так, не слишком интересно. В этом смысле человек, занимающийся творчеством, находится в особом ряду.

Правда, года три тому назад зритель значительно отхлынул от театра. Стал больше интересоваться политикой. Начал смотреть по телевизору парламентские спектакли. Потом ему надоело. И умный зритель в большинстве своем вернулся в театральные залы. Опять же, он вернулся, а цены на билеты под-

скочили. Это тоже его осадило, и мы впервые увидели пустые кресла, чем были несколько шокированы. Но актер понимает, что театр — величина постоянная и от политических катаклизмов практически не зависит.

— И все-таки, Валерий Сергеевич, когда вам работалось легче, свободнее, интереснее? В советские времена или сейчас?

— У меня два ответа на этот вопрос, хотя смысл их один и тот же. Первый — из Библии: "Не спрашивай, отчего это прежние времена были лучше. Не от мудрости говоришь это". А если перевести на наш совковый язык, то получится анекдот: "У мужика спрашивают, когда ему жилось лучше: при Сталине, при Хрущеве или при Брежневеве? Он думал-думал и говорит: "При Сталине". Почему? Как же так? Тюрьмы, лагеря, доносы, кровь лилась..." "Бабы были моложе", — отвечает мужик".

— Буквально несколько слов о ваших творческих планах на ближайшее будущее.

— В театре Любимов приступил к постановке пьесы Вайса "Марат де Сад". Я назначен на роль де Сада. Не знаю, правда, что из этого получится.

Далее в плане постановка "Плач по Венедикту Ерофееву". Думаю, что буду занят в этом спектакле.

К юбилею Солженицына, который отмечается в декабре, Любимов ставит "В круге первом". Там тоже предстоит немало работы.

— Я заметил у вас на шее тесемочку для крестика. Вы верующий?

— Сказать: "Верующий" — очень ответственно. По крайней мере, хотелось бы быть верующим.

— Формула успеха по Золотухину?

— Вперед, и с песней!

— Благодарю за интервью. Всего вам самого доброго.

— Храни вас Бог!

Беседовал
майор
Геннадий ШАХОВ

Обществу "Динамо" — 75 лет

СИЛА —
В ДВИЖЕНИИ

В апреле этого года наше родное спортивное общество "Динамо" отмечает славный юбилей — 75-летие со дня рождения.

На всех этапах истории Отечества после 1917 г. руководство государства ставило перед физкультурным движением страны различные задачи. "Динамо", с 1923 года активно участвовавшее в их решении, было одним из ведущих организаторов первых производственных предприятий отечественной спортивной индустрии, широкой торговой сети для сбыта выпускаемой спортивной продукции населению, капитального строительства спортивных сооружений и их эксплуатации, но и массовой физкультурной работы среди взрослых и детей, спортивной медицины, международных спортивных связей и т.д.

Семь с половиной десятилетий общество деятельно участ-

вует в решении задач, стоящих перед физкультурным движением страны, обеспечивает обязательную физическую и специальную подготовку личного состава ведомств, культивирование и развитие служебно-прикладных видов спорта. Это означает, что "Динамо" выполняет важные функции общественно-государственного значения.

С 1923 по 1954 г. в низовых физкультурных коллективах и группах руководство общества избиралось. Однако в центре, республиках, краях и областях председатели, президиумы и ревизионные комиссии советов назначались. А с 1954 г. вводится выборность руководящих органов снизу доверху. До этого времени председатели общества, назначаемые из числа заместителей руководителей ОГПУ—НКВД—МВД—КГБ, не освобождались от своих служебных обязанностей и менялись довольно

часто в связи с перемещением по службе.

Первыми освобожденными штатными председателями были полковник А. Куприянов, генерал-майор (ныне генерал-лейтенант в отставке) П. Богданов и генерал-майор В. Сысоев. В 1991 г. после распада СССР Всероссийское физкультурно-спортивное общество "Динамо" возглавил полковник С. Котов. В 1995-м председателем был избран заместитель министра внутренних дел России генерал-лейтенант (ныне генерал-полковник) милиции П. Латышев, а его первым штатным заместителем — полковник (ныне генерал-майор внутренней службы) Л. Романов.

В довоенный период динамовцами была проведена огромная организаторская работа во всех отраслях своей деятельности. Значительно окрепла материально-техническая база. Активно

Знаменитые динамовцы, заслуженные мастера спорта СССР (слева направо): борец Николай Парфенов, футболист Лев Яшин, конькобежка Мария Исакова, фигуристка Наталья Линичук

велось строительство спортивных сооружений непосредственно в коллективах физкультуры. Выходы динамовцев на стадионы и водные станции, проведение утренних зарядок и физкультпауз стали подлинно массовыми и регулярными. Подготовкой и сдачей норм комплекса ГТО была охвачена значительная часть членов общества.

Созданные динамовцами первые в стране секции по прикладным оборонным видам спорта осуществляли многочисленные конные, вело-, мото- и автопробеги, авиаперелеты, комбинированные эстафеты, шлюпочные и дальние лыжные переходы. Все это способствовало укреплению оборонной мощи страны и пропаганде физической культуры и спорта среди широких масс населения.

Наиболее значительными мероприятиями из числа перечисленных были: шлюпочные переходы Смоленск — Севастополь через днепровские пороги и Астрахань — Москва — Астра-

хань; велопробеги Тифлис—Москва, Одесса — Владивосток и вдоль границ Советского Союза; лыжные дальние переходы Магадан — Хабаровск (4000 км) по почти безлюдным просторам Нижнеколымского края и низовьям Амура и беспримерный по дальности (8200 км) пятимесячный лыжный переход Байкал — Мурманск; автопробег горьковских динамовцев Горький — Москва — Каракумы — Горький и авиаперелет украинских динамовцев Киев — Хорог.

Более 60 газет и журналов, издаваемых в ту пору организациями "Динамо", помогли им достигать уникально высокого коэффициента полезной деятельности.

Соперниками советских спортсменов до Великой Отечественной войны были преимущественно представители зарубежных рабочих спортивных клубов. В составы советских спортивных команд почти всегда включали динамовцев, часто в значительном большинстве. В некоторых международных спортивных

встречах представляли страну только динамовские коллективы.

В 1924 г. среди выступавших в Чехословакии советских легкоатлетов успех сопутствовал динамовке В. Журавлевой. Тогда же группа из четырех советских мотоциклистов совершила мотопробег по маршруту: Москва—Варшава — Краков — Вена—Нюрнберг — Дрезден — Лейпциг — Берлин — Кенигсберг— Москва. В составе ее участников было два динамовца — командир пробега П. Уралец и В. Козак.

В середине 20-х годов футбольная команда "Динамо", составленная из московских и ленинградских спортсменов, совершила успешное турне по странам Скандинавии.

В 1926 г. среди борцов, выезжавших в Германию, были представители нашего общества Г. Курдов, М. Зиминский и судья И. Хайдин. В том же году в Париже и Берлине успешно выступил ленинградский динамовец бегун А. Максунев.

В 1927 г. один из лучших советских конькобежцев, динамо-

вец Г. Кушин на ледяных дорожках Норвегии и Финляндии показал отличные результаты на стайерских дистанциях.

В 1928 г. на Международной зимней рабочей спартакиаде в Осло высокое спортивное мастерство показали динамовцы: фигурист Ю. Зельдович, конькобежец Г. Кушин, лыжник А. Додонов, боксеры К. Градополов, В. Езеров, А. Павлов, С. Целовальников.

В 30-х годах динамовцы одержали убедительные победы в серии заочных матчей по пулевой стрельбе со стрелками клубов Великобритании и США. В присутствии американского военного атташе советские стрелки одержали уверенную победу, набрав 978 очков (у американцев—927). В составе команды "Динамо" были стрелки Н. Галкин, Ф. Жамков, И. Нецветаев, В. Однолетков, А. Ролинский, П. Шугаев и другие.

Советские пловцы, выступая в 1934 г. в Стокгольме и Осло, заняли все первые места. Особенно восторженные отзывы прессы и спортивных специалистов вызвали выступления динамовцев: пловчихи К. Алешинной и прыгуна в воду А. Жигалова.

В середине 30-х годов футболисты киевского "Динамо" во Франции одержали победу с крупным счетом в матче с командой "Редстар".

В составе советской делегации, выехавшей в Париж в 1934 г. на интернациональный слет спортсменов рабочих клубов, были динамовцы: футболисты В. Тетерин, В. Смирнов, М. Якушин, С. Ильин, легкоатлеты Н. Денисов, Р. Люлько, С. Ляхов, Г. Турова.

В 1937 г. в Антверпене на Международной рабочей спартакиаде особо отличились динамовские легкоатлеты Р. Люлько, С. Ляхов, Н. Озолин и З. Синицкая.

В довоенный период достижения некоторых советских спортсменов, в частности, динамовцев: тяжелоатлета Г. Попова, стрелков Н. Титова, А. Рыжова, В. Однолеткова, пловчихи К. Алешинной,

превышали официальные рекорды мира. К сожалению, они не утверждались международными спортивными федерациями, так как советский спорт тогда еще не был официально признан Международным олимпийским комитетом (МОК).

С началом Великой Отечественной вся деятельность общества была перестроена на военный лад и полностью подчинена подготовке резервов для Красной Армии и нуждам фронта. Кроме имеющихся штатных инструкторов-специалистов для массового обучения призывников и новобранцев-ополченцев потребовалось значительное количество общественных инструкторов, которые проходили специальную подготовку на созданных семинарах-курсах. Чувство патриотизма было настолько велико, что даже женщины, ничего общего не имевшие с боевой подготовкой, добровольно поступали на эти курсы и становились инструкторами-общественниками. Среди них были и заслуженные мастера спорта: теннисистка Н. Теплякова, велосипедистка М. Минаина и пловчиха К. Алешина.

Наличие в организациях "Динамо" мощной материально-технической базы для развития стрелкового спорта — тиров, стрельбищ, оружия, боеприпасов, необходимых мишенных установок и приборов, а также многочисленного состава квалифицированных инструкторов-тренеров способствовало тому, что только за два года (1942—1943гг.) динамовцами было подготовлено 15000 снайперов, около 100000 стрелков из боевой винтовки, 30000 пулеметчиков...

Большинство снайперов участвовало в боях почти на всех фронтах. Особо отличились одни из зачинателей снайперского движения М. Миронов, И. Вежливец и П. Гальченко, удостоенные звания Героя Советского Союза.

В Казахстане и Грузии гото-

вились специальные войска для действий в горных условиях. В этой работе активное участие принимали динамовцы-альпинисты Е. Колокольников и М. Погребецкий.

На горнолыжной базе "Динамо" в Бакуриани инструкторы занимались подготовкой альпинистов и горнолыжников для Закавказского фронта.

На Центральном стадионе "Динамо" в Москве и крупнейшем в стране стрельбище в Мытищах с первых дней войны начала комплектоваться Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД, в основном из числа добровольцев — ведущих мастеров спорта, спортсменов-разрядников "Динамо", других спортивных обществ, студентов и преподавателей ГЦОЛИФКа, курсантов и слушателей школ и училищ НКВД и др.

Среди первых динамовцев, ведущих мастеров спорта страны, добровольно вступивших в ОМСБОН, были: легкоатлеты Л. Метропольский, А. Исаев, И. Степанченко, боксер А. Тимошин, тяжелоатлет Н. Шатов, велосипедист В. Дайреджиев, борцы Г. Пильнов, Л. Егоров, Ш. Чихладзе, конькобежец К. Кудрявцев, прыгун в воду Г. Мазуров, стрелки Е. Донская, Ф. Жамков, гребцы И. Рогачев, И. Тимошин и др. Более 7670 омсбонцев награждены орденами и медалями, а 25 воинов удостоены звания Героя Советского Союза.

В историю спорта навечно войдет и подвиг футболистов киевского "Динамо". Они выиграли несколько встреч у команд отдельных частей фашистского гарнизона. Желая взять реванш, гитлеровцы составили сборную команду из лучших футболистов немецких авиационных частей. Но победу вновь одержали динамовцы. Их успех был встречен бурной овацией многочисленных киевлян, присутствовавших на стадионе. Раздосадованные и обозленные поражением фашисты не без помощи местных

полицаев арестовали нескольких футболистов-динамовцев и вскоре расстреляли их. Погибли А. Клименко, Н. Коротких, И. Кузьменко и капитан команды Н. Трусевич. Этот матч получил название "матч смерти".

Оставшиеся в живых его участники В. Балакин, М. Гончаренко, М. Мельник, М. Путистин, М. Свиридовский и В. Сухорев в 1965 г. были награждены медалью "За боевые заслуги". Погибшие футболисты — медалью "За отвагу" (посмертно).

Вскоре после войны, в 1945 г., было совершено победное турне по Англии футбольной командой московского "Динамо" в составе: А. Хомича, В. Радикорского, М. Семичастного, И. Станкевича, В. Блинкова, Л. Соловьева, В. Трофимова, Е. Архангельского, В. Карцева, К. Бескова, В. Боброва, В. Савдунина, С. Ильина, под руководством М. Якушина. Команда сыграла 4 матча, не проиграв ни одного, с общим счетом 19:9.

Советскими легкоатлетами были одержаны блестящие победы на чемпионате Европы 1946 г. Из 20 выигранных медалей—6 золотых, и все завоеваны динамовцами (Е. Сеченова — дважды: 100 и 200 м; Н. Думбадзе — диск, Т. Севрюкова — ядро, К. Маючая — копье и Н. Каракуло — 100 м).

Количество побед команд "Динамо" на чемпионатах и в розыгрышах кубков страны в ряде видов спорта фиксируется двузначными цифрами. В таком престижном виде спорта, как футбол, все четыре динамовские команды высшей лиги выиграли ровно половину всех проведенных чемпионатов СССР (27 из 54). В 1967 г. эти команды заняли в первенстве первые четыре места (киевская, московская, тбилисская и минская). Московская команда "Динамо" первой участвовала в финале розыгрыша Кубка обладателей кубков европейских стран.

Высоки достижения команд "Динамо" по волейболу, баскетболу, хоккею (с шайбой, с мя-

чом, на траве), водному поло, теннису и другим видам спорта.

Неоценимый вклад в славные победы спортсменов нашей Родины внесли сотни динамовцев, неоднократные чемпионы страны, Европы, мира и Олимпийских игр. Благодаря их победам наша страна стала одним из лидеров мирового спорта.

Свыше 70 медалей завоевали спортсмены Всероссийского ФСО "Динамо" на III Играх Доброй воли в Санкт-Петербурге в 1994 г., в том числе 33 золотые.

Юлия Чепалова

Среди динамовцев имеются четырехкратные чемпионы Олимпийских игр: Е. Белова, А. Дитятин, А. Тихонов и Л. Турищева; трехкратные—О. Брызгина, Г. Горохова, В. Давыдов, А. Забелина, А. Карелин, А. Резцова, Т. Самусенко (Петренко), В. Санеев, С. Харьков. 28 динамовцев завоевали это звание дважды.

Общество гордится не только своими воспитанниками, но и всемирно известными тренерами. Из нескольких сотен назовем лишь некоторых: Б. Астафьев, Г. Ахвледзиани, К. Бесков, Л. Бокун, В. Дмитриев, Г. Качалин, В. Малин, И. Манаенко, В. Растороцкий, В. Соловьев, С. Спандарьян, В. Трофимов, Е. Чайковская, А. Чернышов, В. Юрзинов, М. Якушин, А. Ярмовский и др. Многие тренеры других спортивных обществ также вышли из рядов динамовцев. Даже трене-

ры ЦСКА по хоккею А. Тарасов и В. Тихонов были воспитанниками "Динамо".

Особая страница в истории общества принадлежит выдающемуся вратарю всех времен и народов, Герою Социалистического Труда, полковнику внутренних войск Льву Ивановичу Яшину. Человек открытой души, прямой и честный, отзывчивый и бескорыстный, милосердный и справедливый, он был образцом патриотизма, эталоном преданности не только родному спортивному обществу, но и своей Отчизне.

Отличились динамовцы и на зимних Олимпийских играх 1998 г. в японском городе Нагано. Две высшие награды — в лыжной гонке на 5 км и эстафете 4x5 — завоевала Ольга Данилова. Золото в лыжной эстафете взяла также Нина Гаврылюк. Самая юная участница лыжных соревнований 21-летняя военнослужащая Московского округа внутренних войск прапорщик Юлия Чепалова одержала победу в гонке на 30 км.

Замечательного успеха на Олимпиаде-98 добились динамовцы военнослужащие внутренних войск прапорщики Анжела Крылова и Олег Овсянников, завоевавшие серебряные медали в танцах на льду. Яркое выступление нашей пары не только покорило зрителей, но и произвело большое впечатление на искушенных специалистов фигурного катания.

Остается от души поздравить наших замечательных спортсменов-динамовцев с красивыми, заслуженными победами и пожелать дальнейших успехов. С праздником вас, дорогие товарищи, с 75-летием "Динамо"!

**Полковник
Рашид ИБРАГИМОВ,
судья
республиканской категории**

г. Москва

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Новые баллы шахматистов

В январе этого года ФИДЕ опубликовала новые рейтинг-листы шахматистов всего мира. В них 20670 имен, из них 1331 женское. Такова мировая армия шахматных бойцов. Сила игры каждого из них оценена в баллах. Сообщаем нашим читателям: в журнале "64-Шахматное обозрение" № 1—2, 1998 г. опубликован рейтинг-лист российских шахматистов, в нем 1920 фамилий.

В рейтинг-листе мужской шахматной элиты 103 имени, в женской — 53. Баллы подсчитаны с учетом спортивных результатов соревнований второго полугодия 1997 г. К сожалению, декабрьские турниры, в том числе чемпионат мира, не учтены, и потому В.Ананд, проигравший на чемпионате мира А.Карпову, на третьем месте с рейтингом 2770, а чемпион мира А.Карпов на шестом с рейтингом 2735. На первом же месте в рейтинг-листе Г.Каспаров — 2825, на втором В.Крамник — 2790, на четвертом В.Иванчук — 2740, на пятом В.Топалов — 2740. Замыкают высшее общество гроссмейстеры с рейтингом не ниже 2585.

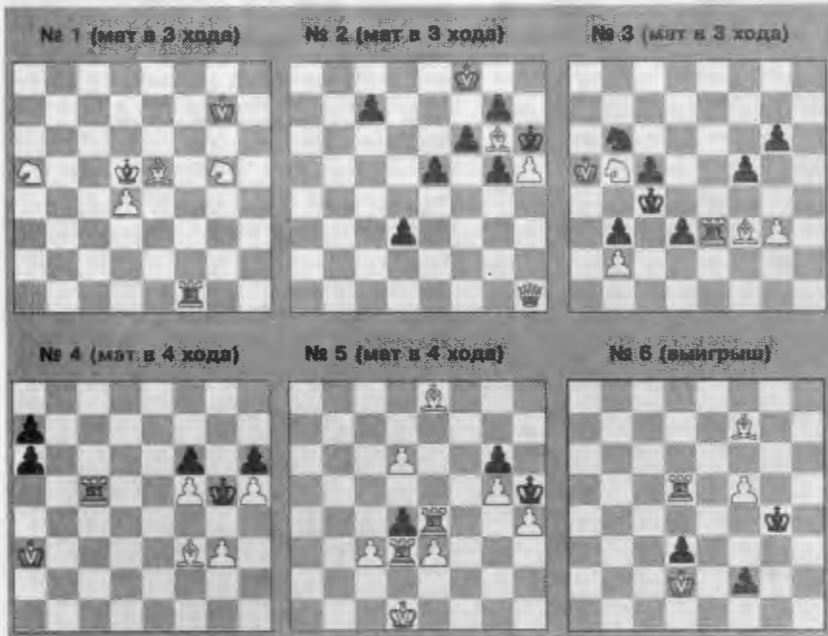
Талантливая венгерка Юдит Полгар участвует в мужских турнирах и побеждает многих мужчин, и потому в мужском рейтинг-листе она на 17-м месте, ее рейтинг — 2670. В женском же она на первом месте, на втором ее сестра Жужа Полгар — 2565, являющаяся чемпионкой мира среди женщин. Россиянок в женском элитном списке 10. Пятое место занимает Алиса Галлямова — 2505, 12-е место — Светлана Матвеева — 2460.

Самая, самая...

Как известно, финальная встреча А.Карпов — В.Ананд на чемпионате мира закончилась со счетом 5:3 в пользу Карпова. Из восьми сыгранных партий наибольшее внимание любителей шахмат привлекла четвертая. В периодических изданиях она названа самой красивой, самой интересной и запоминающейся. Приводим эту партию и рекомендуем нашим читателям посмотреть ее на шахматной доске. А.Карпов играет черными.

В.Ананд — А.Карпов. 1.e4 c6. Это полуоткрытое начало называется защитой Каро-Канн. Название произошло от фамилий впервые исследовавших ее английского мастера Г.Каро и австрийского шахматиста М.Канна. **2.d4 d5 3.ed c4 4.c4 Kf6 5.Kc3 e6 6.Kf3 Ce7 7.cd K:d5 8.Cd3 Kc6 9.0—0 10.Лe1 Cf6 11.Ce4 Kce7 12.h4 Kf5!? 13.Фd3 K:c3 14.bc h6! 15.h5 Kd6 16.Ke5 K:e4 17.Ф:e4 C:e5 18.de f5! 19. Фe2?! Cd7 20.Ld1 Cb5! 21.Фf3 Фe8 22.Cf4 Lc8 23.Ld4 Lc4 24.Lad1 Фf7 25.L:c4 C:c4 26.a3 Lc8 27.Ld4 Kph7 28.Cd2 Cd5 29.Фh3 b5 30.a4 ba 31.L:a4 Lc4 32.L:c4 C:c4 33. Фh4 Cb5 34.c4 Ce8 35.c5 Фd7! 36.Cc3 Фd3 37.Фd4 Ф:d4 38.C:d4 a5 39.c6?! C:c6 40.f3 f4 41.Cb2 Ce8 42.Cc1 a4 43.C:f4 a3 44.Ce3 C:h5 45.Kpf2 Ce8 46.Cd4 Cc6 47.Cc3 a2 48.g3 h5 49.g4 h4!**

"И потрясенный свершившимся Ананд сдался. В этой партии произошло нечто из ряда вон выходящее, то, что надолго закрепляется в памяти шахматных поколений" — так прокомментировало окончание партии одно из периодических изданий.

КОНКУРС! КОНКУРС! КОНКУРС!

Объявляется конкурс решений, посвященный 40-летию нашего журнала.

"На хороший цветок и пчелка летит" — такова народная поговорка. Поэтому даем шесть не трудных, но содержательных в эстетическом отношении конкурсных композиций. Приславшие до 15 июня с. г. их правильные решения с указанием всех вариантов награждаются книгой "Загадки прекрасного" с автографом автора. Фамилии всех участников конкурса, независимо от наград, будут опубликованы.

Решения присылайте по адресу: 107120, Москва, Б-120, Сыромятнинский проезд, 8, редакция журнала "На боевом посту" — с пометкой на конверте "Шахматный конкурс".

Желаем успеха в честной борьбе, без компьютеров!

(На боевом посту. № 3, 1998)

№11. Крe5, Лсb, Лg1, п.b6 /4/ — Крe7, п.b7 /2/, мат в 3 хода. 1.Ld8!, цугцванг; 1...Кр:d8 2.Крe6 Крe7 3.Лg8X1, 1...Кр:f7 2.Крd6 Крf6 3.Лf8X1, 1...Крf6 2.Ld7! Крf5 3.Лf7 X1! Три варианта, оканчивающиеся правильными матами!

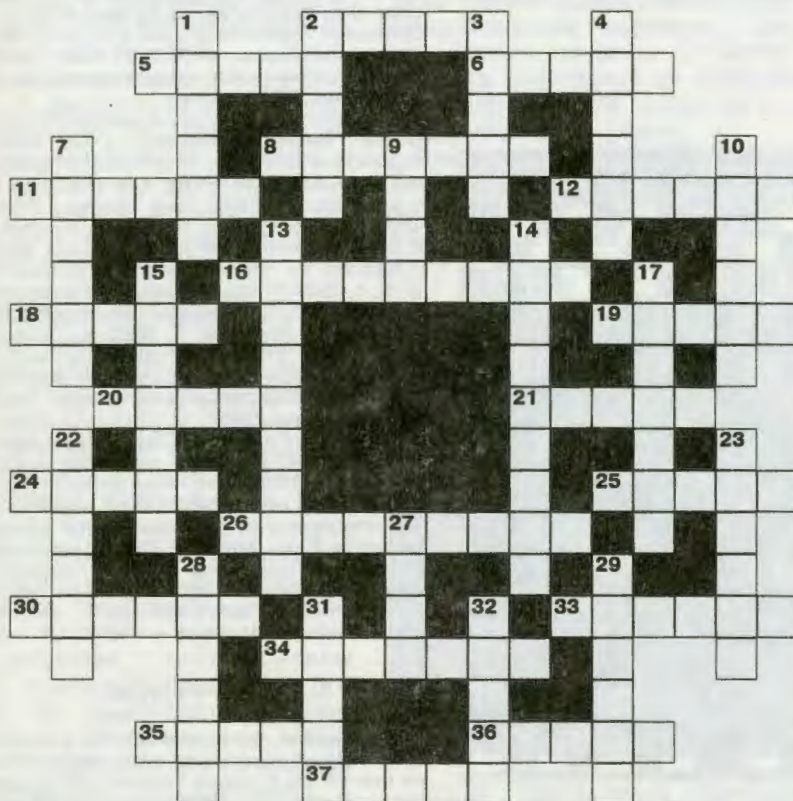
№12. Крb1, Лd2, Лf5, п.f2, g4 /5/ — Крe4, п.b3 /2/, мат в 4 хода. 1.Ld1! b2 2.Крe2!! b1Ф+ 3.L:b1 Крd4 4.Лb4 X1! Мат правильный

№14. Крd2, Са1, Кf6, п.d3, e4 /5/ — Крe5, Са2, п.e3, f6 /4/, кооперативный мат в 3 хода. 1.Ce6! Ce6! 2.Фe Кg7 3.Крd4 Кe6 X1! Идеальный мат.

№15. Крe4, Сb2, Сg2, Кd2 /4/ — Крh2, Фb1, п.e7, g4 /4/, кооперативный мат в 3 хода. 1.Фh1! Са8! 2.Фb7! Кf1 — 3.Кph1 C:b7 X1

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Порядок построения кораблей при выполнении боевой задачи под единым командованием. 5. Специалист по минному делу в инженерных войсках и в военно-морском флоте. 6. Орган военной разведки и контрразведки в Германии в 1935-1944 гг. 8. Письменное донесение командира о положении или боевых действиях своих сил. 11. Звание предводителя, командующего войском, введенное в Польше и Чехии в XV веке, на Украине в XVI веке, в Молдавии в XVII веке. 12. Письменное или устное распоряжение начальника, обязательное для исполнения подчиненными. 16. Участок канала ствола огнестрельного оружия, куда по-

мещается гильза патрона. 18. Деталь механического прицела огнестрельного оружия. 19. Полевое укрепление в виде рва, окопа. 20. Советский разведчик, журналист, Герой Советского Союза. 21. Член оружейного расчета. 24. Походная военная сумка. 25. Немецко-фашистский концентрационный лагерь, созданный в 1933 году под Мюнхеном. 26. Название автоматических винтовок, выпускаемых с середины XIX века (по имени основателя американской фирмы). 30. Металлический или деревянный стержень для чистки и смазки канала ствола и других частей огнестрельного оружия. 33. Смелость, бесстрашие, храбрость воинов в бою. 34. Оборонительный доспех из железных пластин на Руси. 35. Роман И. Стаднюка, участника Великой Отечественной войны. 36. Одна из фигур высшего пилотажа. 37. Защитный головной убор в виде шлема у военнослужащих.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Воинское звание старшинского состава в ВМФ России. 2. Почетная награда за воинские заслуги. 3. Переносная радиостанция малой и средней мощности. 4. Часть воинских подразделений, предназначенных для введения в бой в решительный момент. 7. Орган сторожевого охранения для своевременного обнаружения противника и предупреждения своих войск. 9. Старинный пушечный снаряд. 10. Чин младшего командного состава в русской армии в XVII-XVIII вв. 13. Лицо, занимающееся добыванием сведений о действительном или вероятном противнике. 14. Боевой корабль, предназначенный для уничтожения кораблей противника торпедами. 15. Отраженный полет снаряда, пули от поверхности преграды после удара. 17. Ежедневная газета Всероссийского совета ветеранов. 22. Младшее воинское звание в ВМФ. 23. Повесть В. Василевской о мужестве и героизме советских людей в Великой Отечественной войне. 27. Город в Липецкой области, центр проведения наступательной операции в декабре 1941 г. 28. Расположение войск небольшими отрядами вдоль определенной линии или границы государства. 29. Место расположения военачальника, штаб Верховного Главнокомандующего. 31. Рубящее и колющее холодное оружие. 32. Стихотворение К. Симонова военных лет.

Составил Евгений КУЛИКОВ

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Караул. 3. Департамент. 7. Победа. 9. Острог. 11. Пушкарь. 12. Болтун. 14. Литера. 16. Тир. 17. "Судьба". 19. Оселок. 20. Адамит. 21. Бойкот. 23. Вольер. 26. Тамбов. 27. Турист. 30. Неряха. 31. Тесина. 33. Елка. 34. Янус. 36. Натура. 37. "Аврора". 39. Еланча. 40. Домино. 41. Нансен. 43. Калина. 45. Атос. 46. Рыно. 47. Патрон. 49. Гормон. 51. Радист. 53. Слепок. 55. Кимвал. 56. Тризна. 57. Мундир. 60. Слалом. 62. Геракл. 63. Мир. 64. Фимиап. 67. Рубаха. 68. Кирасир. 69. Кортик. 70. Армада. 71. Локализация. 72. Привал.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Колесо. 2. Ларчик. 4. Ажур. 5. Токсин. 6. Мера. 7. Пальба. 8. Август. 9. Объект. 10. Греков. 12. Бюджет. 13. Наймит. 14. Лоцман. 15. Анкета. 17. Солдат. 18. Аджика. 21. Боярин. 22. "Тойота". 23. Ворона. 24. Рутина. 25. Акселератор. 28. Сейсмология. 29. Экватор. 32. Антигуа. 35. Очи. 38. Лом. 41. Натиск. 42. Настил. 43. Кастет. 44. Акмала. 47. Подвиг. 48. Незвал. 49. Голиаф. 50. Напалм. 51. Ранжир. 52. Тарана. 53. Снимок. 54. Колпак. 57. Манера. 58. Регата. 59. Низами. 60. Сатрап. 61. Металл. 65. Мина. 66. Пиза.

2-я международная выставка

СЕКЬЮРИТИ ЭКСПО 98

Технические
средства
охраны
правопорядка
и
обеспечения
безопасности

22—26 июня
1998 г.

Россия
Москва

Выставочный
комплекс
ЗАО «Экспоцентр»
на Красной Пресне

 ЭКСПОЦЕНТР

Наш адрес:

Россия, 123100, Москва,
Краснопресненская наб.,
14, ЗАО «Экспоцентр»,
фирма «Межвыставка».
Куратор выставки —
Истрина Марина
Владимировна.
Телефон: (095) 205-29-64,
Телефакс: (095) 205-60-55
Телекс: 411185 EXPO RU
— международная связь
112864 ЭКСП —
внутрироссийская
связь

НАШИ ИЗДАНИЯ ДЛЯ ВА

Индекс
для
индивидуальной
подписки — 70610

Индекс
для предприятий
и организаций — 73175

Ситуация

• ФАКТЫ
• СОБЫТИЯ
• КОММЕНТАРИИ

Издается с апреля 1990г.

№ 11 (339) • МАРТ • 1998г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМУ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ЖУРНАЛУ
"НА БОЕВОМ ПОСТУ" ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

ГРАНИЦА НЕ ЗНАЕТ ПОКОЯ

Индекс — 50157

Подробности
каталоге
ОСПЕЧАТИ

университеты
полковника Чумаченко

КРУПНЫМ ПЛАНOM

...где раньше? — А раньше...
Родился Чумаченко в семье офицера Потомственный военный. Так что дальнейшую судьбу проща бы не выбирал. Она его выбрала.
Да и как, скажите, иначе, если сизмалства мотался по гарнизонам. Мальчишкой просыпался со звуком полковой трубы, засыпая, считая по армейскому расписанию дня. И слушая рассказы отца фронтовики, уже не видел для себя...

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМУ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМУ
ЖУРНАЛУ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
МВД РОССИИ

НА
БОЕВОМ ПОСТУ

Индекс — 73515

Войсковой Вестник

СБОРНИК
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ 1-98